

ISSN 0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

4

1987

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ — 150

Диалог через столетие 3

ПУБЛИЦИСТИКА

МАРЛЕН КОРАЛЛОВ. Круглый многоуголь-
ник 6

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Соболезнование. Ро-
ман. Окончание. Перевод Владимира
Солоухина 26

КОЛАУ НАДИРАДЗЕ. Стихи. Переводы Яна
Гольцмана и Сергея Алиханова 79

ТИНА ДОНЖАШВИЛИ. Гонджаура. Роман.
Окончание. Перевод с грузинского. 86

ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ. Стихи. Авторизован-
ный перевод с украинского Влади-
мира Кухалашвили 145

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Гармония, рожден-
ная совершенством... 147

4

1987

КРАИ РОДНОМ

Н. КАВЕЛАШВИЛИ. Дорогой памяти иду к тебе 166

КРИТИКА

ГЕОРГИИ МЕРКВИЛАДЗЕ. Современность как художественное время 178

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОЧЕРК

МЭЛОР СТУРУА. Музы и маски. (Новые необыкновенные приключения Тарзана) . 184

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Книги к юбилею. Беседа с председателем Госкомиздата Грузинской ССР Р. М. Глonti 203

РЕЦЕНЗИИ

И. ЛЕЖАВА. Поэт и переводчики 209
В. ПРОСТОСЕРДОВ. Семицветие радуги 212

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Лейтмотив: любовь к родине 215

ХРОНИКА 25, 202, 208

В нынешнем году исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе. Грузия всенародно отмечает эту знаменательную дату — текущий год в литературной жизни республики объявлен годом Ильи.

«Литературная Грузия» планирует публикацию посвященных жизни и творчеству писателя материалов, воспоминаний его современников. Под рубрикой «Диалог через столетие» будут публиковаться переводы фрагментов статей самого Ильи Чавчавадзе, по сей день не утративших своей актуальности.

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

* * *

...В нашем просвещенном обществе часто раздаются огорченные голоса по поводу того, что нашей литературе недостает критики. Истинная правда, это большой, очень большой недостаток...

Отсутствие критики, однако, не следует объяснять бессодержательностью нашей литературы вообще и поэзии в частности. Бессодержательность нашей литературы — очевидная ложь. Тот, кто обвиняет ее в этом, несправедлив к произведениям нашего ума и сердца и делает это либо по незнанию, либо намеренно, чтобы скрыть свой стыд и свалить вину за отсутствие критики на другого. Мы, конечно, не можем утверждать, что нам нечего желать нашей литературе вообще и поэзии в частности, но и то, что мы имеем на сегодня, безусловно заслуживает внимания истинной критики...

Отсутствие критики мы объясняем нашей же собственной беспомощностью и бессилием и вот почему... Наши «ученые, образованные мужи» во всех подробностях преподадут вам теорию Дарвина, обстоятельно растолкуют эстетику Гегеля, философию искусства Лессинга и Тэна; напишут огромные тома о Шекспире, Гете, Байроне, даже о Гомере, которых, между нами говоря, почти никто не читает, и может случиться такое чудо, что это будут вполне достойные внимания книги, но ни строчки не посвятят хотя бы одному небольшому стихотворению какого-либо нашего поэта, как оно того заслуживает. Не удивляйтесь, но это так. Стоит только призадуматься, и вы поймете причину этого странного явления.

Шекспир, Гете, Байрон давным-давно неоднократно проанализированы другими учеными. О них много написано, многое сказано. Стало быть, выработать о них ту или иную мысль и найти ей обоснование не составляет никакого труда. Здесь все — и мысль, и обоснование — наготове, остается только поднатужиться, чтобы собрать, сравнить, соразмерить, а потом все это собранное, сравненное, соразмеренное связать воедино и преподнести читателю. Разумеется, и для этого необходимы ум, знания и капелька мастерства, но тут скорее действуют руки, если можно так выразиться, нежели та духовная сила, которая сама создает, сама судит, сама извлекает содержимое, словом, сама кроет и сама шьет. В этой европейской кассе все разложено по ящичкам в готовом виде, надо только найти в себе силы войти в нее, в эту кассу, а найдете, остается лишь протянуть руку, выдвинуть нужный ящичек и вынуть из него все, что пожелаете.

Совершенно иное, если у вас возникает желание покритиковать нашу литературу или наших писателей. Здесь все надо тонко продумать и озарить светом собственного разума. Вы — один на один с исследуемым предметом, тут нужен иной дар, иная проницательность, иные силы.

Можно быть очень знающим и образованным, но не суметь и шагу сделать на этом поприще, если не обладаешь тем самым «иным» даром. Это не что иное, как способность к самостоятельному суждению, независимость во мнении, самобытность. Наша слабость — в отсутствии именно этой способности к самостоятельному суждению. Если наш «интеллигент» не слышал чужого мнения о каком-либо предмете, если он не вычитал в газетах или иностранных книгах суждения о нем, этот предмет остается во всех отношениях темным для него, а сам он безъязыким — ничего сказать не может, поскольку непривычен к самостоятельному суждению, непривычен руководствоваться своим умом...

Марлен КОРАЛЛОВ

КРУГЛЫЙ МНОГОУГОЛЬНИК

ЗАМЕТКИ эти пишутся после окончания декабрьского «круглого стола», проведенного в Тбилиси московским журналом «Дружба народов». Уже не первого! Как напомнил во вступительном слове Юрий Калещук, заведующий отделом публицистики «Дружбы народов», предыдущие состоялись в Полтаве, Бресте, Вильнюсе.

Поддержку журналу в организации встречи оказали Союз писателей и прежде всего Агропром Грузии — как раз его нынешние заботы и обсуждались в Тбилиси.

Почему, собственно, его, грузинского Агропрома, заботы? Потому что Грузия в недавние годы проявила инициативу в поиске новых форм управления Агропромом; потому что опыт ее поучителен и заслуживает тщательного анализа, осмысления...

Заголовок подсказан отнюдь не любовью к парадоксам. Если уж любовью, то скорее к традиции, к порядку. Ни для кого не тайна, отчего столь плотно и прочно вошел в журналистский обиход — применительно к такого рода встречам — эпитет «круглый»... Стершийся, до ос-

новы, он узаконен и больше не воспринимается как штамп.

Круглый — то есть вполне дружеский, без острых противоречий, но вместе с тем, когда однозначность в оценке не очень показана и рядом с безоговорочно положительным «да» необходим отклик сурово отрицательный, с решительным «нет», затевается диалог, бурно вспыхивает или тихо тлеет «круглая» дискуссия.

«Агропром-86» как сюжет для широкого осмысления и неизбежной полемики относится, думаю, к высшей категории трудности.

Столы, расставленные в конференц-зале буквой «П», к геометрии сейчас отношения не имеют. Их форма больше связана с неохватностью растущих задач Агропрома и поднявшимся уровнем публицистики. С нынешним уровнем прессы и общественного сознания... Но это общие предпосылки. Конкретно же контуры тбилисского многоугольника обозначились уже составом участников.

Естественно, что наиболее представительной была грузинская делегация. Ее возглавил первый заместитель председателя Совмина республики и глава республиканского Агропрома Герой Социалистического Труда Гурам Давидович Мгеладзе. Немалую часть выступлений прослушал секретарь ЦК Компартии Грузии Нодар Амбросиевич Читанава. Среди радушных хозяев встречи — заместители Г. Д. Мгеладзе и ответственные сотрудники Агропрома — Ресан Хасанович Концелидзе, Рамаз Давидович Панцхава, Нодар Багратович Чхолария... Литературу и одновременно документальный кинематограф Грузии представлял Чабуа Амирэджиби, Союз писателей республики — его секретарь Лаша Табукашвили.

Совершенно особо хотелось бы упомянуть Михаила Багратовича Гвинджилия — главу научно-производственного объединения «Тавтави», отлично выступавшего и за круглым столом, и днем раньше, когда гости приехали осмотреть «Тавтави» и задать десятки вопросов его руководителю, бывшему министру сельского хозяйства Грузинской ССР. Убежден, что во время оживленного и долгого разговора никто из нас, собеседников Михаила Багратовича, не заподозрил и не почувствовал, что этот диалог для него из последних, прощальных и что неделей позднее в газетах появится некролог.

В тексте не передашь минуту молчания. Паузы — это абзацы.

Рискуя задеть самолюбие участвовавших во встрече руководителей колхозов и совхозов, РАПО и НИИ, обидеть деятелей прессы и телевидения, уклонюсь сейчас от продолжения списка — полный перечень читатель найдет, очевидно, в отчете, подготовленном «Дружбой народов». Позволю себе лишь отметить, что на исходе месяца, квартала, года столько занятых сверх головы людей вряд ли решились бы пробить брешь в кольце обступающих их обязанностей, если бы повод не казался им достойным внимания.

Гостей, приглашенных на встречу, лучше бы рассадить в этих заметках тоже по разным скамьям. Пусть на одной окажутся рядом знаменитые председатели. Из Белоруссии — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета БССР Владимир Леонтьевич Бедуля; Герой Социалистического Труда, член президиума Всесоюзного совета колхозов Владимир Михайлович Калачик; из Литвы — Альфонсас Викторович Гедрайтис; из Миргородского района Полтавской области — Анатолий Федорович Бака...

Предположим, на шаг вправо от председательского корпуса заняли места известные на всю страну секретари райкомов партии — инициаторы создания РАПО, в известном смысле лидеры Агрпрома. Из Эстонии — Вальтер Янович Удам, Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета республики, первый секретарь Пярнуского райкома и едва ли не первый драматург из «секретарского» корпуса Эстонии. Из Белоруссии — Николай Владимирович Доминикан, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного совета республики, первый, и судя по очеркам в «Литгазете», в «Правде», замечательный секретарь Барановичского райкома.

Допустим, слева от практиков расположились теоретики Аграрного фронта, ученые. Из Литвы — директор НИИ земледелия, лауреат Государственной премии СССР Антанас Иокубович Будвитис; из Эстонии — действительный член республиканской Академии наук, член-корреспондент АН СССР Михаил Лазаревич Бронштейн.

Отдельный ряд предоставим публицистам — Евгению Будинасу, специальному корреспонденту «Дружбы народов»; Юрию Калещуку; Геннадию Лисичкину — заведующему сектором Института экономики мировой социалистической системы АН СССР; Александру Никишину — спецкору «Дружбы народов»; Анатолию Стреляному — заведующему отделом публицистики журнала «Новый мир»; Юрию Черни-

ченко — секретарю правления Союза писателей СССР. Что касается автора этих заметок, то он о постоянной прописке в цеху агропублицистов как-то не помышляет, однако насчет абашского опыта довелось писать в «Дружбе народов» и «Заре Востока». В альманахе «Кавкасион», журнале «Мнатоби» прослеживал развитие абашской идеи — в Аджарии, Гурии, Кахетии. Как раз эти агроочерки перепечатывались в ежегодниках «Шаги».

Круглый стол в Тбилиси потому и вызвал у меня пристрастно личный интерес, что казалось: на нем не может не обсуждаться сегодняшняя ступень развития Агропрома. Рабочая гипотеза сводилась к тому, что такие практики, как Владимир Бедуля, такие теоретики, как Михаил Бронштейн, публицисты, как Юрий Черниченко, не опозорят себя уходом от реальных проблем в пустословие. «Сверяя часы», я очень надеялся подкрепить кустарные свои наблюдения опытом авторитетно-коллегиальным.

Расчет оправдался — и все же далеко не так, как можно было предположить. Выяснилось, что в последние годы совершался не всегда приметный сдвиг. Сдвиг от первых, экспериментальных, в какой-то степени «романтических» форм становления агропромышленных объединений, возникших в границах района благодаря воле, а порою отваге энтузиастов, к формам, продиктованным сверху и насаждаемым повсеместно, а следовательно по шаблону. Общесоюзный Агропром создавался и создается методами административно-бюрократическими, неизбежными для суперведомства, объединившего шесть министерств и лишь прокладывающего собственный путь в чаще тесно переплетающихся друг с другом сложнейших и бесчисленных проблем.

В скромной по размерам Абаше Гурам Мгеладзе знал руководство района, лучших механизаторов, животноводов, худших из нарушителей трудовой дисциплины — всех, наверное, знал. Его подход бывал, когда нужно, индивидуальным, решение задач конкретным и личным. В отличие от изначально-абашского периода теперешний имеет собственные законы. Его не грешно, надеюсь, обозначить условно как «бумажный». Во всяком случае уже не романтический. Ясно же, что новый Агропром набрал кадры в старых министерствах. А к чему приучались год за годом, пятилетка за пятилеткой тысячи министерских служаков? Составлять инструкции, рассылать директивы. Как ежедневно свидетельствует пресса, немало умудренных опытом специалистов

продолжает это привычное занятие и, само собой, вызывает праведный гнев у более смелых, в том числе у агропублицистов, увидевших, что здравая, плодотворная по всем расчетам, больше того, по наглядным результатам идея опять встречает бумажный заслон. Опять хиреет под грузом бюрократических наслоений.

В запросах своих и ожиданиях литераторы обычно куда решительней, чем исполнители надежд. Такова природа профессии: у мысли меньше преград, чем у поступка. Уже по этой причине надо признать закономерным, что публицисты прилетели в Тбилиси с багажом претензий, накопленных в Москве и во время поездок по Союзу. Столь же оправдано, что практики из Белоруссии, Украины, Эстонии захватили с собой в Тбилиси колчаны критических стрел, которые хотелось выпустить по толстокожим консерваторам, не ощутившим перестройку и всегда готовым подавлять инициативу людей дела.

Побаиваюсь излагать неточно, но понимаю, что быть голословным тоже нельзя.

Выступивший вслед за Юрием Калещуком непосредственный устроитель круглого стола, автор будущего отчета Евгений Будинас отметил, что в зале собрались люди, стоявшие у истоков создания АПК; собрались литераторы и хозяйственники, заслужившие звание «соавторов Агропрома».

С каким же чувством, продолжал Е. Будинас, должны мы теперь выслушивать анекдоты насчет РАПО и сознавать, что они выражают скепсис, не лишенный оснований? Нам хотелось избавиться от бюрократизма, но разве скажешь с уверенностью, что он больше не разрастается? Что долгожданное сокращение аппарата осуществилось и «прозаседавшиеся» рвутся на поля и фермы?

Перчатка, таким образом, была брошена, затравка для дискуссии дана. Благодаря ей задуманный программно и основной для встречи доклад главы Госагропрома Грузии тотчас приобрел характер оборонительный. Но известно: лучший вид обороны — наступление.

Поначалу Гурам Мгеладзе констатировал: в Грузии создание Комитета сельхозпроизводства, объединившего Министерство сельского хозяйства, Управление мелиорации и «Сельхозтехнику», помогло овладеть предварительной ступенью к Агропрому, к выявлению тех возможностей, которые плохо использовались ведомствами. В Грузии, как всюду, они отстаивали собственный интерес зачастую в ущерб

общему. Прокладывая путь к интеграции ресурсов, добываясь синтеза, Госагропром сумел дать свободу маневра транспорту, наладить доставку кормов, топлива, сократить общую потребность в автомашинах, подчинить сельское строительство нуждам хозяйства...

Стоит подчеркнуть: в нынешних масштабах этого в Грузии не было и встречается у нас далеко не во всех регионах.

Без создания Агропрома, настаивал Г. Мгеладзе, было бы гораздо трудней перегруппировывать технику, выправлять диспропорции между чаеводством и чаепроизводством...

Напоминание о сделанном, о преимуществах и заслугах Госагропрома Грузии не свелось в докладе к отрицанию или замалчиванию недостатков. Гурам Мгеладзе подтвердил: во многих РАПО нет еще полномочного хозяина, не отработаны еще методы руководства. Велик еще бумажный поток, идущий из центра. Есть безусловные излишества во всякого рода регламентациях, устанавливающих нормы и цены, пренебрегающих местной спецификой...

Признав, что трудно одолевать укоренившиеся привычки, глава Агропрома Грузии наиболее уязвимым местом новой структуры назвал районное звено. Возможности, заложенные в идее агропромышленного комплекса, пока используются здесь далеко не полностью. Но значит ли это, что магистральное направление вообще не найдено или прокладывается неверно? Что фундамент дальнейшего развития не заложен? Вовсе нет. Г. Мгеладзе убежденно — если не яростно — отверг нигилистические выводы.

Взять, к примеру, семейный подряд, продолжал докладчик. Трудно рождался! (К слову: документальный телефильм о семейном подряде в Грузии, снятый по сценарию Юрия Черниченко года полтора уже, а может, и два назад, дожидается выхода на экран — интересно, по каким причинам, отчего так долго?). Сегодня семейный подряд внедрен в 27 районах республики. Результаты очевидны. Одновременно с хозрасчетом семейный подряд — как один из вариантов бригадного — способствует росту сельхозпродукции. На взгляд Мгеладзе, долг Агропрома помогать поиску и применению любых организационных форм, которые отвечали бы потребностям места и обстоятельствам времени, изменчивым, как сама жизнь. Дело за «человеческим фактором». С полной уверенностью Г. Мгеладзе наметил в заключение перспективу: новые постановления ЦК КПСС рас-

чищают в сельском хозяйстве широкий простор для творческой деятельности.

041935940

Казалось бы, где здесь в докладе предмет для полемики? Геннадию Лисичкину оставалось как будто лишь поддерживать основную идею начавшегося разговора.

«Круглый стол», — говорил Г. Лисичкин, — институт не совсем обычный. Совещание это не является ведомственным или региональным. Это орган общест­венности, в котором должен побеждать дух диалога, а к нему не все подготовлены... Столь же «нетипичен», по мнению Г. Лисичкина, и Агрпро­м Грузии: он стремится не помыкать хозяйствами, а обслуживать экономику. В Грузии РАПО стали органами управления, способными подчинить себе действия партнеров села интересам его социально-экономического развития. Именно в этом их отличие от аналогичных служб во многих регионах других республик. Тенденция здоровая, — продолжал оратор, — но ведь надо признать: разочарование в идее РАПО существует и побуждает отрешиться от иллюзий; проблема кадров остра...

В самом деле: «как делать» не менее важно для нас, чем «что делать». А «как» — это сложнейшая проблема качества, неотрывно связанная с тем, «кто делает». Все упирается, следовательно, в «человеческий фактор».

Выразительной иллюстрацией этой мысли стало выступление Анатолия Федоровича Баки. Председатель колхоза имени Иваненко начал речь сердечным хлеборобским «спасибо», передал горячий привет от Федора Моргуна, секретаря Полтавского обкома Компартии Украины, не сумевшего, как намечал, принять участие в «круглом столе», однако же, главным образом, Анатолий Бака остановился на недостатках в своем Миргородском РАПО. Неразбериха в нем создается, на взгляд Анатолия Федоровича, уже структурой: обилием замов у председателя, лишними звеньями между теми, кто работает и дает команду. В Миргороде прочно держится установка на «троечного» председателя колхоза, можно сказать, на «средняка». Энтузиасты чаще наказываются, чем поощряются, таланту не развернуться. По сути дела, диктует волю и всем командует райагроснаб: солярки недостает — дефицит, трактора и машины простаивают. Вывод Анатолия Федоровича четок: хозяином положения должен быть сеятель, хлебороб, а экономическим рычагом — рубль.

Дослушав это выступление, я про себя констатировал:

гостевая наша атака на Агропром — только ли Миргородский? — набирает силу. Что дальше?

Выйдя далеко за пределы района, бросил поистине широкий взгляд на задачи общесоюзного Агропрома академик М. Бронштейн.

В 1965 году один процент прироста сельскохозяйственной продукции требовал, как известно, вложения одного процента фондов. А в 1985 году — уже пяти процентов! Идет постоянное удорожание продукции — подчеркнул ученый. Себестоимость за эти годы выросла в 2,5 раза. Полная стоимость одного килограмма масла достигла 8 р. 30 коп., а мяса — 4 р. 70 коп. Дотация сельскому хозяйству поднялась до 58 миллиардов. И мы предлагаем, мы вынуждены предлагать щедрые надбавки за прирост! Но где брать средства? Как одолеть диспропорции и сократить ни с чем не сравнимые потери: в США пропадает 4, а у нас 62 процента картофеля.

Сделав шаг вперед в 1965 году, мы затем сделали два шага назад и осуществили некую «антиреформу», ужесточив административное воздействие и ослабив экономические рычаги.

Только что возвратившийся из Венгрии, с которой у Грузии установились плодотворные контакты, Михаил Бронштейн сопоставлял: венгерский курс предполагает последовательную замену административного аппарата механизмом экономическим. В Венгрии сельским хозяйством управляют 500 человек, тогда как эстонский Агропром насчитывает 600 сотрудников. Но при этом Венгрия производит в 12 раз больше сельхозпродукции, чем Эстония. В Венгрии аппарат разрабатывает лишь варианты стратегии, тогда как у нас Агропром занимается преимущественно тактикой («К сожалению», — бросил реплику Г. Мгеладзе). Разрыв между планом и реальностью не «превышает в Венгрии 10—15 процентов, — добавил М. Бронштейн, — и это в тяжелейших погодных условиях последних лет, сурово испытавших венгерский вариант и доказавших его надежность...

Нужно ли предлагать комментарий?

Экскурс в историю эстонского РАПО, очевидно, понадобился Вальтеру Яновичу Удаму, чтобы обосновать полное его убеждение: все решает уровень компетентности, иными словами, человеческий фактор. Позиция первого секретаря Пярнуского райкома партии в основе своей не отличалась от позиции первого заместителя Предсовмина Грузии. Во

многих частностях тоже. Не думаю, чтобы Гурам Мгеладзе стремился к спору с Вальтером Удамом, например, о том, должно ли подчиняться Агропрому сельскохозяйственное машиностроение. Понятно, что в системе Агропрома ^{есть} ~~нужда~~ ^{нужда} в нем никак не меньше, чем в фабриках по производству «Пепси-колы» и мороженого. И столь же ясно, что в любой из республик уместны научно-технические советы при РАПО, которые для каждого хозяйства сумели бы тщательно разработать его «оптимальный вариант». Но к одному выступлению роль Удама в дискуссии не свелась. По ходу дела Вальтер Янович настойчиво разрабатывал жанр полемически заостренной реплики. Позволим себе тоже реплику полемического свойства.

Каждый из ораторов делился соображениями резонными, не раз, очевидно, взвешенными. Парадокс, однако, заключается в том, что упреки, предъявленные миргородскому РАПО, эстонскому Агропрому, московскому суперведомству публицистами, практиками, теоретиками, пусть не прямо, пусть рикошетом, но задевали Агропром грузинский. Выпускались-то критические стрелы за тбилисским столом, в присутствии тбилисского центра, как же могли они не задевать? Вместе с реверансами хозяевам оставалось принимать уколы (чтоб не сказать удары) гостей, а уколы-удары, разумеется, вызывали потребность в ответных выпадах.

Еще бы! Ответным ходом стал поэтому рассказ Магарам Гасанова, директора Гардабанского овощеводческого совхоза. Магарам Гасанов считает, что слишком это просто — валить все на Агропром. Какой же ты сам хозяин, если твой личный вклад ничего не значит? Когда он, Гасанов, принял совхоз, в нем работало 300 человек, из них 80 просиживали штаны и юбки в конторе. Теперь нет в совхозе конторщиков и чиновников. Осталось 13 человек инженерно-технических работников. Сокращена охрана, исчезли объездчики. И как ни странно, у прокуроров и следователей совхоз интереса не вызывает. Заявля преступность...

Когда была охрана, средний заработок еле дотягивал до 70—80 рублей. Сейчас превышает триста. Рентабельность 119 процентов. Полтора миллиона прибыли. И главное, Агропром ничуть совхозу не мешает. Наоборот, оказывает поддержку. По убеждению директора, РАПО является лучшей формой управления, дающей реальную возможность выполнить Продовольственную программу.

О научном обеспечении сельскохозяйственного развития

Грузии говорил Роберт Васильевич Андгуладзе. Из его сообщения вполне вырисовывалось, какая понадобилась работа, чтобы перестроить Закавказское отделение ВАСХНИЛ и организационно срастить его с Агропромом. Работавшие в четкой координации НИИ вычислительные центры, конструкторские бюро и т. д. теперь обрели целенаправленное руководство. Создание системы из отдельных учреждений сопровождалось их укрупнением. Так, на базе четырех отраслевых центров НОТ вырос единый проектно-технологический центр по разработке и внедрению прогрессивных форм организации и оплаты труда. Одним из важных достоинств обновленной структуры Закавказского отделения ВАСХНИЛ, вошедшего в качестве управления в структуру Агропрома республики, стало соответствие исполнительских органов этого управления главам Агропрома. Соответственно и в структуре РАПО появились отделы или группы по внедрению достижений науки и прогрессивных технологий, передовых форм организации и оплаты труда.

Р. Андгуладзе спокойно, без пафоса, зачитал свое сообщение. Но кричи, бей себя в грудь оратор, оно не звучало бы убедительней. Признаюсь, хотелось верить, что вновь созданная структура позволяет рациональней осуществлять руководство планированием научно-исследовательских работ в институтах; что они постепенно переводятся на хозрасчетную систему с использованием «заказа-наряда»; что благодаря этой системе исчезают мелкотемье и дублирование, концентрируется научный потенциал. И как не поверить, если приводятся строгие цифры: по единой программе «Грузагрокомплекс-90», составленной для 80 НИИ, конструкторских бюро и вузов, экономический эффект от ее осуществления должен подняться до 339 миллионов рублей, а отдача на каждый затраченный рубль — до 5,6 рубля (в 11-й пятилетке она не превышала 3,2 рубля). Уже в 1985 году эффект от внедрения научных разработок составил — по данным Р. Андгуладзе — 65 миллионов рублей, а это в пять раз превосходит средний показатель за три года истекшей пятилетки.

Если верить статистике, то дело пошло на лад, и гостям не грех бы порадоваться, поздравить, во всяком случае, умерить атакующий пафос. Нет, этого не случилось. Напор не ослабевал. Скорее нарастал. Да отчего же, — раздумывал я, слушая и наблюдая ораторов, — по каким причинам?

Быть может, термин «круглый стол» опять следует рассматривать как условный знак, нечто вроде постоянной на-

клейки на сосуде, содержимое которого хозяйка меняет, как хочет, не замечая этикетки. Тогда этот стол — попросту монолог глухих; чрезвычайно модный сейчас жанр, поскольку все стараются говорить, утверждать себя, демонстрировать и никто не хочет слушать другого.

Или, пожалуй, ораторы чувствуют, что Госагропром Грузии окреп, оперился, поэтому щадить его и делать скидку на трудности роста незачем, пришла пора жестко требовать?

Истинный и наиболее важный мотив атаки обнажил Анатолий Стреляный. Очеркист заговорил о Чернобыле как наглядном выражении безответственности. Как о грозном предупреждении, чем рискуем, коль скоро не справимся со своими пороками.

Что говорить, чернобыльская трагедия — тяжелейший урок не для одних лишь строителей атомных электростанций, физиков, инженеров, медиков. Извлечь урок — дело каждого. В том числе и секретаря Киевского обкома партии, который на чернобыльской земле предложил вместо колхозов создавать совхозы. Тут теряешь способность удивляться, — воскликнул А. Стреляный, — ведь идея не выдерживает критики. Она порочна хотя бы потому, что колхоз получает на одну треть меньше ресурсов от государства, а дает ему продукции наполовину больше, чем совхоз. Еще четверть века назад Геннадий Лисичкин дал четкое объяснение, отчего это происходит: колхоз — структура более демократическая.

Абашский эксперимент начался «снизу», продолжал А. Стреляный. Потому и пришел успех. Когда же решили создавать РАПО «сверху», начался брак. Появилось множество агрообъединений, которые иначе чем «псевдорапо» не назовешь. На каком экономическом основании, по какому юридическому закону, постановлению правительства миргородское РАПО пять раз ломало планы Александру Баке: то оно гречку запрещало сеять, то навязывало другие культуры. «Это же продрозверстка!» Надо ли удивляться, что мнимый, не изживший старых методов «агропром» народ признавать не хочет. Прозверстка вводилась в чрезвычайных обстоятельствах. Когда кончилась гражданская война, НЭПу хватило двух лет, чтобы снабдить обескровленную страну хлебом. Новую экономическую политику не удалось бы осуществить, подчеркивает А. Стреляный, без введения золотого червонца.

Ненадолго отложим пересказ выступления. И под-

черкнем, что эту же тему затронул Юрий Черниченко: «Пока не заменим наши нынешние деньги настоящими, толку не добьемся. В Абаше истинными деньгами стала кукуруза. Натуроплата. Без нее Гурам Мгеладзе не совершил бы в районе тот перелом, который называется сейчас «абашским экспериментом». И который необходим, по мысли Черниченко, всему нашему сельскому хозяйству.

Перечисляя за рубеж миллиарды, причем золотых рублей, инвалютных, мы все в больших размерах закупаем зерно, да к тому же скрываем данные о собственном его производстве. Правда, в сообщении ЦСУ от 18 января данные включены (М. К.).

Между прочим, я тоже охраняю — но не монополию ЦСУ, а Юрия Черниченко: прежде чем печатать сообщенные им цифры, мне пришлось бы их тщательно проверить. Легко ли? Строгие данные — в отчете «Дружбы народов». Здесь же читатель пускай удовлетворится широко известной, уже банальной истиной: мы вкладываем в сельское хозяйство фантастические капиталы, надо полагать, более крупные, чем когда-то у него брали. Таких средств, подчеркнул Черниченко, не вкладывал в сельское хозяйство никто, никогда и нигде, однако же эффект получаем ни с чем не сообразный. Доколе? Почему количество коров в США сокращается, а молока они дают все больше, тогда как у нас наоборот, коров все больше, а молока они дают все меньше? Сколько и какие нам нужны доказательства, что управлять аграрным сектором прежними методами — значит оставить его на прежнем уровне?

Если бы Ньютон ждал, пока упадут все яблоки в его саду, чтобы установить закон всемирного тяготения, ни этот, ни прочие законы Ньютона, по здравой догадке Юрия Черниченко, открыты бы не были... По нашим законам, по установленным нами срокам до завершения Продовольственной программы осталось, напомнил оратор, четыре года. Всего лишь четыре!

Видимо, продолжая разговор, не прекращавшийся в кулуарах после того, как участникам встречи показали днем раньше «Покаяние», Юрий Черниченко, завершая короткую свою речь, вернулся к кинометафоре Тенгиза Абуладзе: надо выкинуть покойника из могилы до того, как мальчик застрелится.

У человечества цейтнот. У эпохи — хронический. Можно

поменять в этих фразах местами «эпоху» и «человечество», суть остается неизменной: времени нет.

Анатолия Стреляного и Юрия Черниченко, Владимира Бедулю и Владимира Калачика, Антанаса Будвитиса и Альфонсаса Гедрайтиса — всех объединяло ощущение Времени. Трезвое. И скорее тревожное, чем безмятежно-самодовольное. Во всяком случае лишенное той парадности, которая отличает живописцев малярной выучки, закрасивших реальность, как забор, — сплошь розовой краской. Думается, как раз трезвое ощущение Времени породило убежденность, что от людей производства — в том числе в особенности сельскохозяйственного — сегодня, как никогда, требуются высокая компетентность, неиссякаемая энергия, глубокая преданность делу и что для проявления этих качеств им абсолютно необходима самостоятельность. Самостоятельность, исключая будто бы мелочную, а на самом деле чрезвычайно дорогостоящую и глубоко оскорбительную опеку приверженцев администрирования.

А. Стреляный говорил: кто на рубеже тысячелетия способен выдать и в силах обеспечить полновесные гарантии, что в распоряжении человечества долгие годы благополучия? Просчитывать на века теперь позволительно только прошлое. На поколения «младые» и на эпохи грядущие перекладывать исправление ошибок непросвещенных предков утично и бессовестно — чтоб не сказать преступно. Время сжалось. Будущее во власти нынешних мгновений. В нашей власти. И как бы нам не просчитаться в той схватке интересов, которая возникает вокруг едва ли не всех решений в сфере аграрной политики, вокруг мер и способов ускорять прогресс в сельском хозяйстве.

А. Стреляный говорил, что называется, крупно: о необходимости таких политических решений, которые исключали бы возможность «волевых» установок, подобных установке на совхозы, данной секретарем Киевского обкома. Против администрирования должен работать четкий экономически-правовой механизм...

Здесь, помнится, бросил реплику академик М. Бронштейн, охлаждая волевой напор самого А. Стреляного: даже специалистам пока еще не известно, как работать экономическими рычагами. В Венгрии экономический механизм отработывался восемь лет. Нам предстоит пройти еще длинный путь, прежде чем мы овладеем законами строго экономического управления...

В ответ прозвучала фраза, хорошо памятная по дискус-
сиям революционной поры, но давненько уже исчезнувшая
из языка деревенской публицистики: надо определяться на
какой ты стороне баррикады...

Конечно, у А. Стреляного нашлись союзники. Антанасу
Будвитису отнюдь не кажется плодотворным такое «ускорение»,
которое часто сводится к попыткам, как встарь, пого-
нять кнутом. На конкретных примерах А. Будвитис показал,
что научный прогресс не набирает скорость, если основную
энергию ученый должен тратить на втаскивание в гору «си-
зифова камня», да на борьбу с ветряными мельницами.

Как всегда, с юмором и дельно говорил Владимир Леон-
тьевич Бедуля. Возглавив нищий, дотла разоренный колхоз
«Советская Белоруссия», молодой секретарь Брестского рай-
кома комсомола в приданое колхозу принес не деньги и тех-
нику, не опыт и знания, а, кажется, одну лишь веру в «че-
ловеческий фактор». Но веру истинную, окрепшую несмотря
ни на что, в самое тяжкое лихолетье. Принес ее тридцать
лет назад вместе с крестьянской по корням убежденностью,
что сельское хозяйство — передовая линия фронта.

Вот уже двадцать лет, как труд колхозников оплачива-
ется в «Советской Белоруссии» не за «гектары мягкой па-
хоты», которыми сыт не будешь, а за произведенную про-
дукцию. Вот уже пятнадцать лет, как колхоз находится на
самофинансировании и хозрасчете. В истекшем 86-ом на пло-
щади в 1900 гектаров колхоз вырастил по 40,3 центнера
зерновых, на минеральных почвах площадью 300 гектаров
вырастил по 358 центнера картофеля, по 422 центнера са-
харной свеклы, около 500 тонн кукурузы на силос. Продал
5300 тонн молока, 900 тонн мяса. Получил 2 миллиона 277
тысяч чистого дохода, имеет на банковском счету 2 миллиона
700 тысяч рублей свободных денег...

Каждый год с просьбами принять на постоянную рабо-
ту в колхоз обращается 300—500 человек. В благоустроен-
ном селе возведено благоустроенное жилье. Работает Дворец
культуры, ставший духовным центром села. Кроме своих са-
модеятельных артистов, во Дворце выступают лучшие ху-
дожественные коллективы страны. Лучшие поэты Москвы,
прозаики Минска: Белла Ахмадулина, Василь Быков...

Видит бог, нет оснований у Владимира Бедули отре-
каться от веры в человеческий фактор. Да, пожалуй, и со-
вершать перестройку. Лозунг Бедули — так держать!

Критическая часть выступлений трех председателей, так же как двух секретарей райкомов партии убедили: никто не сомневается сегодня в необходимости перестройки, ускорении, повышении качества продукции, роста инициативы, самостоятельности... Задачи это бесспорные, первоочередные. Аксиомы. Отвергать их или оспаривать — да помилуйте, в здравом уме невозможно. Но нет среди задач ни одной, которая не вызвала бы споров при обсуждении конкретных форм, методов, сроков, предпосылок их решения.

Самостоятельность? А до каких пределов? Не до полной же анархии и эгоцентризма, способных разрушить любое общество и угрожающих роду человеческому, самой жизни на земле.

Уж на что ненавистный, губительный, осуждаемый всюду и всеми враг творческого развития — бюрократизм, но надо же смотреть на вещи трезво: как прошлое и настоящее цивилизации, так и обозримое пока будущее человечества (и в том числе грузинского Агропрома) без деловой и толковой бюрократии — в той же мере, что без техники, без науки — ни дня не обойдется. Весь вопрос в границах явления. В той узде разума, какая нужна самой вольной из вольных, красивейшей из красивых птице-тройке, чтобы мчалась она к четко поставленной цели, не опрокидывая возок с лихими седоками, не давая промедливших с перепугу путников на дороге.

«Круглый стол» в Тбилиси обречен был стать многоугольным. И еще раз замечу — по многим мотивам. Не только потому, что гости сосредоточили внимание на болевых точках развития общесоюзного Агропрома, тогда как хозяева, не скрывая негативных сторон и соглашаясь, что в Грузии болевых точек с далеких времен достаточно, все же стремились рассказать о достигнутом, о реальном уже, о труде оплаченном позитиве.

«Естественно», — усмехнется здесь догадливый читатель. Сотрудники грузинского Агропрома выступали сомкнутым строем под требовательным взглядом своего главнокомандующего, а гости чувствовали себя вольными стрелками, каждый был сам себе начальником. С железной логикой вытекает, что истина на стороне гостей, а не хозяев...

Очень похоже на правду, и все же такой материал, как железо, для данного построения не годится.

В качестве секретаря райкома партии В. Удам поработал в трех районах. Отлично поработал. Вытянув в передовые

очень средний, пошел чуть не в самый худший. Когда вы-
тянул второй, согласился перейти в третий. Не раз предла-
гали В. Удаму сменить движение по горизонтали на вертикаль
каль — на должность в Таллине. Но от карьеры, от повыше-
ния райкомовский секретарь отказывался. Не желал предпо-
честь живому контакту с практиками, обязательному на рай-
онном уровне, погружение в бумаги, которое и высокого на-
чальника делает винтиком бюрократического механизма.
Прав ли секретарь, защищая свою позицию и подводя под
нее такого рода фундамент? Исходя из личных интересов,
склонностей, возможностей, скорее всего прав. Судить перво-
му дано Вальтеру Удаму. Ему виднее. Но выносить оконча-
тельный приговор дано все-таки людям «со стороны», — в
том числе слушавшим рассказ-признание в «рафике» по до-
роге в Телави.

Возражение напрашивается, причем не совсем коррект-
ное, банальное. Допустим, Гурам Мгеладзе, вырвав из про-
рыва Абашский район, переходит в соседний Цхакаевский,
затем подальше, скажем, в Гальский, и так кочует по Грузии,
пока к концу XX века не подымет 69 ее районов. Но Мгела-
дзе твердо отказывается возглавить организуемый кем-то Ко-
митет Сельхозпроизводства. Решительно отвергает предложе-
ние стать первым заместителем Предсовмина, ведающим де-
лами кем-то и зачем-то создающегося Агропрома. Допу-
стим, не Гурам Мгеладзе, а лучшие секретари других рай-
комов партии тоже предпочтут живой контакт с людьми бу-
мажному водовороту. Тогда, значит, в период ремонта, рав-
ного, как издавна шутят, двум пожарам, точнее, в период
капитального ремонта командовать неизбежной, совершенно
необходимой 69 районам и всей Грузии перестройкой управ-
ления агропромышленным комплексом, руководить отработкой
новой структуры, отвечающей резко усложнившимся и ус-
ложняющимся условиям НТР, должны не лучшие, не самые
сильные организаторы, а работники «так себе», «серединка
наполовинку», «ни рыба ни мясо»?

Другой штрих. А. Стреляный подчеркнул, что абашский
эксперимент удался, поскольку развивался «снизу». Если рас-
сматривать район как нижнюю ступень административного
деления (далее — область, край, республика), то возразить
нечего. С точки зрения «железно-логической», замечание вер-
ное. Оно неверно с точки зрения конкретно-исторической.

Абашский эксперимент начался вскоре после известного
постановления ЦК КПСС о Тбилисском горкоме партии. Экс-

перимент развивался при безусловной поддержке «сверху». Не думаю, что следует здесь скромно уклониться и опустить, не назвать хорошо известные имена.

Абашский эксперимент не получил бы размаха, не охватил бы республику, если бы тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, если бы тогдашний секретарь ЦК, отвечавший за сельское хозяйство Грузии, Д. И. Патиашвили не видели бы в абашской идее широкой перспективы, не связывали бы с ней надежд, не осуществляли бы стратегически широкий замысел.

Антанас Будвитис имел основания пройтись по некоему НИИ — «кладбищу слонов» и «высоколежащему начальству». Испокоин веков «высоколежащее» представляло собой бедствие из бедствий народа и державы. Но настолько значителен наш исторический опыт, что вряд ли следует оставлять место иллюзиям. Ведь хорошо известно, что не всякие верхи лежат и не всякие низы бегают. Да к тому же, где они, четкие рубежи между верхами и низами?

Все дело в том, какую позицию и как защищают деятели высокого ранга и передовые труженики, а равно и газетчики, публицисты, ученые. Отказавшись от этого критерия, мы опустимся до безнадежного фатализма, перечеркнем нашу волю и мысль. Куда деваться тогда надежде?

Предвижу вопросы: откуда же фатальный бюрократизм? Почему не иссякает бумажный поток? К сожалению, нет места входить в сложнейшую проблему. Придется отослать читателя, скажем, к апрельскому номеру журнала «Знамя», где напечатана статья проф. В. Шубкина о бюрократии. Дельная, серьезная статья.

Конечно, она не исчерпывает проблемы, имеющей массу вполне бытовых, видных любому глазу сторон.

К примеру, зачем честному труженику напрягаться, подымая телефонную трубку, раз из нее посыпятся вопросы и требования, задания и протесты? Куда спокойнее не снимать ее с рычага, пускай себе тренькает, надрывается. На худой конец — есть возможность пообещать!

Шутки в сторону. «Пообещать» — это явление, это позиция. Это, во-первых, значит уклониться от дела, от всякой ответственности; от серьезного разговора и тем более спора с просителем или партнером на другом конце провода. Это означает беречь свои нервные клетки, которые, как известно, не восстанавливаются, и поплевывать на нервные клетки собеседника. «Пообещать» — означает полагаться на добрый,

как Дед-мороз, на множество раз выручавший и бесчисленное число раз губивший «авось»... Если я не больше, чем «Обещалкин», то обязать меня что-то делать можно только «Бумагой». «Отношением» — и лучше всего на Бланке, с Печатью, с солидными Подписями. Оправдаться перед своим начальством, что во всем виноваты те, другие, чужие Обещалкины, я сумею лишь при наличии папки «исходящих» «входящих».

Абашский, вильяндиский и другие эксперименты как раз и рождались потребностью избавиться от Бумаги. Пусть не совсем избавиться, но хоть ослабить ее власть. Расчистить дорогу реальному делу. «Опыты» рождались упрямой надеждой сломать шлагбаумы Ведомственности. Прорвать бреши в границах между территорией и отраслями. Туннели в «голубых горах» бестолковщины...

Поначалу, не зная друг о друге, но постепенно объединяя усилия, дружно расчищали преграды на пути к реальному Делу Владимир Бедуля на белорусском поле, Михаил Бронштейн в Тартуском университете, Гурам Мгеладзе в Абашском районе, Черниченко на полосах московских газет и журналов... Задача выдалась не из легких, на расчистке путей доставалось крепко. Чуть не каждый из зачинателей Агропрома, прежде чем получить признание и чины, звания и награды, прошел через опальную пору и в досталь хлебнул того, что причитается первопроходцам. И можно сказать с уверенностью, каждый обнаружил силу характера, преданность делу, идее: Будвитис и Доминикан, Гедрайтис и Калачик, Калещук и Лисичкин...

Верно, дело сегодня расширилось. Развитие идеи вступило в новую, еще более сложную стадию. Но разве идея коренным образом изменилась? Кто же, как не старая гвардия, должен проявить особую зоркость, чтобы бить снайперски в цель и не путать, не подменять мишени? Чтобы отчетливо различать, где свои, а где чужие или пока посторонние, решившие повременить да прикинуть, стоит ли занимать, а если занимать, то какую сторону баррикады...

Задача выдалась не из легких, агропромковский корабль лишь набирает скорость. Да, медленно набирает. Надо бы, очень надо побыстрей. Но, увы, помимо субъективных, есть объективные причины промедления. Сошлюсь на объяснение публициста-аграрника, не принимавшего участия в тбилисской встрече. В сборнике «На апрельских ветрах», вышедшему с неслыханной быстротой, Анатолий Салуцкий свидетельству-

ет: «...1986 год по части управления хозяйственной деятельностью как бы катился по инерции, вроде бы и не изменилось ничего, кроме структуры управления» (57). Все показатели и планы сверстаны были еще осенью 1985-го ведомствами партнерскими, теперь ликвидированными. Изменять планы на ходу невозможно, они плотно увязываются с планами материально-технического снабжения, финансирования и т. д., и т. п. Собственно, агропромовское планирование началось осенью 1986-го. Именно год текущий, 1987-ой, покажет — изменились на селе только вывески или районный, республиканский, союзный Агропром действительно совершает перестройку.

Вот почему, вопреки геометрии, тбилисский многоугольник допустимо считать одновременно круглым. Быть может, внимание в этих заметках слишком сосредоточилось на острых углах? Тогда прошу поверить на слово: в подводной части всякого литературного айсберга, большого и самого малого, всегда остается кое-что недосказанное. Оно и решает. Тбилисская встреча сохранится в памяти. Повторяя, не погрешу против правды: образ ее, знак или символ — круглый многоугольник.

Р. С. Раздался звонок из Тбилиси.

— Шлем верстку апрельского номера.

А на экране телевизора — кадры программы «Время», из которых рвется наружу трагедия Грузии. Репортажи в прессе.

Не цитирую, а повторяю вслед за Татьяной Чантурия: «Дни беды и мужества». («Известия», 9 февраля).

Не цитирую, а повторяю страшные цифры из выступления первого секретаря ЦК Компартии Грузии Джумбера Патиашвили: затоплено 200 кв. км территории. Повреждено 80 000 гектаров пахотной земли и многолетних насаждений. Разрушено 4.400 жилых домов...

Чудовищно много — и все же меньше, гораздо меньше, чем жизни и судьбы пострадавших.

На Пленуме ЦК Компартии Грузии — «одновременно и очередном и чрезвычайном» — Джумбер Патиашвили подчеркнул: немедленную поддержку оказали республике руководители партии и государства, трудовой народ.

Неслучайно, что союзную правительственную комиссию по ликвидации последствий трагедии возглавил В. С. Мураховский — первый заместитель Предсовмина СССР, председатель Госагропрома СССР. Глава и члены правительствен-

ной комиссии прилетели в Грузию, чтобы стихийной силой небывалых снегопадов и ливневых дождей, наводнений и оползней противопоставить мощь организации и техники, созидательную мощь разума и воли.

Надо ли вновь подчеркивать значение Агропрома? Не знаю. Но знаю твердо, что выше всего — братский долг.

Убежден: народная мощь одолеет разрушительный натиск лавин.

Верю: стыковка веков и тысячелетий состоится — как мир на земле. Разум и воля человечества должны победить.

ХРОНИКА

ПРЕМЬЕРА В ТБИЛИССКОЙ ОПЕРЕ

В Тбилисском академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялась премьера оперы Дж. Верди «Дон Карлос». Впервые она появилась на грузинской сцене спустя два года после ее создания. Нынешняя постановка «Дон Карлоса» — первая в Грузии после 120-летнего перерыва.

«Дон Карлос» — гранд-опера, и ставится она на сценах мира сравнительно реже, чем другие произведения гениального итальянского композитора.

В спектакле Тбилисского театра оперы главные партии исполняют как признанные мастера тбилисской оперной сцены — А. Гецадзе, Н. Гургенидзе, Дж. Мдивани и другие, так и молодые певцы, которые, однако, уже успели завоевать международное признание — П. Бурчуладзе, М. Томадзе, А. Хомерики, М. Эгадзе и др.

С постановки «Дон Карлоса» начинается свое развитие новое направление деятельности театра, выработан-

ное коллективом для осуществления постановок той части оперной классики, которая редко ставилась на грузинской сцене.

Дирижер — постановщик и к «Дон Карлоса» — народный артист СССР Джансуг Кахидзе, режиссер — Гурам Мелива, художник — постановщик — У. Имерлишвили.

Изучив все варианты постановок, проанализировав тексты драмы Ф. Шиллера, ее переводов и саму оперу Верди, постановщики пришли к выводу, что музыку Верди необходимо использовать в ее наиболее полном и насыщенном варианте. Из партитуры были исключены лишь балетные вставки, что сделало спектакль более динамичным.

Одна из примечательных особенностей тбилисского «Дон Карлоса», отличающегося от традиционных его постановок, — исполнение на языке оригинала, итальянском. По верной мысли Мелива и других создателей спектакля, исполнение оперы на языке музыкального оригинала помогает ее верному и цельному восприятию.

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ

Р о м а н

38

Мириан шел, а в сознании у него беспрестанно крутились слова Давида Петровича: «Подозреваемый превратится в преступника». «Шофер показал мне ее. Она шла к твоему дому». А зачем этот разговор о том, что дом будут сносить? Почему секретарь специально упомянул о марани? Может быть, для того, чтобы увидеть испуг на лице Мириана? И правда, при упоминании о марани Мириан едва не свалился со стула. Вдруг секретарь заметил его растерянность и тревогу?..

Мириан шел быстро и не оглядываясь. Уже много раз ему приходила мысль убраться из этих мест подальше и навсегда. Но каждый раз он эту мысль отвергал. Во-первых, с чего бы это — бросить школу, директорство и куда-то ехать, бог весть почему и зачем, придется как-то объяснять такой свой отъезд. Во-вторых, нельзя оставить дом. Без хозяина быстрее обнаружат, что там творится. И так, когда он уходил в школу на несколько часов, его ни на миг не отпускал страх: что бы он ни делал и о чем бы ни говорил, постоянно его терзала мысль — как там, дома? Вдруг без него производят обыск, вошли в марани...

Сейчас тоже его гнала эта мысль, и он, все ускоряя шаг, почти затрусил по единственной широкой улице поселка. Но тут он поравнялся с газетным киоском

Окончание. Начало см. в № 2, 3, 1987 г.

и его громко окликнули по имени. Из киоска высунулся Валериан, он улыбался и пригласил Мириана зайти к нему на минуточку.

— Заходите, пожалуйста, батона Мириан. У меня для вас есть новые журналы.

— Но я тороплюсь...

— Ничего, я вас долго не задержу.

Валериан открыл Мириану заднюю дверь и буквально затащил его в киоск. Оказывается, в киоске имелась еще задняя комнатка «для отдыха», куда Валериан и завел Мириана, усадил на стул.

Мириан с любопытством огляделся. По всем стенам комнатки были расклеены картинки на мифологические и религиозные темы. Боги древних египтян и шумеров, Христос и Будда, христианские храмы и индийские пагоды, соборы Рима и немецких городов, мечети с минаретами...

— Что-то ты, кажется, не в духе, батона Мириан, — заметил Валериан, — да и выглядишь не очень хорошо...

— Да, нехорошо себя чувствую. Боюсь, не простуда ли...

— Сейчас я тебя вылечу. Да, да, дорогой Мириан, у меня есть лекарство от твоей болезни. Я сейчас... А ты пока полистай журналы.

Валериан разложил перед гостем журналы, выставил в киоске табличку «закрывается» и стал накрывать стол. За несколько минут на столе появились закуски и бутылка с прозрачной жидкостью.

— Водка? — спросил Мириан, разглядывая на свет содержимое своего стакана.

— Тутовая. Из наших краев. Прислали родственники из деревни.

— Что ты говоришь? Тутовая водка — это же великолепно! Давно не пил.

— За ваше здоровье, Мириан!

— За ваше...

Собутыльники чокнулись, опорожнили свои стаканы.

— Ух, уф! Крепкая...

— Жжет, как огонь...

— Это и есть твое лекарство?

Выпили еще по стакану.

041935341
2022-11-10 10:30

— Хороша!
— Вот это и есть настоящая тутовка!
— Давно не пил.
— Я замечаю, что-то тебя беспокоит, батона Мириан...

— Да нет... Ничего такого..

— Не допускай, чтобы печаль овладела тобой. Настоящий мужчина должен сражаться с невзгодами, как с врагом. Разные там печали, угрызения совести... Твоя-то совесть, наверное, чиста. Ты никого не убил, не ограбил, не в чем тебе раскаиваться, какие такие грехи на твоей душе... Вот мне было труднее. На мне лежало бремя моих грехов...

— На вас? Какие же на вас могли быть грехи? Уж вы-то наверняка никого не убили.

— Если бы одного человека или двух... А то... не счесть, сколько... не счесть, дорогой Мириан...

— Где? Когда?!

— Когда, когда... Когда этого от меня требовали... А где? В России, на Украине, в Грузии... всюду, куда меня направляли...

— Если вы расстреливали врагов революции, то это не должно считаться грехом. Это подобно тому, как люди на войне убивают друг друга. Не убьешь ты, убьют тебя.

— Так-то так. Но чувствую, что на мне кровь многих и многих невинных. Я был молод, горяч. Чужую жизнь не ставил ни в грош. А потом, когда вошел в лета, начал стареть, а особенно когда на себе испытал горечь незаслуженного наказания, я поумнел. И тогда я никуда не мог деться от терзаний проснувшейся совести. Если бы ты знал, как я мучился! Я считал себя сильным, волевым человеком, а оказался совершенно бессильным и безвольным перед сознанием собственной вины. Человеку нельзя доживать до двух вещей: до смерти собственного ребенка и до утраты веры, убеждений, которыми он жил.

Да, я утратил веру своей молодости, свои убеждения, я разочаровался во всем, ради чего жертвовал собой, жизнь потеряла для меня всякий смысл. Я стал думать о самоубийстве. И тут избавительницей и спасительницей явилась мне религия... Воинствующий безбожник и атеист, я стал верующим и принялся молит-

вами и постом искупать ошибки предыдущих лет. И вот — ко мне вернулось душевное спокойствие.

— Неужели так может быть?

— Именно так и произошло. Началось с того, что далеко в Сибири я зашел однажды в затерянную в глуши, но действующую церковь. Духовно измученный, я обратился к тамошнему священнику, исповедовался перед ним и через него выпросил прощение за свои злодеяния. Тот священник, будучи сам глубоко верующим, обратил меня к богу. В длинных беседах он внушал мне любовь к Спасителю, переложившему на свои плечи грехи всего человечества, пристрастил меня к чтению Евангелия, псалмов, помог постичь их глубокий смысл, указал мне путь спасения...

— И помогло?

— Помогло?! Не то слово. Я впервые почувствовал себя полноценным человеком, я наконец понял смысл жизни.

Выпили еще по стаканчику тутовой. У Мириана постепенно теплело внутри, хотелось разговориться.

— И вы верите, что религия, обращения к богу освобождают человека от угрызений совести, возвращают ему душевное спокойствие?

— Как же я могу в это не верить, если испытал это на себе?

— Хорошо. А если человек не верит в бога, как же он может к нему обращаться?

— Нужно поверить! После того, как человек поверит, исповедуется и причастится, перед ним открывается путь к спасению.

— Да как поверить, если я всю жизнь прожил неверующим?

— Я всю жизнь преследовал верующих, да что преследовал, я их просто уничтожал, всю жизнь я проповедовал атеизм, и все же смог ведь я обратиться в истинную веру. Да разве я один? Если ты будешь читать жизнеописания святых, ты увидишь, что многие из них сначала преследовали христиан, а потом сами становились ревностными проповедниками учения Христа и были замучены и казнены за приверженность этому учению. Ты ведь любишь читать?

— Люблю...

— Ну вот и читай Евангелие. Человечество не соз-

дало ничего лучшего, чем Ветхий и Новый завет. Когда ты во всей глубине постигнешь жизнь Христа и смысл распятия, ты осознаешь, что весь смысл жизни — в вере и что только вера дает бессмертие...

Выпили еще по стакану. Мириан вдруг спохватился, что дом его столько времени без присмотра. Вдруг войдет кто-нибудь без него, проникнет в марани? Он вскочил.

— Простите, батона Валериан, у меня назначено собрание в школе. Я не должен был задерживаться, но из уважения к вам... Не мог вам отказать...

— Поговорили бы еще немного.

— Нет, нет, спасибо за угощение и за беседу.

— Мне кажется, я скоро смогу наконец сопоставить все религии между собой, об этом я хотел бы побеседовать...

— Только не сейчас... как-нибудь в другой раз...

Мириан как ошпаренный выскочил из киоска от полусумасшедшего старика.

39

По давней привычке Мириан приходил в школу раньше всех. Но теперь он не мог спокойно сидеть в своем кабинете, не мог заняться никаким делом. Беспокойство овладевало им, и он постоянно искал повод уйти домой. Дома он в первую очередь осматривал марани, а убедившись, что все в порядке, тотчас стакан за стаканом выпивал кувшин вина, напивался допьяна.

Если же он возвращался в школу или удерживал себя и не шел домой, то делал вид, что работает, начинал перебирать бумаги. Но в бумагах он ничего не видел и не понимал. Ему все время мерещилась Дия, опущенная головой вниз в кувшин с вином. Мириан презирал себя за то, что уходил с работы и напивался, но не меньше он презирал себя и за то, что старался жить, соблюдая привычный распорядок, как если бы ничего не случилось.

В кабинете, едва сев за стол и разложив перед собой бумаги, он вскакивал и начинал ходить взад и вперед по кабинету. Смертная тоска и тревога одолевали его, и он метался до тех пор, пока кто-нибудь не заходил в кабинет по делу с каким-нибудь вопросом и тем

самым не выводил его из состояния душевного паралича.

И сейчас Мириан оставил бумаги, разбросанные по столу, надоело ему и ходить по кабинету, он вышел в коридор и пошел по нему, мимо классных дверей справа и слева, за которыми шли занятия. Около одних дверей он остановился, прислушался. Узнав голос Шио, приоткрыл дверь. Ученики дружно встали, приветствуя директора. Он дал им знак рукой, чтобы селились, и прошел к задней парте.

Шио тоже поздоровался с директором и продолжал урок. Учитель истории рассказывал о первых связях Грузии с Россией, о трудном и длительном путешествии грузинских царей по Волге, о грузинских землячествах в Москве, о жизни Вахтанга VI и царя Арчила, Саба-Сулхана Орбелиани и Гурамишвили.

Учащиеся слушали его с таким увлечением, что даже не шелохнулись, услышав звонок.

— Отдохните, я продолжу рассказ на втором уроке. — Шио заставил дежурного открыть окна и, когда все вышли из класса, присел на парту рядом с директором.

— Половина осталась от твоего класса, — сказал ему Мириан.

— Да, они даже совершеннолетия не дожидаются, тайком от всех нас идут добровольцами, и мы оказываемся уже перед фактом. Хотя, если бы я, допустим, и узнавал об этом своевременно, что бы делал? Не мог бы я их отговаривать, противиться их благородным порывам. Ведь я сам с первого же класса учил их патриотизму, верности Родине.

— Счастливый ты, Шио! Ученики любят тебя и твой предмет.

— Это действительно счастье, но когда сердце мертво, и счастье не радует.

— Начал опять свое! Сколько раз я должен говорить тебе, чтобы ты набрался терпения. Раньше ты других ободрял, а теперь сам себе не можешь помочь!

— Не могу, Мириан, не могу, и поэтому думаю поехать к своим сыновьям...

— Что? О чем ты говоришь, Шио? Ты в своем уме?

— Может, уже и не в своем, и ты не должен этому удивляться.

— Как ты поедешь к своим сыновьям? Ты что, знаешь, где они находятся?

— К ним-то, конечно, не смогу поехать, но буду на фронте, а это уже все равно, что с ними буду. Вот и думаю я пойти добровольцем...

— Да ведь ты даже ружья не умеешь держать в руках. Сперва тебя будут обучать, а там, глядишь, и война кончится.

— Ты точно так же говорил, когда война началась, но видишь, третий год идет, а конца ей пока не видно.

— Видно, Шио, видно. После Сталинграда Германия сломлена и больше не оправится.

— Это-то так, но и я больше не могу здесь находиться, Мириан, я кажусь себе посторонним наблюдателем, ничем не могу помочь своим детям. Пойду добровольцем и если сокращу гитлеровскую армию хотя бы на одного человека, то и это будет хорошо.

— Свое дело ты знаешь. Быть таким полезным своей стране, как здесь, там ты не сможешь.

— Заявление я отправил, и когда придет ответ, ты должен поговорить с Цицино.

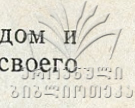
— Хорошенько подумай, Шио, не торопись, — Мириан взглянул на часы. — Скоро звонок. Я пошел, — директор сочувственно улыбнулся своему другу и вышел из класса.

Почему Мириан хоть раз не подумал о том, чтобы пойти добровольцем на фронт?

И здоровья и сил у него хватает. Он воевал бы не хуже других, а, возможно, проявил бы и геройство. Во всяком случае, если бы он не стал героем, то был бы хоть рядовым бойцом и несколько немецких фашистов отправил бы на тот свет. И уж во всяком случае он избежал бы жуткого несчастья, из-за которого возненавидел жизнь, стыдится бывать на людях и каждый раз боится идти домой.

Если он сумеет тайно похоронить Дию, может, потом пойти на фронт? Все равно после гибели Дии ему уже здесь не жить.

Да, о чем бы ни думал теперь Мириан, в каком бы виде ни рисовалось ему будущее, какие планы ни возникали бы в голове, все упиралось в одну и ту же преграду — похоронить Дию. Не перейдя через этот рубеж, нельзя было идти дальше. Пока Дия находится в ма-

рани, Мириан не может никого позвать в свой дом и сам никуда не может надолго отлучиться из своего дома.

Видно было по всему, что уголовное следствие, хоть оно и зашло в тупик, сложа руки не сидит и рано или поздно может напасть на след. Так что пока Дия не исчезнет действительно бесследно, Мириан не может жить спокойно, над ним всегда будет висеть опасность разоблачения и ареста. По всем этим причинам Мириан не мог думать ни о каких других делах, кроме погребения Дии.

Наконец он получил старый списанный пикан, не торгуясь, договорился с мастерами о приведении его в порядок. Мастера просили на ремонт машины месяц, но он удвоил цену и потребовал, чтобы они все сделали за неделю. Подыскал водителя, который должен был научиться вождению машины и самого Мириана.

Через две недели Мириан подкатил к школе на отремонтированном пикапе. В тот день ему позвонил Давид Петрович.

— Такое дело, Мириан, можно поздравить и тебя и всю твою школу. Твой учителя Цицино и Шио Самхарадзе получили благодарность Верховного Главнокомандующего, они, оказывается, пожертвовали Красной Армии большую сумму денег.

Мириан обрадовался не столько тому, что такая честь выпала его школе, сколько дружескому тону секретаря, от которого он в последнее время отвык. Чувствовалось, что Давид Петрович в хорошем настроении и не скрывает своей радости.

— Это уже третий раз наш район получает благодарность Верховного Главнокомандующего. Большое дело! Ты собери своих людей в доме культуры. Я приеду, огласим благодарность товарища Сталина, поздравим Самхарадзе. Ты ведь знаешь, это значительный акт в жизни нашего района и надо дать ему соответствующую оценку. Я обзвоню кого надо, а ты все устрой, чтобы через час начать митинг.

Мириан, как только получил задание, сразу же отправился в Дом культуры.

Убедившись, что там все приведено в порядок, он возвратился в школу, собрал учителей, поздравил Шио и Цицино, и все отправились на митинг.

Секретарь райкома сам зачитал телеграмму Верховного Главнокомандующего. Громовые аплодисменты покрыли последние слова телеграммы: «Выражаю вам благодарность за заботу о Красной Армии. Примите мой привет и благодарность. Иосиф Сталин».

Секретарь райкома от имени народа поблагодарил семью Самхарадзе за пожертвование личных сбережений, обнял и расцеловал Цицино и Шио.

После этого выступило еще несколько человек, Мириан тоже сказал несколько слов. Говорил он сбивчиво, не смог произвести нужного впечатления. Попытался пошутить, что если, мол, имели столько денег, почему скрывали от нас, но ни один человек не засмеялся.

Сидя в президиуме рядом с Давидом Петровичем Мириан думал о своей незадачливости. Идет война, каждый человек нашел свое место в этом суровом испытании, каждый делает посильно одно общее дело — кует победу. И только у него, Мириана, своя собственная забота, сковывающая его по рукам и ногам. Все думают об общем спасении, и только Мириан думает как бы спасти себя самого. Слепой случай или обстоятельства, обусловленные его личностью, логикой развития его личности, исключили Мириана из общего жизненного потока. Глядя на сияющие лица Шио и Цицино, видя слезы радости в их глазах, Мириан впервые позавидовал своему подчиненному...

40

С тех пор, как машину отремонтировали, Мириан не вылезал из нее. Ребенок, получивший новую зановую игрушку, возился бы с этой игрушкой меньше, нежели Мириан со своим пикапом.

— Скоро закончится война, — говорил он шоферу — тогда машин будет хоть завались, и трофейных отечественных. Выберу себе что-нибудь получше. Но до этого я должен научиться ухаживать за машиной водить ее.

Поскольку никакого автомобильного движения в поселке и вблизи него не было, Мириан, хоть и не очень-пока владел рулем, все равно гонял на своем пикапе взад и вперед.

15941
0000000000

Не только сотрудники в школе, но и все в поселке замечали, что с Мирианом творится что-то неладное, что вылетел он из своей жизненной колеи. Запирается у себя дома и напивается в одиночестве до потери сознания. Этого от людей не утаишь.

Поэтому, когда у него появилась эта «игрушка», автомобиль, у людей, относившихся к Мириану по-доброму, появилась надежда, что, может быть, хоть это пробудит в нем прежний интерес к жизни.

У Шио и Цицино хватало своих печалей с тех пор, как перестали приходить письма от сыновей, тем не менее они переживали за Мириана и переживали, надо сказать, больше остальных, ибо были Мириану более близкими друзьями, чем кто бы то ни был. До них доходили всякие сплетни и пересуды о Мириане, они сами были полны разных предположений, догадок и подозрений, но никто не знал истинной причины непонятого состояния и поведения директора школы.

Гостеприимный дом Мириана стал с некоторых пор вроде неприступной крепости. Дошло до того, что даже Шио и Цицино не могли попасть в этот дом. Если даже они пытались придти к Мириану в гости, он встречал их у калитки, разговаривал с ними во дворе, но в дом не приглашал. Уж одно это было непохоже на прежнего Мириана. Так что увлечение Мириана машиной обрадовало их в первую очередь: хоть какое-то пробуждение интереса к жизни. Чаще всего теперь Мириан сидел за рулем, а водитель рядом с ним, подсказывал, показывал, делал замечания, одним словом, учил.

Однажды они ездили по дороге, проходившей через старый лес, и уже собирались поворачивать к дому, как вдруг спустило колесо. Шофер полез в багажник за запаской. Мириан спросил, понадобится ли его помощь.

— Тут и одному делать нечего, — ответил водитель.

— Через пять минут будет готово.

— Тогда я прогуляюсь по лесу.

Не успел Мириан пройти и двадцать шагов, как перед ним открылась поляна, в противоположном конце которой, на пригорке, на возвышении стоял старинный храм из желтого камня. Лучи заходящего солнца ярко освещали его, и в окружении леса храм показался Мириану чудесным и сказочным. Было похоже, что его

начинали реставрировать, но, очевидно, помешала война. Кое-где сохранились остатки строительных лесов. Входная дверь, сорванная с петель, валялась рядом с высокой травой. Мириан вошел в храм и увидел, что внутри он тоже весь в лесах. Пахло сыростью, на потолке висели гирлянды летучих мышей. Глядя вверх, на этих мышей, на леса и на купол, Мириан сделал быстрый шаг и обо что-то споткнулся. Глянув себе под ноги, он обомлел: он споткнулся о труп человека.

У Мириана хватило сил и мужества перевернуть труп лицом кверху. Это был киоскер Валериан. Выскочив на улицу, Мириан закричал водителю:

— Нодар! Нодар! Скорее сюда!

— Что такое? Что случилось, батона Мириан?

— Там... в храме... мертвец... труп...

— Что вы говорите? А может быть, это Дия?

— Нет... я видел... это Валериан... который работает в газетном киоске... тот полусумасшедший старик.

— Что же нам делать?

— Надо немедленно сообщить в милицию.

Они поспешно покинули злополучное место, Нодарсел за руль, и машина помчалась.

— Почему Валериан оказался здесь? — думал про себя Мириан. — Как он сюда попал? Конечно, он жертва своего психического расстройства. А Нодар сразу предположил, не Дия ли это... как видно, судьба исчезнувшей женщины продолжает волновать людей...

В районе никто не удивился смерти Валериана. Его болезнь в последнее время проявлялась так явно, что соседи, оказывается, собирались везти его в Тбилиси, чтобы уложить в больницу.

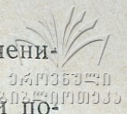
Все же он успел написать завещание и все, что имел, раздал соседям.

Валериана похоронили тихо, без шума.

Хотя Мириан боялся надолго отлучаться из дому, все-таки он присутствовал на похоронах. Ему было жаль этого несчастного, запутавшегося в разных религиях, ищущего душевного спокойствия, безропотного одинокого человека.

Не прошло и недели после похорон Валериана, как к воротам Мириана подошел почтальон.

Почтальон и раньше не был редким гостем у Ми-

риана, он приносил фронтовые письма бывших учеников и не раз выпивал с Мирианом за победу.

В последнее время этих писем стало меньше, и появление почтальона даже несколько удивило Мириана. У него даже мелькнула мысль, не подослали ли почтальона осмотреть его дом.

Дальше калитки Мириан почтальона не пустил, взял у него письмо и, поблагодарив, попрощался. Почтальон и не рвался в дом, но все же попенял Мириану:

— Что-то давно мы с тобой, батона Мириан, не встречались за столом. Соскучился я по твоему марани.

— Марани потом. Я сейчас очень занят, не обижайся...

Мириан с письмом в руках поднялся на балкон, взглядом проводил почтальона до следующего дома и вскрыл конверт. Письмо было от киоскера.

«Дорогой Мириан!

Когда ты получишь это письмо, меня, наверное, уже не будет в живых. Ты знаешь, какую большую работу я проделал для устранения разногласий между главнейшими религиями мира, для их примирения и создания на этой основе новой универсальной религии.

Этот величайший труд я почти успел завершить. Ввиду своего возраста и здоровья я уже не гожусь в проповедники и распространители этой новой религии.

Уже давно я ищу вокруг себя, среди своих знакомых, достойного человека, которому я мог бы завещать столь значительный для человечества труд и которого я избрал бы своим духовным наследником, продолжателем моего великого дела. Такого преемника и продолжателя я вижу только в тебе.

Свой труд я оставляю тебе, опечатанным и заверенным в нотариальной конторе. Верю, ты сделаешь все, чтобы проложить дорогу новой религии, сделать ее известной и исповедуемой во всем мире. Для выполнения этой великой миссии у тебя есть все: способности, молодость, образование и широта взглядов. Кроме того, я верю, что никакой грех не отягощает твою душу. Этот последний момент очень важен, благодаря ему именно твоя личность перевесила все остальные, когда я выбирал себе духовного наследника. Все остальное — за тобой! Если ты окажешься достойным наследником и продолжателем моего великого дела, ты явишь-

ся новым Мессией, ты осчастливишь человечество, навеки установишь мир между народами, искоренишь войны, вражду людей заменишь любовью и дружбой.

Что же касается меня, основоположника и создателя новой религии, поступай как знаешь, вернее — как тебе внушит всевышний. Можешь вообще не упоминать моего имени. Главное для меня не мой приоритет, но распространение моего учения и внедрение его в человеческие сердца и умы. Мелкое честолюбие мне чуждо...»

Несчастный, бедный Валериан! Всю жизнь он ошибался и в конце концов допустил еще одну ошибку, избрав Мириана своим духовным наследником.

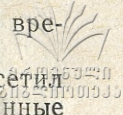
Видимо, Мириан благодаря своему общительному характеру умел слушать старика внимательно, ведь другие и вовсе его не слушали. Но «универсальную религию» Валериана Мириан всегда считал чудачеством психически больного человека, навязчивой идеей выжившего из ума старца, которого изломала жизнь.

Но если б даже «учение» Валериана было действительно великим и плодотворным, Мириан все равно не годился бы в его проповедники. Разве что в роли тамады во время бесчисленных застолий он стал бы его проповедовать. Для того, чтобы отнестись серьезно к бредовому завещанию, Мириану пришлось бы изменить всю свою жизнь, бросить школу, друзей, кутежи в марани... Ну вот! О чем бы ни начинал он думать, все опять упиралось в марани!..

Мириан не просто гонял машину по пустынным дорогам, он искал такое место, где было бы легче всего незаметно похоронить Дию.

Эти поиски привели его однажды и на территорию археологических раскопок. Как только началась война, раскопки были приостановлены и законсервированы. И теперь разверстые древние могилы словно ждали новых покойников...

Мириан, едва взглянув на них, сразу понял, что лучшего места тайно похоронить Дию ему не найти: могилы уже вырыты, притом довольно глубокие. Эти готовые могилы освобождали его от тяжелого и опасного труда — копания новой ямы. Земля, необходимая для того, чтобы засыпать могилу, была тут же, рядом,

в виде холмика, уже не потребовалось бы много времени на погребение.

На второй день в сумерки он еще раз посетил древний могильник. Тщательно осмотрел раскопанные захоронения. Два из них выглядели как свежерытые. Не требовалось ничего, кроме того, чтобы опустить в одну из них покойницу и засыпать ее землей. Оставалось одно: перевезти труп из марани сюда, на раскопки. Ни одна живая душа не должна была это видеть, никто об этом не должен знать. В темную ночь Мириан должен был так вынести из дома тело и увезти, погрузив в пикап, чтобы не осталось никаких следов. Значит, необходимо было каким-нибудь образом на время избавиться от водителя. Конечно, можно придаться к чему-нибудь и вообще его уволить, но ведь Нодар был на редкость честным и порядочным водителем, а, кроме того, он ухаживал за машиной, как за собственным ребенком.

Пока Мириан ломал себе голову, Нодар сам явился к нему.

— Батоно Мириан, у брата моей жены свадьба и вы должны отпустить меня на неделю.

— Не много ли — на неделю?

— Два дня на дорогу туда и обратно, два дня — побыть в семье невесты и два дня — в семье жениха.

— Езжай. Но кого мне посадить за руль на это время?

— Вы справитесь сами, грузить вам нечего, изда-лека привозить тоже ничего не надо.

— А где ставить машину?

— Лучше всего — в вашем же дворе. Ворота за-пираются, будет она стоять у вас на глазах.

41

Два с половиной военных года пролетели как будто быстро, но успели оставить столько горя и слез, что хватило бы и на двести пятьдесят лет.

Изменилось село, изменились люди в селе.

Где-то далеко смерть неустанно махала косой, а здесь, далеко от фронтов, куда не долетел и пушечный гром, стрелы войны поражали материнские сердца, у жен меркло солнце в глазах, дети оставались сиротами.

Все жили ожиданием **конца войны**. Все понимали, что ее ход зависит не только **от тех**, кто стреляет на фронте, но и от тех, кто трудится, не разгибая спины, и не жалеет сил для приближения желанной победы.

Едва Мириан вырулил на машине из своих ворот как на дороге появилась Цицино, словно поджидавшая его.

— Куда-нибудь уезжаешь, Мириан?

— Покатаюсь взад-вперед. Я ведь только учусь. Ты что-нибудь хотела?

— Ничего. Оставь мне ключи — я приберу дом.

— Не надо. Позавчера я приглашал женщину, в доме порядок, — соврал Мириан.

— Правда? А мне показалось, что в последнее время ты перестал доверять мне ключи.

— Как ты могла подумать такое? Ты же всегда убирала у меня и мои ключи держала неделями... Лучше садись в машину, я тебя покатаю.

— А ты не вывалишь меня где-нибудь на повороте? — Цицино со смехом устроилась на сиденье.

Когда выехали за поселок, Мириан первым заговорил:

— А ты все по-прежнему продолжаешь молиться?

— Кто же меня заставит отказаться от этого? Единственным утешением мне остались бог и моя вера.

— Ну и что — помогает тебе молитва, успокаивает, умиротворяет душу?

— Только это меня и держит. Когда я обращаюсь к богородице, чтобы она защитила моих мальчиков, мне кажется, вражеская пуля не посмеет их коснуться и они вернутся домой невредимыми.

— Добрый человек Шио, что не запрещает тебе молиться.

— Почему бы он мне запрещал? Кому и какой вред я приношу своими молитвами?

— Верно, вреда ты не приносишь. Но есть люди, которые думают иначе. Шио — член партии, и если бы кто-нибудь вам удружил... ему бы не поздоровилось.

— За свою веру отвечаю только я сама. А доносов я не боюсь...

— Да, ты права, это твое личное дело. Если бы я

1935
111033

мог верить, как ты, я был бы счастлив... Говорят, людям, попавшим в безвыходное положение, людям отчаявшимся религия, вера в бога возвращает бодрость и душевное спокойствие.

— Так и есть. Кто может быть несчастнее меня. Двух сыновей я отправила на войну, ничего не знаю о них. Если бы не вера, горе давно убило бы меня. Но у меня есть силы перенести любое несчастье.

— Как плохо, что не стало у нас монастырей. Чем больше говорил Мириан, тем все с большим удовлетворением, но и с удивлением смотрела на него Цицино. Уж от кого-кого, а от Мириана не ожидала она таких речей.

— В старину, — продолжал Мириан, — человек, мучимый совестью за какие-либо грехи или преступления, совершенные им, постригался в монахи и в монастыре смирением, постом и молитвами, а иногда и самоистязанием искупал свои грехи и в конце концов духовно очищался и находил душевный покой.

Глаза Мириана, когда он говорил все это, увлажнились. Цицино сначала не верила своим ушам, а потом не поверила и своим глазам. Она и не поверила бы в искренность его слов, подумала бы, что он плетет все это для того, чтобы либо разыграть ее, либо сделать ей приятное, либо уж он очень пьян. Но пьяным Мириан не был, а слезы, выступившие на его глазах, совсем обезоружили Цицино. По всему видно, слова его идут из глубины сердца. Но от кого, от кого еще она слышала эти слова?!

Мириан всегда был безбожником, всегда смеялся, если не издевался, над религией и над верующими людьми, не щадил и самой Цицино.

— А откуда берется вера в бога? — продолжал Мириан. — Скажем, неверующий человек моего возраста может ли вдруг стать верующим?

— И более пожилые люди обращались в истинную веру. Многие ученики и последователи Христа сначала были его гонителями и хулителями.

— Кажется, с ними происходили какие-то чудеса. Кажется, бог сам являлся к ним, после чего душа их открывалась добру...

— Бог и тебе может явиться, и чудо может быть,

если будешь молиться от чистого сердца и раскаивать
в содеянном...

— Может, ты дашь мне почитать Ветхий и Новый завет?

— Не только почитать, а и вовсе подарю. Добраю еще псалмы Давида, молитвенник... Может быть твой пример просветит и моего мужа и он также приблизится к истинной вере, к Христу...

Цицино воздела руки, насколько позволяла каблуки, и трижды перекрестилась.

Некоторое время ехали молча. Цицино в душе благодарила бога за этот вечер и за ту миссию, которую судьба вдруг возложила на нее, вручая ей заблудшую душу Мириана для препровождения на путь истинный.

— Дия верила в бога? — вдруг спросил Мириан.

Цицино даже вздрогнула от неожиданности вопроса.

— Верила. В детстве у нее няней была бывшая русская монахиня, и та приобщила ее к вере. Ведь Дия выделялась среди остальных не только необыкновенной внешностью и образованием, но и душевной красотой. Она никогда не нарушала постов, ежедневно творила утренние и вечерние молитвы.

— И чем же ей это помогло?

— Этого мы не знаем. Пути господни неисповедимы.. Может быть, ей сейчас лучше, чем нам. Кроме того, неизвестно, что бы ждало ее впереди. Каких огорчений, забот и терзаний она избежала... Ее душа непременно окажется в раю...

Перед Мирианом возникла вдруг Дия, опущенная вниз головой в кувшин с вином.

— Разве может быть, чтобы тело валялось где-нибудь на помойке, а душа обитала в раю?

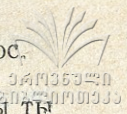
— Душа в момент смерти сразу же покидает тело человека. Я не знаю, может быть, Дия еще жива, но если нет, то душа ее непременно в раю.

Цицино вытерла слезы, перекрестилась и шепотом спросила у Мириана:

— Что это вы сказали, батона Мириан, насчет помойки? Может, вы что-нибудь узнали о Дии?

— Что я мог узнать и откуда? Это я так сказал вообще. Объявлен всесоюзный розыск, и то ничего не могут узнать.

Мириан поспешил переменить разговор.

— Цицино, ответь мне на один странный вопрос.

— Говори, дорогой.

— Если бы ты невольно убила человека, как бы ты себя дальше вела?

— Господь защитил бы меня от такого греха. Но если бы он все же послал мне такое испытание, я сразу же отдала бы себя в руки правосудия и готова была бы понести любое наказание. А если бы меня после этого оставили в живых, то остаток дней я провела бы в покаянии, в постах и молитвах.

— А как быть неверующему? Как ему молиться и каяться перед богом, если он не верит в его существование?

— Сначала нужно поверить. А все остальное бог внушит...

Мириан тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой. Цицино растерянно смотрела на разволновавшегося Мириана, она чувствовала, что он что-то хочет ей сказать и не может. Она досадовала, что не находит нужных слов, чтобы вызвать Мириана на полную откровенность, которая облегчила бы его душу.

— Ты мне сегодня же дашь те книги?

— Сегодня же. Они лежат у меня в изголовье, искать их не придется.

— Тогда давай вернемся назад.

До ворот Шио ни один из них не сказал больше ни слова.

— Подождешь или принести тебе домой?

— Подожду.

Окрыленная надеждой спасти заблудшего Цицино быстро пошла в дом и так же быстро вернулась обратно.

Она передала Мириану завернутые в газеты книги, осенила его крестным знаменем, а потом перекрестила и отъехавшую машину.

В доме ее ждала хорошая новость. Шио, оторвавшись от полок с книгами, сказал жене:

— Я должен обрадовать тебя, — лицо Шио светилось радостью. — Только что приходил Ладо Дарбаидзе...

— Этот лодырь, пьяница и бездельник?

— Ну не везет парню, не задерживается он подолгу ни на какой работе...

— Почему же в армию не берут этого лоботряса?

— Говорит, что у него незаживающая язва во всю ногу. Но дело сейчас не в нем. Дело в том, что завтра к нему приезжает некто Папуна, который воевал вместе с нашим Тариэлом, можно сказать, его фронтовой друг. И они с Ладом придут к нам. Надо нам постараться и приготовить хороший ужин.

— Что ты говоришь, Шио! — обрадовалась Цицино. — Тебе причитается за хорошую новость.

— Завтра с утра начнем готовиться к ужину.

— Да, лучше с утра. Сейчас я очень устала. Если бы знала, пригласила бы Мириана.

— Не надо. Ладом предупредил, чтобы мы не звали никого посторонних. Этот Папуна будет рассказывать такие вещи, которые... лучше без посторонних.

— Что же такого он может рассказать?

— Откуда мне знать, Цицино. Но он хочет поговорить только с нами.

— Ну ладно, пусть так и будет. Если же он придет к нам второй раз, тогда пригласим людей.

— Да, так будет лучше. Ну, что, впустил тебя Мириан в дом, чтобы убраться? — спросил Шио, усаживаясь рядом с Цицино.

— Нет, пригласил меня прокатиться на машине. Но он говорил такие вещи, что я никак не могу прийти в себя.

— А что такое?

— Хочу, говорит, верить в бога.

— Что-о? — усмехнулся Шио.

— Должен, говорит, приобщиться к христианской вере, начну читать Ветхий и Новый завет.

— Ладно, ради бога! Он шутил или разыгрывал тебя?

— Ничего он не шутил. Говорил со слезами на глазах и искренне сокрушался, что не верит.

— И ты поверила ему?

— Как же я могу не поверить, если человек чуть не плачет. Когда я ему вынесла Евангелие и молитвенник, он обрадовался, как ребенок. Дай бог, чтобы он поверил. Потом, может, и у тебя откроются глаза.

— Не поздно ли мне и Мириану открывать глаза? А что его навело на мысль обратиться к религии?

— Говорит, что попавшим в безвыходное положение

ние, отчаявшимся людям вера дает душевное спокойствие. Может, говорит, поможет и мне.

— Да что с ним случилось, что он попал в безвыходное положение? В чем ему помогать? По-моему, он один из самых довольных своим положением и благополучных людей на свете.

— Я у него не спросила, а сам он тоже ничего не сказал. И насчет Дии тоже говорил как-то странно. Если, говорит, она верила в бога, то почему же он ей не помог. Что толку, говорит, что душа ее в раю, если тело валяется где-нибудь на помойке.

— Он что, с ума сошел? Или, может, он был просто пьян?

— Я тоже сперва так подумала, но потом убедилась, что он не пьян. Да, и вот что он еще у меня спросил. Если бы, говорит, ты невольно убила бы человека, как бы ты себя, спрашивает, дальше вела?

— Определенно, он заболел. И никто не слышал вашего разговора?

— Нет. В машине сидели только мы вдвоем.

— А вопрос о невольном убийстве он задал в связи с разговором о Дии?

— Да. А потом и говорит: «Что толку, что душа ее в раю, если тело ее валяется на помойке».

— Что же это должно означать? Может, он узнал что-нибудь о Дии?

— Думаешь, я не спросила? Он только махнул рукой. Что, говорит, я могу знать, если ее ищет вся милиция Советского Союза, и то ничего не могут установить.

— Мириан, наверное, действительно болен. Я его не узнаю в последнее время. Он раньше голоса никогда не повышал, а теперь раздражается без причины, по малейшему поводу кричит...

— Как я обрадовалась, когда он попросил Евангелие! Я подумала, что он по внушению божиию становится на путь истинный. Но вдруг у него и правда какая-нибудь трагедия, связанная с Дией?..

— О чем ты говоришь, Цицино! Не дай бог, чтобы это было так. Во всяком случае, нигде никому об этом не говори.

--- Боже, боже, убереги нас от всяческого зла!

Цицино упала на колени и долго и искренне молилась.

Высадив Цицино около ее ворот, Мириан возвратился к своему дому. Вдруг на середину дороги выбежал маленький мальчик. Мириан едва успел затормозить. Машина остановилась так, что ребенок, протянув руку, дотронулся до бампера. Он был еще слишком мал, чтобы испугаться, и ничего не понял в том, что произошло, вернее, в том, что едва не произошло. Зато поняла это женщина, от которой ребенок убежал на дорогу. Она закричала истошным голосом, бросилась к мальчику, схватила на руки, прижала его к своей груди и осыпала поцелуями. Женщина эта была мать Дии, а ребенок — сын Дии и Гурама.

Убедившись, что мальчик цел и невредим, женщина взмахнула кулаками и осыпала машину проклятиями. Потом она неожиданно разрыдалась, в то время как мальчик тянулся к машине ручонками и смеялся.

Мириан хотел выйти из машины, оправдаться перед женщиной, ведь он ни в чем не виноват, напротив, надо бы ее поругать за невнимание к ребенку. Но мать Дии смотрела на Мириана как разъяренная тигрица, готовая броситься на него и растерзать.

«Она, кажется, не узнала меня», — подумал Мириан. Он включил двигатель и быстро уехал со злополучного места.

Однако, как бежит время! Мальчуган Дии и Гурама уже бегают, уже своими ножками шагает по земле!

Каким несчастливым оказался этот ребенок! Он пока еще так мал, что и не понимает, что у него нет матери. Потом, когда подрастет, поймет, как это трудно — быть сиротой.

Сейчас он и того не знает, что человек, который без дела гоняет машину взад и вперед и который чуть не переехал его, погубил его мать! Потом, когда он узнает про это, то едва ли, если они вот так столкнутся на дороге, едва ли так легко они разойдутся. Он потребует ответ с Мириана, и как же может оправдаться перед

ним Мириан? Что он сможет сказать тогда юноше, чтобы тот опустил руку, поднятую для справедливого возмездия?

Но откуда сможет этот молокосос узнать правду? Ведь правду о гибели Дию, кроме Мириана, не знает ни одна живая душа на свете.

Загнав машину во двор, Мириан обежал весь дом, подергал замок на двери марани и, только убедившись, что все в полном порядке, поднялся на верхний этаж. Он сел в кресло и наудачу раскрыл Евангелие.

«...вот вышел сеятель сеять.

И когда он сеял, иное семя упало при дороге; и налетели птицы, и поклевали его.

Иное упало на места каменистые, где не было много земли; и скоро взошло, потому что земля была неглубока.

Когда же взошло солнце, увяло; и, как не имело корня, засохло.

Иное упало в тернии, и выросли тернии и загубили его.

Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, а другое в тридцать.

Кто имеет уши слышать, да слышит!»

Мириан, словно гадая по этой книге, закрыл ее, раскрыл снова и впился глазами в строки:

«...Ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не стало бы явным».

Его передернуло. Если на свете нет ничего тайного, что в конце концов не стало бы явным, на что же ему надеяться? И зачем читать святое писание, которое отнимает последнюю надежду? Зачем нужно такое учение? Он надеялся, что чтение Евангелия ниспошлет ему душевное спокойствие, а получается наоборот: то, что он прочитал, еще больше взбудоражило его. «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не стало бы явным»...

Мириан хотел ухватиться за учение Христа, как утопающий хватается за соломинку, а оно толкает его в еще более глубокую пропасть.

Но почему должна стать всем известной тайна, которую знает лишь он один?! Уничтожение всех следов тоже в его руках. Вскоре Мириан похоронит Дию, и на

этом все кончится. Эта тайна вместе с ним уйдет в могилу. Пока что Мириан тверд духом и крепок волей. Не пристало ему впадать в отчаяние. Надо только поскорее все закончить...

Он отбросил Евангелие, поняв, что ему надо надеяться не на бога, но лишь на свою твердость, на свою силу. Между тем дремота одолевала его.

...Во дворе накрыты длинные столы. Сотни свечей освещают двор, в котором происходит свадебное пиршество. Среди гостей — множество тбилисских писателей и ученых. Во главе стола — Мириан и Дия. Жених и невеста. Дия — в белом свадебном платье. Перед ними стопой лежат книги, это роман «Ирмис». На обложке наверху стоит имя Мириана. Это он написал роман.

Тамада в одной руке держит рог, наполненный вином, в другой руке — книгу. Он благословляет жениха и невесту, сердечно поздравляет их и особенно приглашает всех выпить за то, что день свадьбы совпал с выходом книги. Он восхваляет автора книги и опустошает рог с вином.

Слова тамады подхватывают тбилисские писатели и ученые. Каждый из них, прежде чем выпить свой рог, дополняет сказанное тамадой. Ораторы соревнуются, прославляя достоинства книги и ее автора, обрызгивают книгу вином, целуют Мириана, желают ему новых книг и новых успехов.

В самый разгар пира к Мириану подходит Цицино. Она чем-то расстроена. Наклоняется к Мириану и шепчет ему на ухо:

— Не сердись, генацвале, что отвлекаю тебя, но у ворот ждет Гурам. Он просит разрешения войти и участвовать в застолье.

— Какой еще Гурам? — пренебрежительно спрашивает Мириан.

— Гурам, бывший муж Дии.

— Он что, вернулся?

— Да. Прямо с фронта.

— Опоздал, бедняга. Ну что же, тем лучше, пусть заходит.

Цицино пошла за новым гостем. Мириан что-то прошептал Дии, и оба расхохотались.

На другом конце стола появился Гурам в офицерской форме, с глубокими шрамами на лице.

— Ну-ка, — скомандовал Мириан, — наполните рог герою-фронтовику. Говорил же я, что и вино будет, и моя свадьба, только не тебе быть на ней шафером и настроения петь у тебя тоже не будет. И вот все сказанное мной исполнилось.

Мириан довольно усмехнулся и повернулся к Дии, чтобы что-то ей сказать, но Дии уже не увидел. Станным образом она исчезла, словно растаяла в воздухе, ибо выйти из-за стола никак не могла. Мириан беспокойным взглядом окинул застолье, Дии нигде не было. Увидел он только Гурама, стоящего с рогом в руке.

— Откуда это вино? — строго и громко спросил Гурам, приглядываясь к рогу.

— Это мое вино. Из того большого кувшина, который когда-то ты сам помогал мне опустить в землю.

В отличие от ясного и гулко-го голоса Гурама голосок Мириана прозвучал дребезжаще и надтреснуто.

Гурам поднес было рог к губам, но тут же отбросил его с отвращением и гневно закричал:

— Вино пахнет разложившимся трупом! Уж я-то нанюхался этого запаха, я-то знаю. Вино пахнет разложившимся трупом!

Гости переполошились, загалдели, принялись нюхать свои бокалы.

— Правда!

— Правда, оно пахнет разложившимся трупом!

— Как же мы раньше пили это вино!

Гурам между тем подошел вплотную к Мириану, перепуганному, съезжившемуся, готовому провалиться сквозь землю.

— Ну-ка, пойдём, покажи, что плавает у тебя там в кувшине. Может быть, крыса? Проведи-ка нас туда, мы посмотрим.

Мириан дрожит. Он боится, что, может быть, исчезнувшая из-за стола Дия опять оказалась в кувшине и сейчас все увидят ее. Глаза у Мириана бегают, как у испуганной мыши, он не знает, как ему быть.

— Вставай, — берет его за плечо Гурам, — чего же ты ждешь? Боишься? Ты — убийца? Люди, этот человек убийца! Он убил мою Дию...

Мириан проснулся. Холодный пот на его лице сме-

шался со слезами. Он зарылся лицом в подушку, чтобы хоть немного приглушить свои вопли, и заревел, как бык, приведенный на заклание.

Цицино и Шио с нетерпением ждали гостей. Они волновались так, словно придти должны были не два парня, а близкие и почтенные родственники. То и дело они поглядывали на дорогу.

Все приготовления к ужину давно закончены. Стол накрыт, и если Цицино время от времени уходила на кухню, то не для того, чтобы добавить какое-нибудь новое блюдо, а для того, чтобы не показать мужу волнения, вызванного ожиданием гостей.

Уже заметно стемнело.

— Что-то не идут наши гости, Цицино, — волновался Шио.

— Придут, не могут не придти.

— Да, придут. Куда же денутся... Пойду привяжу собаку с задней стороны дома, как бы она в темноте не напугала ребят.

Шио пошел к собаке, но она уже забеспокоилась, начала лаять, бросаясь в сторону ворот, натянула цепь. Шио, поняв, что гости пришли, оттащил собаку подальше и привязал к забору. Молодые люди уже входили во двор.

— Мы немного опоздали, батона Шио, вы должны простить нас...

— Нет, сынок, за что же прощать. К нам никогда не поздно. Пожалуйте, пожалуйста, дорогие! Цицино, выгляни, пришли наши гости.

— Иду, Шио, иду... — Цицино быстро спустилась по лестнице и пошла навстречу гостям, вытирая руки о передник.

— Вот, уважаемый учитель, это друг и соратник твоего Тариэла, — представил Ладо гостя, — а это наш хозяин, отец Тариэла.

— Если бы ты и не сказал, я и так понял бы это с первого взгляда... ваш сын похож на вас.

— Разве? — довольно заулыбался Шио.

— Не только похож, вылитая копия!

— Да, находят сходство, — горделиво подтвердил

Шио.

— Ладо, сынок, это и есть товарищ моего Тариэла? — Цицино, у которой подступили слезы к глазам, вгляделась в незнакомого гостя.

— Да, это я, батону.

Цицино расплакалась, обняла и прижала к сердцу незнакомого юношу.

— Дай человеку войти, время ли плакать!

Цицино отпустила гостя и фартуком стала утирать слезы.

— Простите, дорогие мои... извините меня, — бормотала она, но слезы все подступали к глазам.

Дверь столовой была открыта, и взгляд гостей остановился на накрытом столе. Должно быть, у них глаза разбежались при виде жареного поросенка и отварной курицы, сыра, молодой зелени и фруктов...

Но Ладо перехватил испытующий взгляд хозяина, обращенный на гостей, и сжал руку Папуне, делая ему какой-то знак...

Папуна поднял голову и стал разглядывать фотографии, висящие на противоположной стене.

— Вот мой Тариэл! — воскликнул он, обойдя вокруг стола, дотянулся, снял со стены фотографию и стал так радостно ее разглядывать, будто нашел давно потерянного брата.

— Ты узнал его, да, сынок? — плача, обратилась к нему Цицино.

— Узнал ли? Тариэла я с закрытыми глазами узнаю! Ведь это фото он прислал с фронта?

— С фронта. Мы его получили с последним письмом, — тяжело вздохнув, сказал Шио.

— Нас вместе сфотографировали для фронтовой газеты. Потом, когда напечатали, редакция подарила нам газету и эти фотографии тоже. А газету Тариэл не прислал?

— Газету? Нет, сынок.

— А это младший брат Тариэла, да? — спросил Папуна и пригляделся к другой фотографии.

— Да, сынок, справа — Авто.

— Знаю, он много рассказывал о младшем брате.

— А разве он что-нибудь знал о нем?

— Знал. Они же переписывались.

— Садитесь, пожалуйста, поговорим за столом...

Гости принялись за еду, да так, будто до этого всю жизнь голодали. Они уминали все подряд, но обилен и разнообразен был стол, и должны же они были рано или поздно насытиться!

Шио с некоторым раздражением стал глядеть на плохо воспитанных парней. Ему хотелось поговорить с сыне, а приходилось слушать бесконечное чавканье гостей.

Он подождал еще немного, потом взялся за запотевший кувшин, наполнил стаканы. Он собирался неторопливо, по обычаю, благословить приход в дом дорогих гостей, но оба гостя схватились за стаканы и, не дослушав хозяина, опрокинули их в себя.

— Уф, какое вино!

— Не вино, а напиток богов!

— Да, это вино я делал сам, — Шио была приятно похвала гостей, — у меня два заветных кувшина на имя моих сыновей. Я не открывал их до этого вечера, хранил до возвращения моих мальчиков. Но они все не возвращаются... И вот сегодня открыл один из кувшинов... Это вы пьете из кувшина Тариэла. Я подумал так: если из этого кувшина выпьет фронтовой друг моего сына, это почти то же самое, что выпьет он сам.

— Будь здоров, дядя Шио! Весь кувшин мы все равно не выпьем. Останется и для Тариэла. Дай бог, чтобы он поскорее вернулся. — Папуна, не дожидаясь, пока ему нальют второй стакан, сам потянулся к кувшину. — С вашего позволения, дядя Шио. Извините, может, я нарушаю порядок за столом, но не могу не выпить до дна за того, с кем вместе столько пережил, кого полюбил, как брата, и с кем с нетерпением жду встречи, — у Папуны задрожал голос, и он поспешно, как бы для того, чтобы не разрыдаться, опрокинул второй стакан.

— Только бы он вернулся!

— Я верю в то, что он вернется, так же, как в то, что сижу теперь перед вами и смотрю на вас. Мы и в плен вместе попали, и бежать вместе собирались. Но накануне нашего побега с Тариэлом случилась беда...

— Какая беда?!

— Мы работали в каменоломне. Тариэл был орга-

13135340
1101033

низатором побега, и вот, когда все уже было готово, ему на ногу свалилась тяжелая глыба. Нога у него распухла. Перелома, слава богу, не оказалось, но ходить он не мог. Мы хотели отложить побег до тех пор, пока он поправится, но Тариэл не позволил. Он сказал: «Спасайтесь, пока немцы не догадываются. Кто знает, как будет дальше». И правда, столько трудностей мы пережили во время побега, что Тариэл с больной ногой не выдержал бы...

— А вдруг нога у него разболелась еще хуже? И не окажут ему никакой помощи?

— В лагере для военнопленных есть свои врачи. Немцы тоже рабочими не бросаются. Им дороги рабочие руки. Кроме того, среди пленных тоже был доктор, еврей, он обещал помочь Тариэлу.

— Если бы правда помог!

— Конечно, правда поможет. Кроме того, те места все равно скоро освободят наши войска. А теперь выпьем за мать Тариэла! — Папуна снова потянулся к кувшину. — Мать, которая вырастила такого молодца, как Тариэл, достойна всеобщей любви и уважения. Живи долго, уважаемая мамаша. Желаем тебе поскорее увидеть твоих сыновей.

Гости опять опрокинули по стакану и закусили остатками еды.

— Не души этих людей вином, — обратилась Цицино к мужу. — Перейдите на маленькие стаканы. Дай гостям что-нибудь рассказать.

— Нет у нас времени пить маленькими стаканами, уважаемая мамаша! Я этой ночью должен обязательно вернуться домой, а последний автобус отходит в одиннадцать часов. Поэтому я хочу произнести еще одиност, я хочу выпить за здравие ваших сыновей, Тариэла и Автандила.

— Лучше выпьем за каждого отдельно, дорогой мой! — попросил Шио.

— Отдельно? Что ж, батано, с удовольствием, ваши сыновья — примерные братья.

— Да, сынок, они души не чают друг в друге.

— Тариэл ведь так любил его, но и Дато, оказывается, очень любил Тариэла.

— Кто, батано? Какой Дато?

— Русские перекрестили Авто в Дато. Видимо,

так им было легче. Тариэл часто смеялся над этим. Да... так я говорил, что Тариэл все хвалил брата и мечтал о встрече с ним. Иногда в блиндаже вынимал его карточку, целовал ее и что-то нашептывал.

Растроганная Цицино горестно вздыхала, а Папуна, порядком захмелевший, плел все, что взбредет в голову. Он уже никому не давал вставить слово или произнести тост. Ладо, который держался пока трезвее своего дружка, то и дело дергал его за рубашку. Ладо первый понял, что пить больше нельзя и что вообще пора отправляться восвояси. Он встал сам и чуть не насильно поднял Папуна на ноги. Не без труда он повел его к дверям — Папуна вовсе не хотел уходить. На пороге он обернулся, заплетающимся языком пролепетал еще один тост — традиционный, за всех святых, покровителей этого дома, а потом уж совсем обмяк и уже не сопротивлялся действиям Ладо.

Цицино на прощание обняла окосевшего Папуна и все упрашивала, чтобы до отъезда на фронт он пришел к ним еще раз.

Гости вышли за ворота и в обнимку, едва держась на ногах, побрели по дороге.

Дорога проходила вдоль плетня Шио. Парни прошли шагов двадцать и остановились. В этом ничего странного не было, ведь нагрузились-то основательно. Но Шио еще за столом сердцем чувствовал что-то неладное, и теперь его словно кто-то подталкивал — он прошел те же двадцать шагов, разумеется, по двору вдоль плетня и тоже остановился. Между ним и его пьяными гостями было бы не больше трех шагов. Во всяком случае, он отчетливо слышал каждое слово.

— Как я не лопнул, — еле ворочая языком, говорил Папуна, — вечность не сидел за таким столом.

— А какое было вино!

— Не говори! Я оторваться не мог!

— Потому и окосел.

— Это я окосел? Что я, неправильно говорил или плохо держался за столом? Все было, как мы разрабатывали.

— А кто все путал и вместо Авто говорил — Дато?

— Разница невелика — Авто, Дато. Как не напутать, если я не знаю ни того, ни другого.

— Потом заладил: где жена Тариэла?

— А разве нет у него жены?

— Нет и не было. Я тебе и раньше долбил, и за столом за штанину дергал, но тебя разве остановишь!

— Ну, ничего не случилось. Все же я молодец, на фотографии сразу узнал Тариэла.

— Да, это был главный момент. Они сразу поверили, что ты его знаешь. Но тут особой гениальности от тебя и не требовалось. Сколько раз я водил тебя к стенду и этого Тариэла показывал. Не хватало тебе еще в этом ошибиться!

— Нет, ты не говори... Ловко мы все провернули... И стариков утешили, и сами напились и наелись, как короли, — пьяно бормотал Папуна. — Я все очень даже хорошо разыграл... А ты меня не ругай, нам незачем ссориться. Мы с тобой и еще кого-нибудь так надуем...

Они обнялись и, затаив какую-то песню, двинулись дальше.

Шио где стоял, там и сел на землю, словно его ударили по голове тяжелым поленом. Машинально достал папиросу, дрожащими руками кое-как прикурил. Между тем Цицино уже хватилась его.

— Шио! Где ты, Шио? — услышал он голос жены.

Ухватившись за ветку, поднялся, неуверенными шагами побрел к дому.

Цицино тоже как-то изменилась за это время. Исчезли слезы, но исчезла и улыбка сквозь слезы. Сейчас это было просто усталое, сразу постаревшее, несчастное лицо. Она отводила взгляд, избегая встретиться с его взглядом. «Неужели и она слышала? — подумал Шио. — Да нет, не могла... Материнским чутьем чувствует, что что-то не так...»

В молчании улеглись каждый на свою кровать, долго лежали молча, хотя и не спали. До Шио только сейчас по-настоящему стал доходить смысл происшедшего. Неужели эти парни позволили себе такое кощунство ради того лишь, чтобы наесться и напиться? Какими же мерзавцами надо быть, чтобы так надругаться над родителями пропавших сыновей. Разыграть роль лучшего друга их сына, рассказывать небылицы, обмануть простодушных стариков, а потом насмехаться над их наивностью. Мародерство выглядело бы благородным действием по сравнению с таким нравственным па-

дением. Мародер грабит мертвого. А эти безбожники живым людям наплевали в душу и над мертвым надругались. Если рассказать, никто, наверное, не поверит в возможность такого духовного опустошения и морального падения.

Если они так уж голодают, для чего было придумывать такое кощунство и святотатство. Пришли бы просто, хлебосольный и гостеприимный Шио и без того накрыл бы им стол. Они, молодые люди, как могли, подбодрили бы стариков, укрепили бы, как могли, надежду на возвращение сыновей...

Надо быть подонками, чтобы дойти до такой низости!

Шио лежал в темноте с закрытыми глазами, но все в нем кипело. Возмущение, гнев, обида не находили выхода. Лучше бы ему сейчас не лежать так спокойно, а, чтобы отвлечься, выпить залпом несколько стаканов вина. Вдруг ему словно штык вонзили в сердце и под лопатку. Он хотел крикнуть, но сознание запретило ему. Затем боль стала понемногу утихать, дыхание выровнялось, и он облился обильным потом.

Он лежал и вспоминал прошлогодний случай.

До него дошли слухи, что в одной дальней деревне какой-то фронтовик, вернувшийся домой без руки, рассказывает о его Автандиле. Шио начал спрашивать встречного и поперечного, узнал не только название деревни, но и полное имя отвоевавшегося фронтовика. Перечитав письма Автандила, он и там нашел упоминание о земляке по имени Валико. Тогда он написал этому Валико письмо. Правда ли, что он знает Автандила, — спрашивал в письме Шио, — и можно ли приехать к нему повидаться и поговорить о сыне.

Ответа на письмо не пришло. Шио подумал, что письмо затерялось и написал еще раз. И второе письмо осталось без ответа, тогда Шио решил поехать к Валико и на месте выяснить, в чем дело. Перебросив через плечо хурджин с подарками, Шио отправился в путь.

Когда он сошел с поезда, на станции ему удачно попался попутный грузовик. Через полчаса он был на месте. Водитель остановил машину прямо перед нужным Шио домом.

Во дворе, поросшем шелковистой травой, под ста-

рым ореховым деревом однорукий мужчина колот дрова. Пустой рукав был заправлен за ремень. Но топором мужчина орудовал ловко. Ставил полено на телстый тяжелый чурбан, и с одного удара топора оно разлеталось на две половинки, потом каждую половинку однорукий раскалывал еще на три равные части. Шио даже постоял, полюбовался умелой работой. Вдруг мужчина заметил Шио, стоящего у ворот с мешком через плечо, бросил топор и поспешно скрылся в доме. Шио удивленно посмотрел ему вслед, потом робко вошел во двор и крикнул:

— Хозяин! Есть кто-нибудь?

Никто не отвечал. Он стал звать настойчивей, громче. Наконец на пороге появилась молодая женщина. Поправляя косынку на голове, она пошла к Шио.

— Что вам угодно?

— Скажите, Табагари здесь живет?

— Которого Табагари вы имеете в виду?

— Валико Табагари, Валико.

— Да, он живет здесь, — не очень решительно ответила женщина, — только его нет дома.

— Далеко ли он ушел? Когда придет?

— Он не ушел, а уехал. Не могу сказать, когда вернется. Да вы заходите, пожалуйста.

— Я не могу не зайти. Помимо всего прочего, хотя бы для того должен зайти, чтобы оставить эти подарки... Надо же, как мне не везет. Приехал из такой дали и вот, именно в этот день Валико куда-то уехал!..

Шио остановился под ореховым деревом и присел было на тот чурбан, на котором однорукий колот дрова, но женщина ему не позволила.

— Войдите в дом, батано, мы ведь не бездомные!

— Да не стоит... раз уж Валико нет... — говорил Шио, ожидая повторного приглашения и одним глазом косясь на дверь, в которую вошел однорукий.

— Нет, нет, заходите. Пожалуйста сюда вот...

Поднялись по лестнице, вошли в дом.

— Вы, наверное, супруга Валико?

— Да, супруга, батано.

— Всех вам благ! Я так и думал! А ваше имя, уважаемая?

— Мадонна, батано.

— Уважаемая Мадонна! Я прихватил с собой не-

много вина из своего виноградника, думал, выпьем вместе с Валико. Но ничего. Приеду в другой раз или, может, вы сами пожелаете в гости ко мне.

— Кончилась бы война, батоно, все устроится.

— Я, уважаемая, учитель, Шио Самхарадзе. Мой сын воевал вместе с вашим мужем. Когда я узнал о благополучном возвращении Валико, я дважды писал ему, но ответа не получил.

— Разрази меня гром! Как это случилось? Наверное, Валико не получал писем, иначе как же он мог не ответить!

— В последнем письме я и о том писал, что собираюсь приехать, проведать вас.

— Он наверняка не знал, батоно, иначе шага бы не сделал из дому! Он очень огорчится, что вы его не застали!

— Он очень поздно приедет, уважаемая? — спросил Шио, присаживаясь.

— На три дня уехал...

— Ну, я, конечно, не смогу его ждать, оставлю я вам свой адрес, и вы должны дать мне слово, что приедете ко мне.

— С удовольствием. Обязательно приедем. А сейчас немного отдохните, батоно Шио, просмотрите вот этот альбом, а я накрою на стол.

— Насчет стола не беспокойтесь, а фотографии я посмотрю, — Шио взял альбом и надел очки.

Сперва шли фотографии, сделанные во время свадьбы отвоевавшегося Валико, на которых преобладало изображение Мадонны. Мадонна одна и вместе с мужем, Мадонна среди своих друзей, Мадонна на церемонии в ЗАГСе, за свадебным столом.

Уже само обилие этих фотографий говорило о том, что в этой семье был культ Мадонны.

Потом в альбоме стали попадаться и фронтовые фотографии. Радости Шио не было границ, когда он наткнулся на фотографию своего младшего сына.

Автандил и Валико были запечатлены на этом фото в обнимку.

На другой фотографии Автандил был снят отдельно, там была надпись: «Братски любимому Валико на память об огненных годах, пройденных вместе. Автандил».

Долго разглядывал фотографии Шио...

...Когда у него родился первый сын, он возгордился и назвал его Тариэлом.

Потом Цицино забеременела вторично. Они мечтали о девочке, и у них уже заранее было выбрано имя — девочку должны были назвать Нестан.

Но у Цицино снова родился мальчик. Имя искали недолго, мальчика нарекли Автандилом.

Мальчики и вправду росли один лучше другого, но младший все-таки выделялся как своей красивой внешностью, так и характером.

В первые же дни войны призвали обоих братьев. Ушедших на фронт и оставшихся в тылу подбадривала надежда, что наша армия быстро разобьет врага и солдаты вернутся домой с победой. Однако быстро война не закончилась и младшего брата постигла участь старшего — следы Автандила затерялись так же, как и Тариэла.

«Проклятый Гитлер затеял эту войну, чтобы погубить нашу семью», — время от времени вырывалось у отца, потерявшего двух богатырей.

Сейчас, когда он был один и не боялся, что жена застанет его врасплох, он прижал к груди карточку младшего сына и слезы ручьем полились у него из глаз.

По коридору кто-то прошел. Шио затих, не желая, чтобы его застали плачущим. Он вытер слезы, положил карточку на свое место в альбоме и вышел в коридор, чтобы прийти в себя.

Только он прислонил голову к балконному столбу, как услышал негромкий, но взволнованный разговор в соседней комнате:

— В какое положение ты меня поставил! Что мне ему сказать, чем ободрить несчастного! Он выглядит таким добрым человеком!

Шио узнал голос Мадонны и весь обратился в слух.

— Иди к нему, скажи, что забыл что-нибудь и вернулся.

— Не могу, пойми, не могу! Человек погиб прямо на моих глазах, как мне лгать, как его обманывать!

— Если этот обман ободрит человека, придаст ему сил, почему не солгать? Выйди, угости, его не надо ни особенно уверять, ни оставлять совсем без надежды.

Человек живет надеждой, и что за преступление, если ты укрепишь в нем эту надежду!

— Не могу, нет, врать в этом не могу...

Боль пронзила пораженного Шио с головы до кончиков пальцев. Он ухватился за столб, чтобы не упасть, и медленно сполз на пол. Потом кое-как поднялся, огляделся и на цыпочках, согнувшись, с поникшей головой, по-воровски пошел к воротам.

На счастье, во дворе никого не было, и он вышел на шоссе так, что ни одна живая душа его не видела.

Он прошел по шоссе до поворота не оглядываясь, тяжело ступая. Поднял руку проходящей машине, а когда машина затормозила, глухо крикнул водителю, чтобы тот подвез его до станции, залез в кузов, забился в угол, обхватил голову руками и горько разрыдался.

При воспоминании о тех минутах у него и сейчас комок подступил к горлу и глаза наполнились слезами.

Хотелось с кем-нибудь поговорить и хоть немного разговором облегчить душу.

Он повернулся к Цицино, но она лежала неподвижно, видно, крепко спала. Он пожалел ее будить. И остался один в глухой тишине и темноте ночи, наедине с самим собой, со своим горем, со своими воспоминаниями.

Все-таки какие разные люди! Кахетинец Парна Зеделашвили, воевавший вместе с Тариэлом, сам приехал к нему. Приехал, привез в подарок бурдюк великолепного кахетинского вина, расцеловал родителей своего фронтowego товарища. Хорошо они тогда посидели, поговорили. Парна очень переживал, что потерял из вида Тариэла. В последний раз они виделись в Миллерове. Парнаоза ранили, и он попал в госпиталь. Вышел оттуда нескоро, и его направили уже в другую часть. Там он получил новое ранение, затем инвалидность и вот — вернулся домой.

— С того дня, как ступил на родную землю Кахети, собирался проведать вас, может, думал, что и узнаю о Тариэле, — говорил Парна.

Узнав, что вот уже полгода от Тариэла нет вестей, он опечалился, чуть не прослезился, но тотчас взял себя в руки и стал ободрять несчастных родителей.

— Это обычное дело, — говорил он, — на фронте

же миллионы, десятки миллионов, бывают всякие случаи. А сколько по два года числились пропавшими без вести и потом оказывались живыми. Таризл везучий, его никакая пуля не возьмет!..

Парнаоз был печником и, уезжая, пообещал Шио приехать еще раз, со своим материалом, и сложить камин.

И в самом деле, поздней осенью, в преддверии зимних холодов кахетинец сдержал свое слово и сложил у Шио в доме такой камин, что все соседи приходили на него смотреть.

Шио и Цицино поставили перед камином небольшой низкий стол, за которым и обедали и ужинали. Но чаще всего Шио один сидел перед горящим камином. Следя за трепетанием огня, он как бы отключался от реального мира, от своих горестей, от своей постоянной душевной боли.

И сейчас он хотел бы разжечь камин, даже приподнялся на постели, но — опять вспомнил про жену, которая, конечно, проснулась бы и, наверное, не уснула бы больше до утра.

Понятно, что на фронте люди пропадают без вести, но куда пропала Дия на виду у всей деревни.

Мириан что-то должен знать, что-то гложет его, но он не может раскрыться. Интерес к Дии был у него и раньше, он, вероятно, был равнодушен к Дии. Теперь, когда Дия бесследно исчезла, Мириан постоянно хочет говорить о ней, чувствуется, что его мысли постоянно вертятся вокруг нее.

Может быть, Мириан куда-то увез Дию и спрятал ее? Но женщина ведь не иголка, чтобы ее спрятать. Как ее спрятать, не будь на то ее воли?

По своей же воле Дия ни за что не оставила бы малое дитя.

В первые дни после исчезновения Дии Мириана никто не видел трезвым. Он и раньше пил, но до такого состояния не доходил никогда. Раньше он проводил время в пирах и веселье, а сейчас стал напиваться в одиночку, за запертой дверью, и ничем не отличается от пьяниц, один вид которых раньше вызывал в нем отвращение.

Он запутал и следствие, сказав, что она, наверное,

уехала в Тбилиси, ибо ничего не могло с ней случиться здесь, на наших глазах.

Нет, Мириан поразительно изменился, и именно после исчезновения Дии. А вдруг он и вправду знает тайну ее исчезновения? Ведь что-то же заставило его сказать, что если, мол, тело ее валяется на помойке, то как же душа окажется в раю?..

В последнее время Мириан никого не замечает, отключается, не владеет собой, а на глазах у него чуть что начинают блестеть слезы.

Раньше он не любил излишнюю сентиментальность. Сейчас же ему самому стало свойственно удивительное мягкосердечие и он мог растрогаться даже по самому незначительному поводу.

А еще он, оказывается, начал читать религиозные книги и сожалеет, почему у нас нет монастырей, чтобы человек мог остаться наедине с богом и покаяться ему в своих грехах. Конечно, мы живем в такое время, что нет человека, который не совершил бы какого-нибудь греха, но Мириан и монастырь? Человек, который так любит жизнь и все мирские радости, вдруг заговорил о тщетности бытия и спасении души!

Нет, произошел какой-то большой перелом в Мириане. Он всегда был так далек от размышлений о сути нашего бытия, как небо далеко от земли. Пожалуй, именно после исчезновения Дии с ним что-то случилось. Тут какая-то тайна.

Удивительно и то, что Мириан, живший всегда нараспашку, никогда не запиравший не только ворот, но и дверей своего дома, привечавший всякого, кто бы к нему ни зашел, теперь даже Цицино не впускает, чтобы она прибрала в его холостяцком жилье. Он не открывает дверей на стук, стучи хоть на весь поселок, ключи носит всегда при себе. Наверняка у него в доме появилось что-то такое, чего он не хочет никому показывать. Но что бы это могло быть? Что за такие сокровища у него завелись, которые он скрывает даже от близких — от Цицино и Шио?.. А нет ли какой-нибудь связи между всем этим и его бредовыми разговорами о невольном убийстве, о покаянии и спасении души... и исчезновением Дии?..

Шио потрянул головой, словно хотел избавиться от назойливых мыслей, и повернулся на другой бок.

Теперь ему в голову полезли те два негодяя, кото-
рых они с Цицино ублажали торжественным ужином.
Если до этой минуты Шио надеялся еще заснуть,
то теперь нечего было и думать. Обидные воспоминания
расстроили его окончательно. «Почему, — думал Шио,
— молодые люди позволили себе такую нечистоплот-
ность и безнравственность? Неужели совесть можно про-
менять на один ужин с выпивкой? Конечно, добрых и
порядочных людей на свете, наверное, больше, но как
среди них уживаются такие подонки?» Лучше бы Шио
не слышал тогда их разговора и был бы о них хороше-
го мнения. Шио почувствовал, как к лицу прилила кровь
и застучало в висках.

Всегда, когда с Шио приключалась какая-нибудь
неприятность, он в первую очередь обвинял себя. По-
чему коза в чужой огород запрыгивает? Потому что
прясло низко. В конце концов кто такой он, Шио? Не-
удачник. Никому не известный, безропотный человек,
работавший всю жизнь не поднимая головы, плывущий
по течению. Все он делал, что ему поручали, делал без
лишней трескотни, никого не попрекая, никому не воз-
ражая, ни у кого он ничего не требовал за свою доб-
росовестность, никогда не гнался за внешним эффек-
том и положением.

А жизнь, оказывается, такова, что если ты сам не
будешь кричать о своем трудолюбии, о своей добросо-
вестности, честности, о своей доброте, то никто их не
увидит, никто о них не узнает. Ты сделаешь человеку
добро, но если не обяжешь его ответить тем же, он и
пальцем не пошевелит. А Шио не мог что-нибудь тре-
бовать от людей, не умел перешагивать через них, опе-
режать, карабкаться вверх, попирая ногами других.
Иногда он не нагибался даже и за тем, что ему пола-
галось, не говоря уж о том, чтобы тянуться за большим.

Копаясь в своих недостатках, он вспомнил народ-
ную сказку об Ухеиро — неумехе, недотепе, неудач-
нике.

Ухеиро был и трудолюбив и порядочен, но это не
спасало его от нужды и бедности, как бы он ни над-
рывался на работе. В конце концов он отправился к
богу, чтобы спросить о причинах своего невезения.

Сперва дорогу ему преградил волк. «Послушай,
Ухеиро, все равно ты идешь к богу, спроси заодно и обо-

мне: почему это так, что, сколько бы я ни ел, всегда голоден?»

После волка Ухеиро набрел на тополь с сохнувшими ветвями. Тополь обратился к паломнику: «Послушай, Ухеиро, все равно ты идешь к богу, узнай заодно, почему, сколько бы ни тянул я из земли влаги, ветви мои сохнут?»

В третий раз встретилось Ухеиро некое государство. В этой стране не было государя, а управляла им прекраснейшая царица. Был у царицы и преданный ей народ, было и войско, но враги не давали ей покоя и в битвах она всегда терпела поражение. Царица обратилась к паломнику: «Послушай, Ухеиро, все равно ты идешь к богу, узнай заодно, почему враги всегда побеждают мое войско?»

Бог выслушал Ухеиро, ответил на все его вопросы, заверил, что впереди ждет его большая удача и отпустил с миром. Пошел Ухеиро обратно.

Первым встретилось ему некое государство, которым управляла прекраснейшая царица.

— Ну как, — спрашивает она у странника, — что сказал бог насчет меня?

— Бог сказал, что ты должна выйти замуж за странника, и враги перестанут тебя побеждать.

— В чем же дело? Бери меня замуж. Я согласна.

— Вот еще! — ответил недотепа. — Зачем мне жена-царица и твое царство? Бог сказал, что впереди меня ждет удача.

Вторым встретился тополь.

— Ну, как, — спрашивает тополь, — что сказал бог насчет меня?

— У тебя в корнях зарыт золотой клад. Надо чтобы кто-нибудь выкопал этот клад, тогда твои ветви перестанут сохнуть.

— В чем же дело? Выкопай этот клад, освободи мои корни от золота.

— Вот еще! — ответил недотепа. — Зачем мне таскаться с тяжелым золотом, когда впереди меня ждет удача.

Последним встретился недотепа волк.

— Ну как, — спросил он, — что сказал бог насчет меня?

— Он сказал, что пока ты не съешь самого голодного человека на свете, ты вечно будешь испытывать голод.

— Пожалуй, глупее тебя я уж никого не найду, — сказал волк, набросился на недотепу и съел его вместе с костями.

«Подобно тому сказочному Ухеиро, — думал Шио, — я упустил столько возможностей занять в жизни лучшее место и положение».

Во-первых, отказался от научной работы, когда предлагали место в университете. Во-вторых, когда освободилось место директора школы и он мог бы легко занять эту должность, он, как обычно, проявил благородство и отказался от должности в пользу Мириана.

Да разве считаешь, сколько раз за свою жизнь Шио проявил равнодушие и небрежение к личной выгоде. В каждом человеке он искал всегда хорошее, он любил людей, думал, что и его все должны любить точно так же. Всех людей он мерил по своей мерке. Сам был добр, думал, что и все остальные люди тоже добры. Не умел он отделять в людях хорошее от плохого. А теперь вот столкнулся с голодным волком безнравственности и бессовестности...

Невидимая и неумолимая рука сжала вдруг сердце Шио. Он хотел крикнуть, разбудить Цицино — и не смог, хотел пошевелиться, чтобы как-нибудь разбудить ее, — и не мог. Сам он уже не слышал, но вместо крика у него вырвался предсмертный хрип, а несколькими минутами позже пронзительный женский вопль раздался на весь поселок.

Смерть Шио заставила Мириана забыть на некоторое время собственные заботы. Несколько дней с утра до вечера он находился в доме умершего друга, помогал Цицино, улаживал похоронные дела.

Ладо Дарбаидзе на похоронах не появился. Мириан уже знал от Цицино, какое безобразие он совершил вместе со своим дружкой. Мириан даже хотел поехать в район и добиться ареста бездельников и жуликов, но по здравому рассуждению пришел к мысли, что он сам косвенно виноват в том, что Ладо оказался

бездельником. Разве не Мириан нашептал тогда секретарю райкома о Ладо, после чего парень уволился раскопок. Да, отвечать за тунеядство и озлобленность Ладо должен тот, кто вынудил его бросить кирку и лопату, кто оставил его без работы.

Да и помимо того разговора с секретарем, если бы Мириан вовремя заинтересовался судьбой молодого человека, разве он не нашел бы способа ему помочь? «Надо будет, — решил Мириан, — поговорить с Ладо, пробудить в нем совесть. Надо будет взять его на работу хотя бы школьным сторожем, тогда он, по крайней мере, будет всегда на глазах».

Мириану казалось, что человека, находящегося в его положении, не может уже потрясти никакое несчастье. Однако смерть Шио поразила его как громом. Вдруг он понял, что лишился самого надежного, верного, преданного и единственного друга, который, если бы понадобилось, не задумываясь пожертвовал бы собой ради Мириана. Рухнула последняя опора, не осталось никого больше, на кого можно было бы опереться, кто мог бы ободрить в трудную минуту.

Все, кто приходил в дом Цицино попрощаться с Шио и выразить ей соболезнование, выражали его Мириану, поскольку все знали, каким близким другом был для Мириана покойный.

На похороны приехал и Давид Петрович. Он тоже выразил соболезнование Мириану и встал перед гробом рядом с ним. Потихоньку спросил:

— Почему не заходишь? Говорят, научился водить машину?

— Да, иногда балуюсь.

— Хорошо. А я вот уже сколько лет на машине мне и в голову не приходило самому научиться.

— Где у вас время для этого, Давид Петрович.

— Время-то найти можно. Не было нужды. Шофер возит. У тебя ведь тоже, кажется, есть шофер?

— Да...

— И тем не менее понадобилось самому...

Мириан весь внутренне сжался. Он ждал, что секретарь сейчас выскажется до конца, но секретарь не произнес больше ни слова. Он только окинул взглядом с головы до ног съездившегося Мириана, нахмурился и отвернулся. Мириан был оглушен. Он уже не по

нимал, не видел, кто приходил, кто уходил, кто пожимал ему руку, кто выражал соболезнование. Чтобы как-нибудь не выдать своей растерянности, он неотрывно смотрел на Шио, лежащего в гробу. Но в глазах у него все туманилось, расплывалось. Уж не Шио лежал в гробу, а Дия, прекрасная и неповторимая, такая, какой она была в жизни. Она лежала и улыбалась, словно звала Мириана к себе. Вдруг он, как лунатик, двинулся к гробу, рухнул перед ним на колени и упал головой на грудь покойника. Он рыдал. Но он оплакивал не Шио, а собственную несчастную любовь, собственную сломавшуюся жизнь, безвременно и глупо погибшую Дию...

Кто-то подошел к нему, взял за плечи, хотел поднять, но Цицино сказала:

— Оставьте его, пусть, пусть плачет. Они любили друг друга, как братья. Ему надо сейчас поплакать.

Долго и трудно был для Мириана день похорон. Когда гроб опустили в могилу, Цицино так рвалась за гробом, что несколько человек едва смогли ее удержать. Она кричала: «Всю жизнь молила бога, чтобы он послал смерть мне раньше, чем тебе. Всю жизнь я молилась за тебя и остатки дней проведу в тех же молитвах». Оплакивая мужа, с которым прожила более двадцати лет, она скорбела оттого, что так и не сумела привить ему веру в бога. Сейчас, провожая его в последний путь, она знала, что там ему не понадобятся ни преданность друзей, ни верность долгу, ни честность, ни доброта, ничего, кроме ее молитв.

Когда могилу начали забрасывать землей, Мириан вдруг подумал, насколько он сейчас был бы счастливее, окажись он на месте Шио, а над могилой стояла бы Дия и оплакивала его.

Это было бы, конечно, огромным и безусловным счастьем, которого он, Мириан, не заслуживает. Тогда пусть хоть бы Дия удостоилась нормальной человеческой смерти и нормальных человеческих похорон, нормального оплакивания родными и близкими.

При воспоминании о Дии Мириану опять стало плохо. Глаза застлало туманом, в ногах появилась слабость. Он не помнил, как дошел до дома покойного, где предстояло еще выдержать поминки и, более того, исполнять на этих поминках обязанности тамады. От-

казаться от этого Мириан не мог, это был последний долг перед Шио. Домой он возвратился поздно вечером, едва передвигая ноги.

341935341
30321110330

45

Перед воротами собственного дома им овладело не хорошее предчувствие. Ему стало казаться, что в доме кто-то есть. Но все замки, все запоры оказались на месте, закрытыми, и это его немного успокоило. Тем не менее в марани он ворвался как сумасшедший. Нет, и там все в порядке. Куча сухих ветвей по-прежнему лежала на месте.

Тогда он потащился на верхний этаж и тяжело опустился на постель. Бессмысленным взглядом он обшаривал стены, окна, потолок, и вдруг сердце его похолодело. Дверца печки была наполовину открыта.

Мириан вскочил на ноги, присел на корточки перед печью, открыл дверцу до конца. Его одежда, запятнанная кровью, и сумочка Дии были там же, но как ему показалось, лежали по-другому и в большом беспорядке.

Он все время был осторожным, усердно стирал и уничтожал самые незначительные следы. Как же он мог забыть сжечь окровавленную одежду и сумку Дии?

Он забыл сделать то, что должен был сделать прежде всего, забыл уничтожить самые главные, самые явные улики. Но неужто кто-то побывал в его доме?

Он еще раз огляделся: ему показалось, что некоторые вещи лежат не на своих местах. Кувшин для воды, оставленный им на столе, сейчас стоял на полке в нише. Пальто, которое он бросил на постель, теперь висело на стуле.

Однако он не мог бы сказать наверняка, действительно ли что-нибудь изменилось. Измотанный, опустошенный, он не помнил уже ничего.

Положив перед собой окровавленную одежду и сумочку, он стал пристально на них смотреть.

Вспомнил, как однажды в деревне он столкнулся с такой картиной: перед шкурой бычка, вывешенной на солнце для просушки, остановилось стадо. Животные уставились на просохшую кровь, потом принялись

лись к этой крови и жалобно замычали, задрав головы
сверху.

Сперва один, затем второй, а потом и все вместе
стали бить копытами по земле. С душераздирающим
мычанием разрыли все вокруг.

Мириан тогда был маленький.

Завороженный, смотрел он, как оплакивали живот-
ные погибшего бычка, как дрожали всем телом, глядя
на шкуру с засохшей кровью, как горестно и тревожно
мычали.

Тот бычок был из другого стада. Но все же как
обреченно оплакивали его и как скорбели по нем жи-
вотные на своем, непонятном Мириану языке.

Мириан же... Как равнодушно смотрит он на пятна
крови на своей одежде. И чьей крови? Любимейшей
женщины. Как будто это кровь какого-то существа, на-
столько чуждого и далекого, что он даже и не подоз-
ревал о его существовании. Сейчас он, Мириан, без-
душней любого животного. Вообще животное, по срав-
нению с человеком, абсолютно безгрешно, ибо, если
оно и бывает жестоким, беспощадным, безжалостным,
то лишь в борьбе за существование, в борьбе за про-
должение вида. Так уж ему предназначено природой.
Человек же совершает преступление чаще всего без ви-
димой необходимости, а иногда без всякой пользы для
себя, он совершает преступление походя, словно для
забавы, для развлечения. Он совершает преступления
бессмысленные, причем преступления эти бывают на-
столько изощренными, чудовищными, неправдоподоб-
ными, что, конечно, ни одному животному не додумать-
ся бы до них.

Вот и сейчас: сидит человек перед окровавленной
одеждой и сумкой. Но вместо того, чтобы плакать и
бить себя по голове, он думает о том, как лучше унич-
тожить эту сумку и одежду, чтобы они не могли быть
использованы кем-нибудь в качестве улики.

Все-таки каким бессердечным оказался Мириан!
Оказывается, он не рожден ни для любви, ни для дру-
гого благородного чувства.

Вот и сейчас он думает фактически о том, как спас-
ти себя и как стереть следы преступления.

Он не может осмыслить до конца тяжести своей ви-
ны, не вникает в нее глубоко, чтобы сделать нравст-

венный вывод и действовать не под диктовку инстинкта самосохранения, а в соответствии с этим выводом.

Некоторое время он отрешенно сидел на полу. Затем сработал какой-то импульс, он понемногу вернулся к реальным обстоятельствам и принялся выяснять, что могло случиться в его доме.

Если кто-то заходил, почему все замки заперты. Наверное, открывали дверь, подобрав ключи, тогда почему не видно следов обыска в марани? Неужели они прямо направились к печке, нашли неопровержимые улики, сфотографировали их и оставили на месте нетронутыми?!

Значит, это почерк профессионалов. Мириан вспомнил: следователь, оставшийся в поселке, сегодня появился в доме Шио на несколько минут, а потом исчез. Ни при выносе, ни на кладбище, ни на поминках его не было. Если у него была задача тайно проникнуть в дом к Мириану, лучшего времени он найти не мог. Следователь знал, что Мириан обязательно останется и до конца похорон, и до конца поминок.

За это время хороший следователь мог обыскать не только дом Мириана, но и целый дворец.

Видимо, те, кто обыскивал квартиру, очень торопились, иначе как могли они не закрыть печную дверь?

Если сфотографировали сумку Дии и окровавленную одежду Мириана, то, видимо, следствие взяло Мириана под наблюдение и не сегодня-завтра ему предъявят неопровержимые улики, обыщут весь дом, а следом и марани, и обнаружат труп Дии.

Мириан понимал, что действовать нужно немедленно, сейчас же, но от всех переживаний длинного похоронного дня, от переживаний всего этого времени, от выпитого на поминках он так отяжелел, что не мог бы пошевелить и рукой, а не то что завести машину, погрузить труп, везти, закапывать. Тупое, парализующее равнодушие сковало его. Он лег, не раздеваясь, поверх одеяла, некоторое время боролся с оцепенением, но в конце концов провалился в черную бездну сна.

Проснулся он рано утром и сразу почувствовал, что заболел. Голова пылала огнем, все тело ломило. Не

нужно было ставить градусника, чтобы понять: температура не ниже тридцати восьми. В то же время он понимал, что сделать то, что он собирался сделать, все эти дни, необходимо сегодня и только сегодня, правда, делать это нужно ночью, так что впереди еще целый день.

Он встал, пересилив недомогание, занялся машиной. Долил масла и бензина, завел и прогрел мотор. Затем положил в машину кирку и заступ, скатал в спальне ковер и принес его к дверям марани. Закончив все эти приготовления, он попытался поесть, но смог проглотить лишь несколько маленьких кусочков — еда не шла в горло. К тому же у него пересыхало во рту, и он то и дело тянулся к воде.

Да, сегодня последний день, последняя возможность. Если и не нагрянет милиция, то завтра возвратится из своей поездки Нодар, а это усложнит задачу Мириана. Кроме всего, может быть, к завтрашнему утру Мириан разболеется так, что не сумеет подняться с постели. Нет, сегодня, только сегодня. Но впереди еще целый день. Мириан решил показаться в школе. Заодно сказать там о своей болезни, предупредить, чтобы в ближайшие три-четыре дня обошлись без него. Да и мучительно было бы целый день просидеть дома в одиночестве.

Не успел он выйти из ворот, как столкнулся с тбилисским следователем.

— А, батано Мириан, а я как раз иду к вам.

— Ко мне?..

— Да. По поручению Давида Петровича. Оказывается, из Тбилиси к нему приехал почетный гость. Ну... Надо его принять, Давид Петрович недавно был у вас в марани, ему так понравилось, что лучшего места, говорит он, искать не надо. Спрашивает у вас, можно ли привести гостя.

Мириан похолодел, в то время как лицо его залилось краской. Сразу его пронзила мысль, что гость тут ни при чем, просто им надо проникнуть в марани.

— Удивим ли мы тбилисского гостя моим захудалым марани. Поведем его куда-нибудь в другое место.

— В ресторан Давид Петрович не хочет, а в дружную семью... Давид Петрович говорит, что у вас они будут чувствовать себя, как и в прошлый раз, уютно...

— Да, но... — земля уходила у Мириана из-под ног. И тут его озарила спасительная мысль. У меня невозможно. Я только вчера похоронил друга, которого любил, как брата. Я не могу...

— Да-а... верно!

Только Мириан собрался идти дальше, как следователь снова подкосил его, как косой:

— Давид Петрович просил, если по каким-то причинам нельзя привести к вам гостя, чтобы вы прислали пару кувшинов того вина...

— То вино кончилось, — холодно отрезал Мириан, повернулся спиной к следователю и пошел своей дорогой.

Следователь некоторое время смотрел ему вслед.

Мириану было ясно, что следствие сужает вокруг него свои круги, а в центре круга — марани, кувшин и Дия. Ну что ж, подозрение их, мягко говоря, не лишено основания, они на верном пути, и теперь, сколько ни хитри и ни ловчи, не сегодня, так завтра, с разрешения ли Мириана или без, они в марани проникнут. Теперь единственное спасение в том, чтобы скорее наступила ночь. Важно все сделать до их прихода.

На улице разгулялся холодный ветер. Ветви деревьев шумели, стучали друг о друга. Когда этот шум усиливался при порывах ветра, Мириан каждый раз вздрагивал: ему слышались шаги идущих его арестовывать. Кроме того, он весь пылал, и сильно болела голова.

За полночь Мириан выехал со двора. Не зажигая фар, миновал поселок, в котором не светились уже ни одного окна.

Ветер, бушевавший в течение целого дня, утих. Потеплело.

Мириан прибавил скорости и помчался к древнему могильнику. Остановил машину около заранее облюбованной могилы... Вышел из машины, огляделся, прислушался. Убедившись, что вокруг ни души, вытащил ковер с чудовищным грузом в середине и опустил в древнее захоронение. Начал засыпать яму. Сил у него уже не было. Временами ему казалось, что он свалится прежде, чем успеет заровнять яму с краями.

Когда он тронул пикап, чтобы ехать назад, пошел снег. Оказывается, Мириану и в этом повезло. Теперь

снег укроет и свежую землю на могиле, и след машины.

Пикап он поставил в глубине двора, вошел в дом. Разделся, не включая света, лег и укрылся с головой одеялом. Он боялся не только перевернуться с боку на бок, но даже пошевелиться. Когда он уходил от машины, ему показалось, что во дворе кто-то кашлянул. Теперь, едва дыша под одеялом, он все ждал, что сейчас застучат в дверь. Но не доносилось ни звука. Сердце перестало трепыхаться в груди, Мириан постепенно успокоился. К нему вернулась способность рассуждать.

«Главная улика уничтожена, — думал он. — Теперь надо заняться печкой. Как хорошо, что идет снег. Никого не удивит, что среди ночи топится печка».

Он встал, плеснул в печку немного бензина, чиркнул спичкой. Вспыхнуло пламя. За минуту все там превратилось в пепел. Покончив и с этим, Мириан почувствовал смертельную слабость и едва дополз до постели.

47

На другой день, проснувшись довольно поздно и взглянув в окно, Мириан увидел, что все вокруг покрыто сверкающим белым снегом. Он должен был бы обрадоваться этому снегу, однако теперь, когда все было закончено, когда он избавился от Дии, от ее сумочки, от своей одежды с кровавыми пятнами, от висевшей над ним необходимости, заботы, он вдруг почувствовал страшную пустоту. Он почувствовал, что у него в жизни не осталось никакого, хотя бы микроскопического интереса. Жизнь потеряла для него всякий смысл.

Он то погружался в дремоту, то просыпался снова, и так повторялось много раз. Когда же, наконец, он собрался вставать, уже смеркалось.

Если до сих пор он действовал как бы автоматически, по заранее составленному плану, то теперь, когда этот план был осуществлен, для дальнейшей жизни у него не оказалось не только нового плана, но и никакого желания.

Мир для него оказался пустым, без близких, без доброжелателей (но и без врагов), без хотя бы един-

ственного человека, заботы о котором и жизнь ради которого служили бы Мириану стимулом.

У него, как у механической игрушки, был завод на целый ряд определенных действий. Сперва, подчиняясь этому заводу, он спрятал Дию в большом кувшине, потом придумал план ее тайного захоронения. Для этого он раздобыл машину, отремонтировал, научился ее водить... Все это он делал с предельной осторожностью и с усердием. Им двигала подсознательная надежда, что когда перестанет давить на него страх обличения, для него начнется новая жизнь.

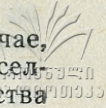
И вот теперь, оказавшись на пороге воображаемой новой жизни, он понял, что ее попросту нет, что вообще ничего уже нет.

Он не помнил и о своем намерении опубликовать роман Гурама под своим именем. У него, раздавленному грузом предыдущего преступления, не было желания совершать новое преступление, новый обман. Когда он прочитал в Евангелии, что все тайное становится явным, он в сердцах отшвырнул книгу. Тогда он еще чувствовал себя сильной личностью. Ему казалось—достаточно уничтожить следы преступления, и все пойдет опять своим чередом. Как, оказывается, он был наивен. Даже если стереть с лица земли все самые ничтожные следы преступления, в собственной душе их не стереть никогда.

Весь предыдущий жизненный путь Мириана подготавливал, должно быть, то, что произошло теперь. Жизнь, которая однажды пошла неправильно, превратила Мириана в преступника. Одно преступление влекло за собой другое...

Вместо того, чтобы сразу сообщить о случайной трагической гибели Дии, он с первой минуты принялся заметать следы. С этой-то минуты трагическая случайность и превратилась в преступление. К одной мерзости добавлялась новая мерзость, к одной гнусности—новая гнусность. Спрятать умершую в кувшине с вином, хранить этот ужас в своем доме и потом тайно закопать в могильнике двадцативековой давности! Человек, совершивший эти действия, не имеет больше права называться человеком, общаться с людьми, да просто находиться среди них.

Мириан всегда считал себя настоящим мужчиной.

Но настоящим мужчиной он оказался бы в том случае, если бы нашел в себе силы собрать всех жителей поселка и публично во всем признаться. Такого мужества у Мириана не было и в помине.

А если дело все же раскроется? Судя по всему, оно рано или поздно раскроется. И вот директора школы арестовывают, публично судят. Придется предстать перед правосудием в присутствии сотен людей. Они будут молча смотреть на него, а он должен будет вслух, громко рассказывать все подробности... Как вынести взгляды людей, обращенные на него, людей, которые до сих пор испытывали к нему уважение и которым в голову не могло придти, что директор их школы способен на подобные мерзости? Нет! Нет и нет! Если сам уже ненавидишь себя и всю свою жизнь считаешь ошибкой, то ради того, чтобы избежать открытого позора, самоубийство не такой трудный, не такой уж невозможный шаг. Для этого, пожалуй, даже не нужно особенного мужества. Да, он труслив и малодушен от природы. Когда его одолевает чувство страха (хотя бы это чувство называлось инстинктом самосохранения), он бессилен не подчиниться ему. Отсюда и все его действия, все его жизненное поведение.

Когда он испугался возможного ареста в Тбилиси, то скрылся в захолустной сельской школе; когда случилось несчастье с Дией, он из трусости спрятал ее труп; когда нужно было уйти добровольцем на фронт, он затаился и не пошел. А уж кому, как не ему, полагалось бы защищать государство, давшее ему все блага жизни, позволившее ему жить беззаботно и припеваючи?

И уж тем более эта трусость, это малодушие не позволят ему теперь публично раскаяться. Вопрос только в том, хватит ли у него мужества свести счеты с самим собой и самому поставить точку в конце недостойно прожитой жизни?

Вдруг резко, громко зазвонил телефон. Кто это может быть среди ночи, кому мог понадобиться Мириан в это время? Или есть на свете человек, которому нужна была бы помощь и который обратился бы за ней к Мириану? Брать или не брать трубку? Надо взять, наверняка случилось что-то необычное, просто в полночь звонить не будут.

— Алло! Слушаю! Алло, алло!

Но трубка молчала: ни гудков, ни ответного голоса. Мириан вспылил, чертыхнулся.

— Ты разбудил меня среди ночи, чтобы послушать, как я кричу? Или отвечай, или я повешу трубку...

Едва Мириан положил безмолвную трубку на рычаг, как его осенила догадка: да ведь это позвонили проверить, дома я или нет. И убедившись, что дома, придут меня арестовывать. Кто мог вспомнить обо мне среди ночи, кроме милиции? Проверили и, наверное, уже идут. Мириан всем своим существом почувствовал, как на него надвигается что-то огромное, темное, неотвратимое. Невидимые руки, как клещи, уже тянутся к нему. Они вопьются в него мертвой хваткой, вытащат из дома и поставят перед лицом гнева и правосудия. Ну нет, этого Мириан не переживет! Он успеет еще их опередить, он сумеет сам себя избавить от такого позора!..

Он достал из ящика стола пистолет, вогнал в него заряженную обойму, сел на кровать, дернул за ствол, загоня патрон в патронник. Но тут сознание у него прояснилось, и он поставил оружие на предохранитель.

Он не передумал застрелиться, но ему пришла в голову идея покончить с собой там, на древнем могильнике, на том самом месте, где он закопал Дию. Да, он будет лежать рядом с ней.

Через несколько дней люди наткнутся на труп Мириана, потом раскопают и свежую могилу... Никто никогда не узнает, как все было на самом деле. Выдумают тысячу разных версий, но ни воображение людей ни их фантазия не воссоздадут правдивой картины гибели двух людей. Эта гибель навсегда останется загадкой, более того, она станет легендой, окутается романтической дымкой. «Хоть конец будет красивым, — подумал Мириан, — если такой безобразной получилась жизнь». Но тогда медлить нельзя: вот-вот придут, чтобы его схватить. Мириан стремительно сбежал вниз по лестнице.

Оказывается, потеплело. И без того обильный снег сыпал теперь крупными сероватыми хлопья-

ми. В поселке — ни огонька, на дороге — ни души, ни единого следа, в небе — ни звездочки. Дорогу до мотельника Мириан знал хорошо и, миновав селение, побежал. Хлопья снега сначала приятно охладили пылающее жаром лицо. Очень скоро он запыхался. Ноги сделались ватными, но он продолжал перебирать ими, и ему казалось, что он бежит довольно быстро. В нужном месте свернул с дороги к раскопкам. Еще немного, и мучительный путь окончится. Темна ночь, но не так ли темна была и сама жизнь Мириана, по крайней мере, в последнее время... Скоро пуля сразит его, и это будет концом всей его бессмысленной жизни.

Но говорят же, что дух бессмертен? А что, если дух не умрет вместе с телом? Но ведь не тело, во всяком случае, не одно только тело является причиной всех ошибок и преступлений, из-за которых Мириан собирается лишиться себя жизни? Кто же больше ошибался: дух или тело? Не ошибки ли души были для него роковыми? Говорят: покривил душой. Говорят: проявил малодушие. Говорят: чужая душа — потемки. Говорят: полюбил всей душой. Говорят: простил всей душой. Говорят: желаю тебе от души... Если ноги (то есть тело) пошли не той тропинкой, всегда можно вернуться назад, найти верную тропу. Но как быть с ошибками души? С душой, вставшей на неправильный путь?

Ведь родился Мириан не преступником, у него была мягкая, как воск, чистая, легко поддающаяся влияниям душа. Но он оказался слабым, бессильным перед грубыми, железными руками жизни, которые мнут, тискают глину души и придают ей ту форму, которая господствует вокруг.

Так что же, выходит, что Мириан — не больше, чем производное времени и его жертва? Но тогда все преступники всех времен могут обвинять в своих преступлениях время. Разве не время и не среда формируют душу любого преступника?..

Мириан любил легкую беззаботную жизнь, никогда не обременял себя тяжелым трудом, усидчивостью, усердием. Но самолюбие и даже честолюбие у него были всегда. И зависть тоже. Он завидовал тем, кто в каком-либо деле оказывался выше него. Но эти высоты не покорялись сами по себе. Чтобы стать ученым, надо

иметь научные труды, открытия, чтобы стать писателем, надо создать роман, чтобы стать хорошим писателем, надо создать хороший роман.

Ему хотелось достичь какой-либо высоты, но не утруждая себя, получить все блага жизни, не добываясь их упорным трудом. Стремясь (может, и подсознательно) выделиться из общей среды, он с молодости встал на путь ошибок. Он разоблачал крупнейших деятелей педагогики, а они вопреки этому так и остались крупнейшими деятелями. Мириан же не получил за это ничего, кроме морального урона.

Катастрофа, случившаяся в конце его жизни, также обусловлена свойствами его натуры. Он задумал присвоить себе чужой роман, без труда пожать лавры, прославиться, он пожелал присвоить себе чужую жену. И вот роковая цепочка последовавших событий привела его теперь к занесенным снегом раскопкам.

Вот и эта могила. Сил у него уже больше не было. Голова кружилась, колени подгибались. Он хотел сесть на могилу, но вместо этого упал лицом в мокрый и, как ему показалось, теплый снег. Он потянулся было рукой в карман, где лежал пистолет, но рука не подчинилась ему. Вдруг он понял, что никакого пистолета уже не понадобится. Он и так уж никогда не поднимется с этой могилы, с этого мокрого снега. То ли он обнимал землю, то ли земля обнимала и тянула к себе его.

Мириану становилось все теплее и теплее, все лучше и лучше и, наконец, стало совсем хорошо и легко. Потому что он уже ничего не чувствовал, не видел, не знал: ни земли под собой, ни Дии, лежащей в этой земле, ни снега, который покрывал все более толстым и пышным слоем человека, съжившегося, скрючившегося, как ребенок в чреве матери.

СЛОВО НЕИЗРЕЧЕННОЕ

Неизреченное,
Тайное слово
Передоверил
Утренним розам
И дуновенью
Легкого ветра —
Если бы ветер,
Если бы розы
Слово сумели произнести!

Неизреченное,
Тайное слово
Передоверил
Всплескам рассвета
И многоцветью
Росного луга —
Если бы утро,
Если бы травы
Слово сумели произнести!

Неизреченное,
Тайное слово
Передоверил
Шелесту яблонь —
Если бы листья
Шепотом влажным
Слово сумели произнести!
Чаще, однако,
Тайное слово
Мной доверялось
Сумраку ночи
Или разливу
Лунного света —
Давним моим,
Закадычным друзьям.

Вот и ответствуй:
Ночи дыханье,

1978 г.

«ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ» И СТИХОТВОРЕНИЯ
НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ НА МОЕМ СТОЛЕ

Владимиру Жибути

Две книги сегодня лежат у меня на столе,
Всецело владея душою родного народа, —
Две тропки до солнца,
Два солнца, что светят земле,
Две снежных вершины,
Подперших лазурь небосвода.

Лежите бок о бок,
Хотя между вами века —
Семь долгих столетий
Прошло, пролегло, отшумело.
Мне чудится:
В сумраке руку сжимает рука,
И, преданный раб,
Перед вами склоняюсь несмело.

Стою подле вас.
Трепетать от восторга готов:
Луна коронует соседство
Поэтов великих!
И я забываю сиротство
И тяжесть годов,
Когда по столу
Рассыпаются лунные блики.

Когда затихает
Безудержный уличный шум
И все, что живет,
Обретает покой до рассвета,
Из книг выступают
Властители дерзостных дум —
Два ясных величия,
Два незабвенных поэта!

041935340.
8032-0110330

Течет их беседа,
Она горяча и тиха.
И в сердце растут
Благодарность и благоговенье:
Стоят над землею
Суровые стражи стиха!
Бессмертная стража
Бессонна в любое мгновенье,
Чтоб в нашем саду
Не покинул гнездо соловей
И чтоб благодать
Снизошла на Иверию снова,
Чтоб стих полнозвучный,
Во славу отчизны своей,
Стал острым, как меч,
И исполнился смысла былого.

...Две книги сегодня лежат у меня на столе,
Всецело владея душою родного народа, —
Две тропки до солнца,
Два солнца, что светят земле,
Две снежных вершины,
Подперших лазурь небосвода!

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

ПРОЩАНИЕ С ЛИПАМИ

В последний раз я здесь.

Ствол липы обнимаю.

Прощаясь, по коре рукою проведу.

Спит предо мной село.

За небом наблюдаю.

Никто меня не ждет, я никого не жду.

Быть может, бог глядит сейчас со звездной карты,
Небесные глаза

полны земных огней.

В моей душе всегда лишь только небо Картли,

А Млечный путь —

венец над головой моей.

Блаженство снизошло — спокоен я отныне,
Что вечно будет здесь высокий свод сиять.

Картлийскому жилью

в божественной долине

Прощание мое дарует благодать.

Хоть жизни каждый час становится короче,
Значительности нет в моей судьбе земной.

Приуготовлен я к приходу вечной ночи, —

Молчанье, тишина во мне

и надо мной.

Я у корней сижу спокойный и счастливый,
И вечности длинней

вот этот краткий миг,

Когда я слышу шум листвы неторопливый —

Природы и судьбы

таинственный язык.

Наверно, я уйду до вашего расцвета,

Быть может, не дождусь порыва ветерка.

Вы остаетесь здесь.

Я тоже буду где-то

Ваш шепот ощущать у самого виска.

Желаю мира вам!

И я желаю, чтобы

Мои собратья вслед за мной пришли сюда.

Здесь, среди этих лип, нет зависти и злобы,

И невозможна здесь измена и вражда.

Прощайте, липы!

Вновь встречайте, как встречали,

Весну, и птиц прилет,

и осень, и дожди.

И с высоты своей оглядывайте дали,

Баюкая ветра и зори на груди.

Уйду,

но все равно всегда я буду помнить

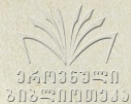
Прощальный разговор вот здесь, наедине.

И неумолчный шум

мне душу будет полнить,

Средь вечной тишины лаская сердце мне.

ПОЧЕМУ?..

Весна! Как странно

слышать эту весть!

Земля, восстав из мертвых, оживает.

Казалось — ничему уже не цвести,

Но жизнь сама

всю силу набирает!

А почему — допытываться зря,

По звездному гадая небосводу.

И повергает грусть богатыря,

Когда постичь желает он природу.

И почему тропы привычный склон

Тур не прошел и на камнях разбился?

И почему был молнией сражен

Столетний дуб

и в пропасть повалился?

У книги судеб — множество страниц,

Пытливость человеческого взгляда

Беспомощна.

И за полетом птиц

Следи и все, —

разгадывать не надо

Ни шум листвы, ни грохот камнепада.

Единственная, говорю тебе,

Что наугад мы выбрались из мрака.

Ни о твоей, ни о своей судьбе

Я на листве не разгадал ни знака.

Вопросов зряшных мне не задавай,

Не понуждай к пустяшному ответу.

Когда в полях неистовствует май,

Ромашки просто кланяются ветру.

И шепчет лес, и говорит река,

Но не открою я словам и строчкам

Того, что слышал.

Будет смерть легка,

И в книгу бытия

войду листочком...

Для тебя не имела значенья
 ни пища, ни крыша.
 Был ты беден,
 но ложь презирал,
 не терпел полумер.
 Были только стихи,
 и Монмартр,
 и пространство Парижа
 И парящие своды
 великого храма химер.
 Что открылось тебе—
 и Виктору Гюго недоступно.
 Ты легко постигал
 откровенья земли и небес.
 И в твоих озареньях
 все виделось ясно и крупно,
 И в язык воплотилось
 божественной книги «Сажес»*.
 И подобно тебе,
 я любил небеса голубые,
 Нежный девичий смех...
 Но меняется ход бытия.
 Под порывами ветра
 ломаются стебли прямые.
 И слезами, и кровью
 заполнилась чаша моя.
 Долги ночи мои.
 Рассыпается жизнь на мгновенья.
 Озираю окрестности.
 Горько становится мне.
 Ты терпел бытие,
 никогда не просил снисхожденья,
 А о бедах своих
 ты рассказывал только луне.
 И хотел, чтобы Сена
 своей всесмывающей влагой,
 Унесла бы твой гений,
 размыла бы страждущий дух.

* «Мудрость» — книга Верлена.

Тина ДОНЖАШВИЛИ

ГОНДЖАУРА*Р о м а н*

АЛЕКСИ ненавидел совещания, устраиваемые Гулвардишвили.

Бесстыдное подхалимство, угодничество, очковтирательство, с одной стороны, и стремление руководства сумбурным славословием прикрыть истинное положение в районе, с другой, исключали возможность серьезного разговора или принципиального спора. Поэтому люди, болеющие за дело, под различными предлогами, как и Алекси, избегали эти никчемные совещания.

Но на этот раз Алекси специально был вызван в Дариани.

«Интересно, для чего я Гулварди понадобился? Обозлен, что просчитался? Удивительно, что у него хватило ума молча переварить свой просчет. Это-то он понял, что взамен пустобрехства люди на Кежере заложили реальную основу «его успеха». Теперь ему бы поделить остальную площадь Кежеры между другими колхозами — только так будет достигнута цель. И хлеба будет много, и славу себе приумножит, пусть давится своей

* Продолжение.

славой», — посмеивался в душе Алекси, идя на совещание.

Но в тот день Гулвардишвили собирался лишь моходом упомянуть Кежеру. О Кежере он заговорит в полный голос, когда будет рапортовать начальству о ходе выполнения плана. И пусть те своенравные председатели не надеются, что Кежерой откупились от последующего увеличения плана поставки хлеба!..

Алекси терпеливо слушал многословную, нудную речь Гулвардишвили. Тот, должно быть, заканчивал свое выступление и теперь говорил с особым пафосом:

— Мы должны достойно выполнить историческую задачу, поставленную перед нами партией Ленина-Сталина, мы должны как можно скорее обеспечить Грузию собственным хлебом, чтобы быстрее привести нашу могучую Родину к преддверию коммунизма под водительством нашего великого и мудрого вождя, любимого отца и учителя, вождя мирового пролетариата товарища Сталина!

Аплодисменты показались ему недостаточно звучными и дружными. Уже этим раздраженный, он отпил глоток боржомом и, нахмутив лоб, продолжал строго:

— Но, товарищи! Эта великая историческая задача еще не всеми понята и усвоена. Кое-кому мнится, что это они открыли Кежеру. Кежера веками была на своем месте и ни в каком «открытии» не нуждалась. Мы держали ее в резерве, ибо расходовать технику, горючее, затрачивать труд колхозников на поспешное освоение целины, тогда как поблизости имеются культурно обработанные земли, которые можно неотложно использовать, считали и считаем бесхозяйственностью. Да, мы разрешили разработать часть Кежеры, чтобы некоторые товарищи не жаловались, что им не дают возможности развернуть личную инициативу, что им кто-то препятствует, но—извините! Кежера сама по себе, а те гектары, что находятся у нас здесь, под боком, все еще не используются по назначению. В некоторых товарищах все еще крепко сидит собственнический дух: я — это я, и земля моя, что пожелаю, то и взращу на ней. Но — извините! Наша партия никому не дает права своевольничать! Под пшеницу будет использована и

та площадь, которая сейчас занята другими видами культур. Везде будет посеян хлеб!..

— Не будет! — голос Алекси Рчеулишвили словоно встряхнул горестно притихший зал.

— Вот, слышите? Это голос как раз одного из тех, кто пытается мешать нам в выполнении задания нашей родной партии!

Взволнованные таким святотатством подхалимы и подпевалы секретаря потянулись за боржомской водой. А Гулвардишвили, оглядев зал и почувствовав, что присутствующие не очень-то разделяют его возмущение, с трудом подавил раздражение и заговорил еще энергичнее:

— Да, товарищи, большая организованность и сплоченность наших рядов, большая борьба и самоотверженность понадобятся нам для достижения заветной цели, для достойного выполнения нашей исторической миссии. Здесь, как вы сами убедились, некоторые полагают, что они умнее всех, понимают больше всех и за высокие патриотические дела только они борются. Это печальный результат идейно-политической отсталости, они забывают, что нет таких трудностей, которых боль-

Роман Тины Донжашвили «Гонджаура» начал печататься в «Литературной Грузии» в 1971 г. (№№ 4, 5, 6), но публикация была прервана по не зависящим от редакции обстоятельствам. В настоящее время, когда идет процесс перестройки жизни нашего общества, перестройки мышления, когда гласность становится нормой и мы стремимся трезво, беспристрастно и объективно оценивать явления и факты как современности, так и близкой и далекой истории, появилась возможность вернуться к произведению, представляющему несомненный интерес благодаря остроте проблем и вопросов, затронутых в нем. Явления и события, имевшие место в описываемый период, трагическим образом сказались на всем последующем развитии экономической, общественной и культурной жизни Грузии.

Напоминаем читателям основное содержание опубликованной ранее части романа: когда из села Ирмиси выселяли Александра Рчеулишвили, объявленного кулаком, семья его отправилась в город. Но старший сын, Алекси, рождение которого стоило жизни его матери, первой жены отца, отка-

01095740
01095740

шевики не смогли бы преодолеть на своем победоносном пути! А вот председатель ирмисского колхоза товарищ Рчеулишвили уверен, что он один побеждает все трудности, что он один воевал и выиграл войну, а другие сидели сложа руки. Но это еще вопрос, где и как кто воевал...

Алекси было очень трудно сдержаться, но он все же справился с собой. Зал глухо зашумел. Важа Кверенджадзе вскочил с места, но вынужден был подчиниться предупреждающему взгляду Нико Хелашвили и, залпом осушив стакан воды, сел на свое место.

— Товарищи, — улыбнулся залу Гулвардишвили. — Я понимаю ваше благородное возмущение: я коснулся святая святых, задел бывшего фронтовика. Понимаю, и более того — приветствую! Вы прекрасно знаете, сколько и как мы помогали и помогаем нашим славным сынам, вернувшимся с фронта, как внимательно мы к ним относимся, как стараемся выдвигать их. Возьмите хотя бы Важа Кверенджадзе. Мы ведь шли на риск, выдвигая этого совсем молодого человека на пост председателя колхоза. Но мы на это пошли, и риск оп-

зался покинуть родные места. Отец, опустошенный и убитый, в сердцах махнул рукой и по-крестьянски грубо сказал: «Ну и черт с тобой, оставайся! У-у, гонджаура!». Неизвестно, кто услышал оброненное отцом слово «гонджаура» (то есть «уродец»), но оно сразу пристало к мальчику и стало его прозвищем.

Мальчик поселился у деда Сандра, сторожа виноградников, к которому с детства был привязан. Учебу он бросил и стал работать в виноградниках. Дед Сандра понимал, что несправедливость не точит ржавчиной душу Алекси, что труд не только оберегает его от бед и обид, но и дарует радость.

Об этом и заговорил дед Сандра на колхозном собрании и затем с неожиданной резкостью обрушился на членов правления и на председателя колхоза за то, что Алекси, который год работает в колхозных виноградниках без оплаты, и до сих пор даже не зачислен в колхоз. Тут же, на собрании, постановили принять Алекси в колхоз, а вскоре он был назначен бригадиром виноградарей.

Между тем благодатная Алазанская долина богатела.

равдал себя. Воспитанная на марксистских идеях наша молодежь всегда и во всем оправдывает доверие партии и надежды, возлагаемые на нее. Но большевистская принципиальность обязывает нас быть искренними при всех обстоятельствах, как бы это ни было трудно и горько. И если мы, к превеликому сожалению, позволяем себе усомниться в деятельности некоторых товарищей, то для этого у нас имеется основание...

В зале наступила гробовая тишина. Летучая мышь ударилась снаружи об оконное стекло, и кто-то нервно, громко выругался.

Алекси сидел внешне спокойно, только губы у него были сжаты так плотно, будто сдерживали подступивший к горлу крик.

После небольшой паузы Гулвардишвили продолжал:

— Да, товарищи, несмотря на то, что председатель ирмисского колхоза постоянно противодействовал всем мероприятиям, проводимым в районе Комитетом партии, шел наперекор мнению районного руководства при об-

приалазанские села все смелее расцветивали ее узором садов, нив и виноградников. Лоза — основная сельскохозяйственная культура Кахети, с незапамятных времен неразрывно связанная не только с бытом, этнографией, экономикой, культурой Грузии, а и с психологией и характером грузина, цвела и обильно плодоносила на просторах алазанских полей...

Но однажды, в разгар рабочего дня, было срочно созвано собрание колхозников. На трибуну, почтительно сопровождаемый первым секретарем Дарианского райкома партии Прокофием Гулвардишвили, поднялся не знакомый колхозникам человек. Он долго говорил об отсутствии бдительности, влекущей за собой страшные беды, и, распалившись до крайности, заявил: вы, ирмисцы, оказались слепыми, не сумели разглядеть, что ваш председатель Дито Хирсели — враг народа.

Люди молчали, оглушенные и прибитые страхом: они уже знали, как бесследно исчезали и такие, за которыми ничего худого не водилось. Дито Хирсели тоже исчез.

Председателем решено было избрать Гонджауру. Его все любили, он заслужил уважение своих односельчан и, несмотря на молодость, пользовался у них авторитетом.

ЭРМ 155940
ИРМ 101930

суждении любого вопроса, мы все же ценили его за энергию и достаточно хорошую работу, и поэтому мы не выносили на широкое общественное обсуждение его недисциплинированность, своенравность, принявшие в конце концов явный характер целеустремленной оппозиции. С еще большим уважением отнеслись мы к нему, когда он вернулся с фронта. Мы были уверены, что служба в рядах нашей родной победоносной Советской армии излечила его от многих отрицательных качеств, приучила к дисциплине, и поэтому без всяких колебаний вернули его на довоенный пост...

— Мы потребовали своего председателя! — крикнули из зала.

— Правильно! — охотно подтвердил Гулвардишвили. — Мы посчитались с желанием ирмисцев и, раз к слову пришлось, доложу вам, что мы посчитались и с ходатайством нашего уважаемого товарища Рамаза Мелитаури, бывшего во время войны председателем колхоза.

Его гнусный намек привел в негодование присутствующих в зале, но каждый сразу же понял, что малейшее проявление возмущения придаст значение сказан-

Как и следовало ожидать, Гонджаура вскоре восстановил против себя благоденствующих в колхозе бездельников и их покровителей. Они принялись плести вокруг него интриги. На районном совещании тружеников сельского хозяйства, воспользовавшись присутствием представителя центра Немсадзе, они во главе с Гулвардишвили повели речь о председателе Ирмисского колхоза, не оправдавшего оказанного ему доверия.

Немсадзе, до того слышавший о Рчеулишвили только хорошее, решил на завтра отправиться в Ирмиси и разобраться на месте. Однако на завтра было 22 июня 1941 года...

Алекси, простившись с женой Хатулой и сыном Сандра, ушел на фронт. Старшина Рчеулишвили не раз был ранен, но возвращался в строй. Вместе с капитаном (впоследствии — майором) Олегом Нечаевым он дошел до самого Берлина, где Нечаев умер от ранения на руках у друга.

...В одном из боев отдельный пехотный батальон, которым командовал Нечаев, очутился на краю болотной трясины. Единственная обходная тропка обстреливалась с замаскированной снайперской точки. Ее необходимо было ликвидировать. Но

ному секретарем и доставит ему удовольствие. Все сидели с невозмутимым видом и слушали человека, стоявшего на трибуне, который не понимал, что всему, что он скажет дальше — уже грош цена...

«Слава богу, Мелитаури в Тбилиси, а то мог сейчас выкинуть какой-нибудь фокус!» — подумал оратор и, подняв в воздух мелко исписанный лист бумаги, с наигранной мягкой укоризной продолжал:

— Однако Рчеулишвили, оказывается, и там проявил свою недисциплинированность, а в армии, на фронте кто бы это терпел, как терпели здесь мы?..

Ни один из присутствующих, в том числе и сам Гулвардишвили, не смог бы поручиться за то, что Алекс слышал его слова. Он сидел не шелохнувшись и с виду спокойно следил за бумагой, которой оратор помахивал в воздухе.

— После одного боевого эпизода, — продолжал оратор, — командиры представили Рчеулишвили к высокой боевой награде. Но увы! Оказывается, его возмутительная недисциплинированность, которая командирам его части показала храбростью, вынудила майора контрразведки Медведева опротестовать это пред-

как? Для этого нужно было сделать шаг вперед — в болото, которое мгновенно поглотит тебя.

Алекс лежал, как и все, вжавшись в землю, и в бессильной ярости смотрел туда, откуда стрелял снайпер. И вдруг ему привиделось: впереди, за этой точкой, высоко в небе возникли Хатула с Сандриком на руках — как Богоматерь с младенцем... Не размышляя, не отдавая себе отчета, он вскочил, поднял над головой связку гранат и шагнул в трясину. В тот же миг раздался глухой грохот, Нечаев зажмурился, чтобы не видеть, как сомкнется над старшиной зеленая топь. Но — и весь батальон принял это за чудо, — Алекс уцелел, неожиданно ступив на невидимую то ли кочку, то ли корягу, а снайперская точка смолкла.

Кончилась война. Алекс вернулся домой. Ирмисцы встретили его, как встречали каждого солдата, вернувшегося с победой. Но этот солдат был их Гонджаура, их председатель. И они обратились к Рамазу Мелитаури, «замещавшему» Алекса все эти годы. Очень вежливо сказали они ему, что раз уж их председатель вернулся, то и он, Мелитаури, может вернуться к любимому делу — овцеводству...

ставление к награде и благодаря его своевременному вмешательству командование было избавлено от ошибок и неловкости...

«Олег, ты слышишь, Олег? Ты видишь, что тут происходит?» — крикнул в душе своему другу неподвижно сидевший Алекси.

Зал молчал. Молчание было такое, что даже сам оратор, лишенный чувства меры, понял, что хватил через край, и торопливо продолжал:

— Но, товарищи, в порядок дня сегодняшнего нашего совещания не входит выяснение путей-дорог Рчеулишвили. Я сделал это отступление лишь для того, чтобы вы знали, как в действительности выглядят иные товарищи, постоянно попрекающие нас своими «заслугами»...

— Бред все это! — отчеканил вдруг Алекси.

— Товарищ Рчеулишвили, где вы находитесь? — встав из-за стола и строго сдвинув брови, спросил председательствующий Чимиашвили.

— Пусть говорит Алекси! — крикнула Наталиа Додашвили.

Горец Мелитаури спустился сюда, в долину, поддавшись настойчивым уговорам Гулвардишвили потому лишь, что в Ирмиси жила некогда обманутая им девушка Хатула. Однако сразу же по приезде он ощутил непреодолимую скалу, разделяющую его с нынешней Хатулой — агрономом, женой фронтовика. К приходу ирмисцев у него на руках был приказ о назначении его в Дарианский район, но ему противно было работать с Гулварди¹ и его приспешниками. И он вернулся в родные горы.

В Ирмиси назревает конфликт: Гулвардишвили, почуяв, что новый лозунг — «обеспечить Грузию собственным хлебом» — сулит ему новую награду, вознамерился корчевать виноградники, вырубить остатки леса и всюду сеять хлеб. Это вызвало всеобщее возмущение, но Гулвардишвили был непреклонен. Алекси видит, что он не в состоянии противо-

¹ Игра слов: «гулварди» — роза сердца, так ирмисцы иронически величали нелюбимого Гулвардишвили.

— Пусть Алекси говорит! — подхватили с разных сторон.

— Дайте ему слово! — требовал зал.

— Пожалуйста, — с готовностью кивнул головой Гулвардишвили и обратился к Алекси: — Пожалуйста, товарищ Алекси, мы послушаем, если у тебя есть что сказать!

Алекси встал, обернулся лицом к заполненным рядам и заговорил. Мало кто прежде видел его таким, каким он был сейчас. Блеск глаз, резко очерченные черты лица, казавшегося высеченным из камня, голос — все выдавало сжигающий его, но сдерживаемый гнев. И смотревшие на него люди замерли на своих местах, боясь малейшим шорохом или движением помешать ему.

— Я такой, каким уродился, какой есть, — сказал он, — наш секретарь правильно заметил, здесь не место и не время обсуждать мои «пути-дороги», мои поступки. Скажу лишь о том, из-за чего нас сегодня собрали. Люди, разве найдется безумец, который не радовался бы обилию хлеба на земле? Я таких не знаю, не встречал. Только я хочу напомнить тем, кто забыл или не хочет знать, — сколько душевных и физических сил вложили наши предки в освоение культуры лозы с самых древнейших времен, какую наблюдательность, тер-

стоять этому катастрофическому для хозяйства Кахети и всей республики мероприятию. Выход подсказывает председатель соседнего колхоза Нико Хелашвили, понимающий, что лозунг, брошенный «очкастым дьяволом», не оспорить отдельным личностям. Он уговаривает Алекси начать освоение Кежеры — всеми забытой целины, примыкающей к Ирмиси. Гулвардишвили, уверенный в том, что они не одолеют Кежеру до осеннего сева, «благословляет» их на это дело, рассчитывая таким образом избавиться от обоих неудобных председателей. Однако озимый сев на Кежере был успешно закончен.

К Алекси приезжает брат Леван, фронтовик, прошедший фашистский концлагерь и по возвращении на родину отвергнутый близкими. Он женится на подруге Хатулы — Лизико и поселяется в Ирмиси.

О том, как в дальнейшем сложатся судьбы героев романа, читатель узнает из публикуемой ныне завершающей части.

пеливость, любовь, какой удивительный талант они проявили при этом. Грузин издревле понимал, какое большое значение имеет лоза для экономики родной страны. Даже самые отдаленные предки наши знали, что грузинские вина — ценнейший предмет торговли с иностранными государствами. Сейчас настала пора, когда нам следовало бы думать и заботиться об омоложении и оздоровлении лозы, об улучшении видов, полученных нами в наследство от прадедов наших. Сейчас нам следовало бы заботиться о внедрении шампанских и коньячных сортов винограда, о расширении виноградников...

— Ты против обеспечения Грузии собственным хлебом? — перебил его секретарь.

— Я уже высказал свое мнение о хлебе — безумен тот, кто не рад обилию хлеба.

— Это ничего не говорящая фраза, я спрашиваю конкретно: ты против обеспечения Грузии собственным хлебом?

— Сколько же хлеба требуется горсточке грузинского народа? Если наш район полностью освоит Кежеру, а соседние с нами районы возьмутся за Ширакскую степь, хлеба у нас будет сверх головы! А разве мало в нашей необъятной стране степей? Миллионы гектаров целинных земель, на которых можно выращивать богатейший урожай лучшей в мире пшеницы!

Секретарь спустился с трибуны и приблизился к краю сцены.

— Рчеулишвили, ты очень любишь вмешиваться в государственные дела, но, к счастью, есть кому направлять и вершить те большие дела, наша же с вами забота — реализация задания, возложенного на нас, на Дарианский район! А Кежеры на это не хватит, хлеб мы будем сеять всюду, понятно?

— Корчевать виноградники в Кахети, чтобы на их месте сеять пшеницу — это дело на радость нашим врагам.

Секретарь приблизился к самому краю сцены, нагнулся и, глядя на Алекси в упор, с расстановкой спросил:

— А тебе известно, кому принадлежит лозунг «Обеспечить Грузию собственным хлебом»?

— Мы взрываем горы и скалы, если они стоят на

нашем пути, а что такое лозунг? Почему его не изменить, если он необдуман и приносит ущерб общему делу?

— Я опять тебя спрашиваю, тебе известно, кому принадлежит этот лозунг? — сдавленно-шипяще спросил секретарь.

— Известно. В газетах пишут. Но сомневаюсь я. Мысль заменить в Кахети виноградники хлебом могла прийти в голову лишь человеку несведущему.

— Что? Что ты сказал? — сорвавшимся голосом крикнул Гулвардишвили, всем телом резко откинувшись назад.

— Мы не сумели донести свой глас до тех, кто может правильно решить этот вопрос, — не сводя глаз с Гулвардишвили, сказал Алекси, — помогите нам встретиться, поговорить с ними, и мы, виноградари, убедим их, что недопустимо корчевать в Кахети лозу...

— Дальше, говори дальше! — произнес Гулвардишвили.

— Вы же знаете, от века было так: все иноземные захватчики, приходя на нашу землю, первым долгом корчевали виноградники и сжигали леса. Так делали и Тэмур-ленг, и шах-Аббас, и...

— Я запрещаю тебе говорить, запрещаю, слышишь? — взвизгнул побледневший Гулвардишвили. — Ты заплатишься за это! Ты дорого заплатишься за подобные речи! Ты ответишь, за все ответишь!

Алекси вдруг ощутил то самое омерзение, которое он испытывал на фронте, погружаясь в засасывающую трясиину непроходимого болота. Ни там, ни здесь не было пути назад. Но там произошло чудо, а здесь?..

— Я все сказал. Пока жив, я никому не дам погубить ни один корень, ни одну лозинку!

— Я запретил тебе говорить! — снова взвизгнул Гулвардишвили.

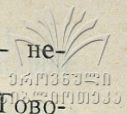
Алекси не собирался ни слова добавлять к сказанному. Обволакивающий болотный мох душил его, жег его тело, и больше ни минуты не мог он этого вынести. Опустив голову, он широким шагом пошел к выходу.

— Правильно говоришь, Алекси!

— Верно ты сказал, друг!

— Честь тебе и хвала, Алекси!

— Мы с тобой, Алекси!

— Знай, Алекси, брат, мы рядом с тобой, — неслись ему вслед возгласы.

— Кто? Кто смеет? Кто нарушает порядок? Говорят вам, садитесь! — кричал Прокофи.

Зал шумел.

Звонил-трезвонил колокольчик в руке председателя собрания Джибо Чимиашвили.

На дворе была тьма-тьмушая. Порывистый ветер набросился на него. Схлестывались оборванные ветром провода. Было морозно.

Алекси ногой нащупал каменную ступеньку и начал медленно спускаться. По вискам били молоты. В ушах стучала старая мельница: там-тут, там-тут, там-тут... В мозгу отдавало: там-трясина, тут-зал, там-чудо, тут-мой народ... Титико, будь другом, уйми ты свою мельницу, ушам больно...

За его спиной на лестничную площадку упала узенькая полоска света, прочертила, прорезала тьму и исчезла. Кто-то выскользнул из зала. Кто-то догнал его, сзади обнял за плечи.

— Хатула! — обрадовался Алекси. Он спрятал ее руки под свою распахнутую куртку.

Они присели на нижнюю ступеньку лестницы.

В темноте кто-то кого-то окликнул. Потом зажегся карманный фонарь. Фонарь погас и снова зажегся, осветив электрический столб на краю площади. По столбу поднимался человек в кошках. Второй стоял внизу, время от времени подсвечивал ему фонариком.

— Скоро свет будет, — сказала Хатула.

— Отчего он погас?

— Ветер сильный.

— А, да... Ты замерзла?

— Нет.

— Дрожишь вся.

— Я трусиха...

На площади и вдоль улицы замигали лампочки. Замигали и погасли.

— Скоро свет будет, — сказала Хатула.

— А писали мне, агроном у нас мужественный.

— Тогда была война, я старалась быть тут такой, каким там был ты.

На площади и вдоль улицы опять замигали лампы. Теперь они мигали дольше, но снова погасли.

— Тогда ты был на войне, а теперь... Страшно мне...

— Теперь тебе нечего бояться.

— Теперь я не «мужественный агроном». Теперь я просто женщина. Простая, обыкновенная женщина. И трусиха.

— Нет, ты не обыкновенная. И тебе нечего бояться.

— Ты должен всегда быть со мной.

— Я всегда с тобой. Мы всегда будем вместе.

Ветер попытался оторвать подол куртки Алекси, не смог и с отчаянным свистом набросился на натянутые провода.

— Ты хорошо говорил.

— Не дрожи, Хато.

— Ты высказал все. Теперь тебе спокойно на душе.

— Да. У меня Сандра, Хато, и спокойно на душе.

— Сандра и я... это чудесно. Но этого мало для тебя...

Площадь осветилась. Осветились и прилегающие к площади улицы. А дальше все еще было темно. В натянутых проводах озлобленно свистел ветер. Со столба, лязгая кошками и отчаянно ругаясь, спустился человек. Второй сложил в деревянный короб разбросанные на земле инструменты и короб на широком ремне перекинул за плечо.

— Это воронье до утра будет жечь свет, — сказал один.

— А что им жалеть, не свои денежки жгут, — проворчал второй.

— Говорят, от совещаний у нашего Гулварди мозги в зад переместились, — рассмеялся первый.

— Заткнись, услышит кто, хлопот не оберешься, — рассердился на него второй.

Они ушли. Вскоре с соседней улицы послышалось лязганье кошек.

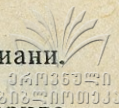
Хатула и Алекси пошли к ирмисской машине.

— Наверное, замерз мотор, — сказал Алекси.

— Нет, я его шалью укутала.

— Ты умница, мужественный агроном и хороший шофер, — улыбнулся ей Алекси.

Хатула вывела машину на дорогу. Они проехали

освещенные улицы. Потом темные. Кончилось Дариани. Выехали на шоссе.

— Я и Сандра — мало для тебя, — проговорила Хатула. — Ты без лозы не можешь.

— Пока у меня ты и Сандра, будет и лоза.

— А когда нас не будет?

— У другого Алекси будет другая Хатула и другой Сандра, и будет у них лоза. Как до нас было.

— Обязательно нужно было сказать то, что ты сказал.

— Они не знают — засохнет наша земля, если вырвать из нее лозу.

Фары ослепили выскочившего на дорогу олененка. Он заметался, но Хатула притушила фары. Олененок умчался в ночь.

— А Сандра мастер кружиться волчком на одной ноге, — сказал Алекси.

— Сандра и Леван извели Лизу. Хотят, чтобы она все время им пела...

Вот и Ирмисхеви. Река сонно бормочет. Причудливо отсвечивая орнаментами, мост ускользнул из-под колес машины.

Спят ирмисцы. Мимо машины пролетают редкие светящиеся точки. Ворчливо полаивают собаки.

Вот и ель, любимая разлапистая ель.

Они вышли из машины.

«Сухой морозец», — подумал Алекси.

«Окоченевшая пришла я впервые к этой ели», — вспомнилось Хатуле.

«А когда Хатула пришла сюда, ночь белела от снега», — вспомнилось Алекси.

«Этот очаг принял меня и отогрел. И мы до утра сидели у пылающего камина», — последовала за своим воспоминанием Хатула.

«Как раз в тот день я притащил большущий чурбан...»

— Алекси, хочешь я открою тебе тайну? — тихо рассмеялась Хатула. — Ты, конечно, не помнишь, в ту ночь, когда я пришла сюда, мы в очаге сожгли целый чурбан. Я взяла от него раскаленный уголек и наговорила на него.

«Я самый счастливый человек в мире», — подумал

Алекси. Острая, как острие кинжала, боль вдруг пронзила левую сторону груди. Он молчал.

— Я сказала тогда: пока буду хранить огонь от этого уголька, буду самой счастливой на свете! — продолжала Хатула.

Невыносимая боль ударила в левую лопатку и перехватила дыхание. Он не мог говорить.

— Посмотри на трубу, — сказала Хатула, — видишь искры? Это от того уголька, что я заговорила...

Рука мужа вдруг расслабла в ее руке. Она приподнялась на носки, заглянула ему в лицо и прошептала:

— Алекси...

«Наверное, так умирает счастливый человек, — промелькнуло у него в голове, — она не знает, как я счастлив... Никогда я ей не говорил... Надо сказать...»

Но говорить он не мог. По движению губ Хатула догадалась, о чем он говорит, и вдруг поняла, почему он молчит, и у нее вырвался крик:

— Алекси!

Может, ее тревожный крик спугнул боль, может, всхлип запутавшегося в еловых ветвях ветра, может, оклик выбежавшего на порог Левана. Внезапно возникшая, боль так же внезапно исчезла, будто нашла в лопатке лазейку и выскользнула. Алекси перевел дыхание.

— А ты, оказывается, вправду трусиха, — сказал он тихо. Вместе со слабостью он ощутил какую-то неловкость — будто смерть обманула его, нарочно наслала боль, чтобы заставить его сказать о своей любви.

— Пропади все пропадом! — со слезами в голосе сказала Хатула. — Ты себя загубишь из-за этих виноградников!

— А ты заметила, Сандра любит лозу больше, чем я... — улыбнулся ей Алекси.

Глава третья

В голубом небосводе повисло яркое солнце и, не грея скованную морозом землю, лишь заливало ее ослепительным блеском.

День прошел, переполненный предпраздничными хлопотами, подготовкой к встрече Нового, 1951 года.

И вечер наступил добрый-добрый. В темно-синем небе загорелись яркие звезды и, лукаво подмигивая, обступили Млечный путь. Деревья расстелили по улицам узорные шали теней.

Как дозорный между старым и новым годом, обходит Алекси Ирмиси. Пусто на улицах. Многолюдно в теплых и светлых домах. Все в них живущие — от малых до старых — каждый по-своему готовится к празднику, даже самых шаловливых мальчишек, которых мамы иногда шлепками загоняют со двора в дом, сейчас никакими посулами не выманить на улицу. И только вырывающиеся из печных труб клубы дыма в прихотливом танце тянутся к небу.

Итак, наступает Новый год, полный надежд, планов, мечтаний. Разве одолеть эту радость злу и напастям? Обязательно найдется управа на всяких самодуров, вздохнет полной грудью весь Дарианский район...

Вот и ель. Светится и окно под крышей — окно Сандрика. Я просила сделать окно высоко, говорит Хатула, чтобы Сандра не разучился ходить через дверь... А дымоход дышит искрами — потомками того огня, что сквозь годы пронесла Хатула. Она и в новый дом внесет тот заговоренный уголек. Сам Новый год благословит их новый дом и елку Сандрика он зажжет в новом доме...

— Хэй, не спишь, дружок? — будто удивляется Алекси, войдя в дом.

— Я давно бы спал, но из-за додашвилевской На-тошки завозился, — как всегда, у Сандра готово оправдание, — смотри, у ее мишки мальчишки лапки оторвали, и она ка-ак заревет на весь Ирмиси! Я обещал ей приделать лапки обратно, да не получается! И мама не смогла...

— Вы оба никудышные хирурги! — смеется Алекси и начинает «лечить» мишку.

Он долго возится с деликатной операцией, зато мишка из «больницы» выходит совершенно здоровым.

Обрадованный Сандра волчком крутится на одной ноге, а потом тянет отца в свою комнату. Присев на корточки, они разбирают сложенные в горку елочные украшения. Сандра волнуется. 31-го декабря в Новый

дом к нему придет весь класс, и Ачико Хелашвили придет к нему из Мухнани. Зажгут елку, а потом все получат подарки. А Сандра волнуется, — вдруг не всем достанется!

— Ты что, считать не умеешь? Сколько вас в классе? Тридцать два человека, да? А здесь трижды тридцать два подарка! — успокаивает отец мальчика. — А интересно, кому достанется эта лисичка с таким длинным пушистым хвостом? Сандрик, а можно эту лисичку я подарю Натоске? Разрешаешь? Вот спасибо...

— Па-ап, а ты не забыл свое обещание?

— Кто же свое обещание забывает? Сказано, будет у тебя комбайн.

— Главное, чтоб настоящий!

— А как же! Некоторые части я уже заказал. Твой комбайн сделать ведь труднее, чем настоящий.

— А-а, проговорился? Значит, мой будет не совсем настоящий?!

— Слушай, ты свалишь меня! Говорю, будет настоящий, но, сам понимаешь, он не будет обычный, серийного производства!

— Так бы и сказал сначала же, теперь понятно! — снова волчком кружится Сандра на одной ноге, и снова Алекси думает, что ни у одного мальчишки на свете это так здорово не получается!

— А ну, хватит вам! — прикрикивает на них Хатула. — Смотрите, уже двенадцатый час. Кому давно спать пора, а кому пора делом заняться, ясно я говорю? Сандра, Алекси, по местам. А ну, живо!

...И никто не предчувствовал, что за этим радостно-суетливым днем и добрым-добрым вечером наступит злая, страшная ночь.

Ровно в одиннадцать оперуполномоченный Дарианского района Рафиэл Брегадзе закрыл дверь кабинета Гулвардишвили, внимательно оглядел приглашенных и сказал секретарю:

— Открывай совещание, только покороче!

Кроме этих двух пока никто не знал и не догадывался, зачем они вызваны, но все видели, что главным лицом совещания является не секретарь райкома, а

Рафиэл Брегадзе, и Прокофи Гулвардишвили с угрозивой готовностью уступал ему главенство.

— Товарищи, мы пригласили вас для того, чтобы оповестить о чрезвычайно важном решении вышестоящих органов. — Будто читая заученное, начал Гулвардишвили, и его голос глухо зазвучал в мертвящей тишине кабинета. — Решено очистить нашу республику от наростов социалистического общества, от тех, кто мешает нам в деле построения коммунизма, от всяких противников партии Ленина-Сталина, от подозрительных и сомнительных лиц, от лиц, побывавших в фашистском плену, и от лиц, имеющих родственные и всякие прочие связи с заграницей, и вообще от всякой нечисти. Это чрезвычайное мероприятие проводится и в нашем районе. Для выполнения этой высокой миссии мы и пригласили сюда вас — самых сознательных, самых идейных и преданных делу Ленина-Сталина, на деле испытанных товарищей. Слово для информации имеет товарищ Рафиэл.

Брегадзе начал без всяких предисловий:

— Необходимо быстрое и четкое проведение указанного мероприятия по нашему району. Мы с товарищем Прокофи составили отдельные оперативные группы. Каждой группе для технической помощи приданы по два солдата, а также по одной грузовой машине, ибо лица, указанные в списках, которые мы вам вручим, покинут село вместе с семьями, для каковой цели им предоставлена возможность взять с собой необходимые им вещи. Операция должна проводиться с соблюдением тишины и спокойствия и без общения с остальным населением, дабы не нарушить сон и покой трудящихся. Операция должна быть закончена за два часа, понятно? Ровно в 2 часа 00 минут все машины должны быть у Дарианского перекрестка, оттуда мы всей колонной двинемся к станции Гурджаани. Вопросы есть?

— Куда они едут? — тихо спросил кто-то.

— Это нас не касается! — отрезал Брегадзе. — Других вопросов нет? Значит, все понятно, и приступим к делу. Сейчас вы узнаете, какая группа куда поедет, и получите соответствующие списки.

«Что это? Зачем я здесь?» — Бешенно колотилось сердце у Важа Кверенджадзе. Происходящее казалось ему кошмаром, и он никак не мог поверить, что это

происходит в действительности и что сам он тоже является участником этого кошмара. Казалось, во сне он слышал слова Гулвардишвили:

— Важа, дорогой, ты едешь в Мухиани, с тобой едет Васили Гаракидзе. Там всего-то три села, вы быстро справитесь с заданием. В группе ответственное лицо — ты! Можешь ехать, желаю тебе успеха! — Исучив ошеломленному Важа исписанный листок, он заговорил с кем-то другим.

«Ехать в Мухиани? К Нико Хелашвили? Нет, нет! Бросить им в лицо этот список?! Нет! — Важа кинулся было за Гулвардишвили, но в последний миг успел одернуть себя и словно прирос к месту. — Надо ехать. Ехать обязательно. Один Гаракидзе такое может там натворить. Может спровоцировать людей. А там будут солдаты... Я должен ехать. Нико поймет. Должен понять...»

Опять, как во сне, донесся до него голос Гулвардишвили. Он строго выговаривал Сардиону Магалашвили:

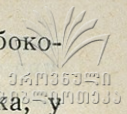
— Чего мешкаешь? Бери своего напарника и ступай!

— Напарника! — пробурчал Сардион. — Погляди-ка на него, еле он на ногах стоит, еще и с ним мне возиться?

— А что с ним? — Гулвардишвили подозвал к себе преподавателя дарианской школы, молодого историка Вахтанга Мумладзе, который не в силах был унять дрожь всего тела. — Ты что, болен?

— Да! Малярия треплет... — как будто обрадовался чему-то Мумладзе.

— Вот займешься делом, и твоя малярия без хинина обойдется! — сострил секретарь. — Вы едете в Таплаура и Кириани, товарищ Сардион там хорошо ориентируется, мигом провернете операцию, и после этого поедешь прямо домой, о результатах Магалашвили доложит!.. — Помахав рукой Вахтангу Мумладзе, он, ища сочувствия, направился к Рафиэлу поплакаться: — Голова кругом идет, сил никаких нет! Видали учителя? Начинять учеников ненужными высокими материями он горазд, а как в реальном деле проявить себя, так у него, видите ли, малярия!

— Да-а, жизнь нелегко познается... — глубоко-мысленно произнес Рафизел Брегадзе.

А Важа проводил взглядом молодого историка, у которого даже спина дрожала, и оглядел почти опустевший кабинет. «Ушли выполнять «высокую миссию». Разве Рафо и Прокоше не хватило бы на эту «операцию» своих приспешников?! Они умышленно втянули в это страшное дело честных людей, чтоб и их с собой, в одну петлю... Думают, народ и их возненавидит. Прощитались. Многим «доверенным», я знаю, так же мучительно выполнять это задание, как и Вахтангу Мумладзе, но решили идти, чтобы оградить народ от возможного самочинства и разгула. И народ поймет — что к чему. А может... Может, мы идем потому, что не осмелились отказаться?! Не посмели?...»

— Вот хорошо, что ты еще здесь! — хлопнул его по плечу Гулвардишвили. — Я забыл тебе сказать, что оттуда ты сразу же должен вернуться сюда и доложить о выполнении задания. Иди, Гараканидзе, наверное, заждался тебя, иди же!

— Иду, — неимоверным усилием воли подавляя в себе крик, тихо выдохнул Важа и, неуклюже волоча раненую ногу, пошел к выходу.

— Ну-с, товарищ Джибо, пора и нам ехать! — стукнув кулаком по столу, встал Брегадзе. — А ты, Илларион, пойдешь домой или будешь здесь дожидаться?

— Здесь, конечно!
— Ладно! Покончим с этой суматохой и увидимся. Пока!

* * *

Время перевалило за полночь. Сандра спит. В камине потрескивают дрова. На столе разложены гранки, присланные из тбилисской типографии Академии наук. Прочитанная и выправленная статья «Отбор коньячных сортов лоз и уход за ними» срочно должна быть отослана в типографию. От налитого в чашки крепкого чая поднимается пар.

— Сдается мне, наш коньяк скоро займет одно из первых мест в мире, — говорит Алекси и встает, в легкой гимнастике разминает затекшие плечи и поясницу.

— Добиться бы орошения, вот тогда... — задумчиво сказала Хатула.

— Наш дуралей день и ночь об этом печется! — усмехнулся Алекси.

— В наших мечтах пакостникам нет хода! — запротестовала Хатула. — Маленький Серега его тоже окрестил бы «черной саламандрой», не правда ли?

— Наверное... — проговорил Алекси, вдруг ясно увидев утопающий в яблонях домик с петушком на крыше.

— Ой! — вскакивает Хатула. — Гости к нам! Алекси, слышишь, машина остановилась. Ну да, к нам!

Алекси застегнул ворот, затянул пояс и распахнул дверь. Он не успел произнести слов приглашения, в комнату ввалились Рафиэл Брегадзе, Джибо Чимнашвили и солдат с ружьем. Второго солдата они оставили за дверью.

Алекси отступил в комнату.

— Что случилось? — вдруг осипшим голосом спросила побледневшая как полотно Хатула.

— Ознакомьтесь с этим предписанием, — сказал Брегадзе и протянул отпечатанный на машинке лист с приложенным к нему каким-то списком.

Хатула подошла к мужу и вместе с ним прочла «предписание». Смысл прочитанного дошел до нее только тогда, когда она всем своим существом почувствовала, как напряжилось тело Алекси, как взметнулось сердце в его груди, как он старается справиться с охватившим его гневом; увидев его лицо таким, каким оно было на недавнем совещании в Дариани, она положила свою прохладную ладонь на его руку, на которой вздувшиеся жилы, казалось, вот-вот прорвутся.

Джибо выложил на стол круглые карманные часы.

— Тридцать минут в вашем распоряжении. Можете собрать и взять с собой нужные вам вещи, во дворе стоит машина, — тоном благодетеля сказал он.

Брегадзе запихивал в портфель собранные со стола гранки.

— Не теряйте времени, собирайтесь, — сказал Брегадзе, уже копаясь в книгах на полке.

Неподвижно застывшие Алекси и Хатула устались на часы, которые Джибо положил на стол. Обоим

казалось, что стол прогнулся под их тяжестью и секундную стрелку лихорадит.

«Куда могла заложить Лиза теплые носки Сандра?» — подумала вдруг Хатула и уже не смогла отделаться от этой мысли. Она медленно отошла от Алекси и опустилась на тахту.

Алекси, оторвав взгляд от стрелок часов, подошел к ней.

— Приготовимся, Хато, — тихо сказал он, склонив перед ней голову, как глубоко провинившийся в чем-то человек.

— А носки Сандра? — побелевшими губами спросила Хатула, и ее широко раскрытые глаза уставились на Брегадзе.

Рафиэл поспешно отвел глаза от Хатулы, помялся и направился к соседней комнатке.

Алекси одним широким шагом опередил его.

— Вы испугаете ребенка, — спокойно сказал он, сам ввел его туда и начал помогать ему ворошить елочные украшения.

Джибо последовал за ними.

— Готовьтесь же, — чуть слышно сказал солдат Хатуле.

— Куда мы едем?

— Везде зима. Берите теплую одежду.

— Одежду? — рассмеялась Хатула.

И таким неуместным был этот смех, так он не соответствовал внезапно запавшим глазам молодой женщины, что солдат опустил голову. Но тут же снова стал навтыяжку — Джибо выглянул из комнаты Сандра. Вытянув шею, он взглянул на часы, затем подошел к столу, положил часы в карман и сказал громко:

— Товарищ Рафиэл, десять минут осталось!

Брегадзе вышел с «трофеем». Из вспоротого брюха Натошкиного мишки на пол сыпались опилки.

— Вот что, гражданин Рчеулишвили, — обратился Брегадзе к вышедшему вслед за ним Алекси, став спиной к камину и широко расставив ноги. — Несмотря на все ваши провинности перед партией и правительством, в отношении вас принято весьма мягкое, гуманное решение в надежде на то, что вы это соответственно оцените и постараетесь дальнейшей работой и поведением искупить свою вину. Вам ввиду особого

исключения предоставляется право оставить семью здесь...

— Нет! — закричала Хатула.

— Молчи! — подойдя близко, приказал Алекси жене, как, бывало, приказывал старшина своим солдатам. — Воспользуемся «гуманностью», ты останешься!

А потом он с ничего не выражающими лицом и голосом с безотчетно оскорбительным спокойствием спросил Брегадзе:

— А все же я могу узнать, в чем меня обвиняют?

И тут уж Джибо не выдержал столь долгое невмешательство в затруднительный для начальства момент.

— Конечно, узнаете! — авторитетно заявил он вместо Брегадзе. — Вышестоящими органами решено очистить социалистическое общество от всяких помех в деле построения коммунизма, от элементов, враждебных делу великой партии Ленина-Сталина...

— Хватит! — прервал Брегадзе явно неуместную болтовню Джибо и обратился к Алекси: — С этим документом вас познакомят по месту прибытия. Вы еще не собрались?

Ничего не ответив, Алекси поднял сброшенную на пол школьную сумку Сандрика. Полотенце. Мыло. Зубная щетка. Смена белья, носки. Что еще необходимо?.. Кто скажет, что может понадобиться в пути, ни длины, ни конца которого не знаешь...

Алекси закрыл сумку, подошел к бессмысленно и неподвижно сидевшей Хатуле, взял ее за руку и, как ребенка, повел за собой в комнату Сандра. Мальчик, раскинув руки, спокойно спал.

Алекси уже не мог быть старшиной. И с голосом своим он уже не мог совладать.

— Приди в себя, Хато. Все выяснится. Это счастье, что ты остаешься. Береги Сандрика. Пусть он не видит твоих слез. Не ожесточай его сердце. Это моя просьба и мое поручение тебе, слышишь?

Хатулу жгли его глаза, его голос.

— Проснется он, и... что ему сказать? — спросила она, опустив голову.

Алекси, чуть дотрагиваясь, погладил спящего мальчика.

— День подскажет тебе. Он толковый парень, кое-

что и сам поймет. Ты опять заговори уголек, и я скоро вернусь....

И передохнув, шепнул:

— Утром же повидай Нико Хелашвили. Пусть посветует ирмисцам, настоит, чтоб объединились с натадзарцами, тогда председателем оставят Важа. Не плачь, Хатула, Хато моя...

Он мизинцем провел под глазами Хатулы, взял сумку и, не оглядываясь, пошел к выходу.

— А постель? — спросил солдат.

— Где ты, братишка, видел солдата, который в поход постель с собой тащит?! — сказал ему Алекси и, опустив голову, быстро вышел из комнаты.

— Соседей не будите, не нарушайте их покой, пожалуйста, — с вежливым бесстыдством предупредил Брегадзе вышедшую за порог Хатулу.

...Шум машины отдалился, отдалился, отдалился... И потом все стихло и исчезло. Дорога, дома, деревья, небо — все исчезло во мраке. Ничего не осталось. Только мрак и пустота. А потом в черной пустоте, там, где должна была стоять ель, возникло какое-то страшилище — великан с ярко светящимся единственным глазом на огромной косматой голове и с распростертыми лапщами медленно пошел к хижине.

Леденящая струя пронеслась по жилам Хатулы. «Не пуцу! Там Сандра! За этой дверью спит Сандра!» — беззвучно закричала она, выбрасывая вперед руки, вдруг отяжелевшие от железных когтей на пальцах.

Глаз косматого страшилища вспыхнул, сорвался и, вспоров мглу, покатился куда-то. Хатула увидела: там опять стояла ель — огромный, добрый друг, единственный дружка на свадьбе Алекси и Хатулы, бессменный страж колыбели мальчика...

«Вот Сандра, вот он...» — сказала Хатула, войдя в дом, и бездумно уставилась на спящего сына. Постепенно ей стало казаться, что от кровати полились теплые мягкие волны. Они заполнили комнатку Сандрика и весь дом и, нагоняя друг друга, вырвались наружу, заполнили ту черную пустоту, а потом все новые и новые легкие теплые волны, накатываясь на нее, ласково смывали ломоту и боль в плечах, в запястьях, в пальцах и наконец, не дав ей разобраться ни в чем, погрузили ее в себя и тихо укачали...

Хозяин дома, в котором проживал Рамаз Мелитаури, был раз и навсегда предупрежден своим жильцом: кто бы его ни спрашивал, всем отвечать, что Рамаза нет дома и неизвестно, где он. Одинокий спокойный старик Дэмстрэ, исправно исполняющий наказ любившегося ему доброго, отзывчивого и щедрого жильца, в тот вечер стремительно и шумно ворвался к нему в комнату.

— Как ты можешь сегодня весь день сидеть дома взаперти? Сто раз за тобой присылал Гулварди, будь он проклят! Шел бы ты узнать, что за чертовщина там происходит!

— А что может происходить в нашей «столице»? — усмехнулся Мелитаури, отложил книгу в сторону и, приподнявшись с тахты, повнимательнее взгляделся в старика. — А все-таки, что происходит, а?

— Эти бесстыжие, разбойники эти, какие-то группы разослали по селам, людей, говорят, высылать будут, говорят, с семьями... — расплакался старик.

— Стой, стой! — вскрикнул Рамаз, вскочив с тахты. Вспомнил он: три дня тому назад Гулвардишвили, чем-то особенно довольный, вернулся из Тбилиси. И никого не принимал, запершись, сидел с Рафо. А вчера Сардион Магалашвили спяна сболтнул: «Завтра секретарь доверенных лиц будет собирать на секретное совещание, жди приглашения...» Сегодня он поэтому и уединился, не хотел видеть Гулвардишвили, не хотел сидеть на его нудном совещании, а там, оказывается...

— Успокойся, дядя Дэмстрэ, наверное, люди что-то напутали, успокойся, я узнаю, — ласково сказал он старику, мгновенно собрался и выскочил из дому.

Глухая и темная была ночь. На улицах — ни живой души. На центральной площади только окна кабинета секретаря светились. И Рамаз, как обычно, широко распахнув дверь кабинета, неожиданно возник перед Гулвардишвили.

— Где ты шатаешься, сам черт тебя не добудет, когда ты нужен! — как-то весело упрекнул его секретарь.

— Охота завлекла меня в прибрежные леса, не заметил, как стемнело.

— Вот и знай: когда ты тайком от меня отправляешься на охоту, то каждый раз остаешься в проигрыше! Проморгал интересную ситуацию... не совсем для тебя безразличную... — игриво сощурил глаза секретарь.

— Что же я в этот раз проморгал? — помедлив, спросил Рамаз, стараясь успокоить еще не до конца понятное волнение, охватившее его от сказанного стариком Дэмтрэ.

— Рафиэл хотел взять тебя в напарники.

— Быть напарником Рафо считаешь ты «интересной ситуацией»?!

— Что у тебя за привычка издеваться над всеми!

— Ты знаешь — я плохо воспитан. Но... куда он отправился, к праотцам своим, что ли?

— Он вместе с Джибо только что поехал к Рчеулишвили.

— К какому Рчеулишвили? — нахмурился лоб у Рамаза.

— К какому еще, к Гонджаура.

— К Гонджаура?.. — Рамаз потянулся за водой, но, наполнив стакан, забыл выпить воду, тихо проговорил: — Ты все же добился своего, подстроил ему каверзу, не дал ему покоя!..

— Теперь будет покой и ему, и нам!

«Свинья ты, Прокошка!» — хотелось крикнуть Рамазу, но он так же тихо спросил: — Какой такой покой ты добыл?

— Я ничего не добывал, только выполнил решение вышестоящих органов! — вспыхнул вдруг Прокофий. — Незачем было таскаться тебе по лесам, сам все и знал бы!

— Не сердись, пожалуйста, тебе нечего было скрывать от меня, вчера предупредил бы о предстоящей «интересной ситуации», ты бы меня палками отсюда не выгнал.

— Ну, ладно, черт с тобой! Дело в том, что решено нашу республику наконец-то очистить от всякой контры. Тебе известно, что этого «добра» и в нашем районе накопилось немало. Так вот, группы доверенных лиц разъехались на проведение операции! Через каких-то

два часа Дарианский район будет чист, как стеклышко!..

«Свинья ты. Скотина. Подлец. Брегадзе — понят-но, это его работа, но ты? Ты — в этом кабинете? Здесь вершилась эта гнусность? Здесь ты с Рафо составлял списки неугодных тебе честных людей? О господи, дай силы выдержать разговор с ним до конца...»

— А куда их «на покой», куда, а? — спросил он, переводя дыхание.

— Хоть в преисподнюю, мне до этого нет дела!

— А вся эта «нечисть», вся «контра» — одни, только сами... или с семьями? — выдавил Мелитаури из себя вопрос и в ожидании ответа уставился на секретаря. Секунда ожидания показалась ему вечностью. Уши у него словно вспыхнули, сердце заколотилось. Он уже еле сдерживал себя, когда услышал смешок Гулвардишвили.

— Чего ты вокруг да около бродишь? Успокойся. Это и была та самая интересная ситуация! Для тебя, влюбленного кавалера, я постарался. Все уедут с семьями, а Гонджаура... Один он поедет, пусть себе разводит виноградники хоть на всем Ледовитом океане! Скажи спасибо, друг мой шальной, с трудом уговорил Рафиэла, убедил его, что мы тут пропадем без хорошего агронома!..

Рамаз привалился к спинке стула, расстегнул взмокший ворот гимнастерки и опустил веки. «Повесить тебя надо, свинья-Прокошка, но и веревки жаль для тебя!..» — думал он.

— Теперь ты заважничаете! Еще бы! Теперь ты станешь хозяином дома... Да что с тобой, на тебе лица нет. Ну и зажгла тебя эта агрономша, беда мне с тобой! — опять услышал Рамаз игривый смешок Гулвардишвили и, захлебываясь отвращением к нему, шумно отодвинул стул, встал.

— Да-а, видали такую любовь? — развел руками секретарь. — От радости на больного ты стал похож!

— Простудился в лесу, поспал на земле. Не производи ты слова «любовь», «радость»! Простудился я!

— Дать тебе глоток коньяку? — заботливо спросил секретарь.

— Не надо, дома выпью, — сказал Рамаз, отступая к дверям.

— Выпей и ложись, потеплее укройся, к утру все пройдет. А я должен сидеть тут, пока доложат об окончании операции, мне не положено ни болеть, ни устать, ни развлекаться охотой, ни влюбляться...

Не в состоянии больше ни минуты оставаться с этим человеком, Рамаз, махнув рукой, быстро вышел на улицу.

Пережитое в кабинете Гулвардишвили нервное напряжение не покидало Рамаза Мелитаури. Старика Дэметрэ не было дома. «Невытерпев же ему стало ждать меня», — с облегчением подумал он и, не зажигая света, прилег на тахту. Но ему казалось, что в комнате кто-то был и твердил ему: «Ты должен поехать в Ирмиси. Этот злой тупица мог обмануть тебя. Ты должен убедиться, что Хатулу и Сандра не отправили в тот страшный, неведомый путь. Должен поехать, иначе ты сойдешь с ума. Что ты медлишь? Ехать надо затемно, а то каждый встречный опознает твоего Тредана. Торопись!»

И столько долбил тот невидимый, что Рамаз наконец сорвался с тахты, накинул на плечи бурку, укутал голову и лицо башлыком и выбежал из комнаты. С лихорадочной поспешностью оседлал своего Тредана, вскочил в седло и, стегнув хлыстом тонконового недоτροгу, вихрем понесся к Ирмиси.

«А если он обманул? Если их забрали, что тогда?..» — мелькала время от времени мысль в голове Рамаза и, обезумевая от этой мысли, он безумием своим заражал и чуткого Тредана, и в бешеном полете всадник и конь сливались в одно. Лицо Рамаза, прикившего к коню, нещадно хлестала развевающаяся по ветру грива, но он не отрывал губ от прижатых к затылку ушей Тредана.

«Скорей, дружок, скорей. Если мы опоздали, если мы уже не застанем их, если их взяли... Что тогда? Тогда нам с тобой один конец. Один конец. Один. Где-нибудь в горах сломаем мы с тобой шею. Где-нибудь далеко-далеко отсюда, чтоб никто дурного не подумал о Хатуле, о маленьком мальчике Сандра. Чтоб тень нашего конца не пала на них. Быстрее же, дружище, быстрее, мой Тредана...»

Перелетев ирмисhevский мост, Рамаз привязал коня к черневшей на пойме иве, а сам побежал к селу. Он бежал крадучись, как вор, прижимаясь к заборам и плетням, руками отмахиваясь от кидавшихся на него в потемках оголтело лающих псов. Ирмиси ли это? Не напутал ли он в спешке? Дома молчат, как гробницы. Нет, не напутал. О-пе-рация проведена быстро, бесшумно. Начальство скажет: «Молодцы! Отлично!» Ирмиси замкнулся в горе. О, вездесущий, почему ты молчишь!..

Различив в темноте разлапистую ель, он добежал до нее, свалился на ее скрюченные корни и устался на хижину.

Тоненькая, как вязальная спица, полоска света, прокравшаяся из-за закрытой ставни, недвижно лежала на земле. Труба еле заметно дышала.

«Там они? Или нет их? Почему свет горит? Забыли погасить? Или не успели?..» — Он долго смотрел на неподвижно светящуюся спицу, потом медленно пошел к окну, но взгляд его преградила ставня. Он приложил ухо к дверям, но, кроме стука собственного сердца, не услышал ничего и глубоко засунул в карман руку, чтобы она не потянулась к дверной ручке. Стиснув зубы, подавляя нервную дрожь, шатаясь, обошел хижину и вдруг в стене пристроенной комнатки, высоко, под самой крышей, заметил слабо освещенное оконце.

Сразу воспрянув духом и взяв себя в руки, он у ограды нащупал аккуратно сложенные кирпичи и большие пни. Он с лихорадочной быстротой подтащил их к стене, соорудил возвышение и взобрался на него. Вытянувшись на носках, он приник к оконному стеклу и при слабом свете, проникавшем из передней комнаты, разглядел детскую кроватку... Чуть передохнув, он снова поднялся на носки и, напрягая мышцы, суставы, связки, словно приподнимая собственное тело, взгляделся в окно и наконец увидел: в кровати спит мальчик, а на полу, на прикроватном коврике лежит женщина... Хатула!..

Измочаленный, с закрытыми глазами сидел он на пне, и мысли его, непривычные к долгим странствиям, понеслись по трудному пути, от которого, как ему думалось, он раз и навсегда избавил себя. Путь этот начинался далеко-далеко от этой хижины, в горном ту-

19195340
С 110033

шетском селе, с порога наглухо заколоченного отчего дома, глубоко запечатленного в памяти маленького Рамаза. И путь этот казался бесконечным потому, что каждого перекрестка снова и снова возвращался к следам «черного ворона» и к этой хижине, к картине, увиденной в комнатке. И он неотступно требовал от маленького мальчика, и от юноши, и от возмужалого, и от теперь уже предельно усталого человека постичь силу, вынудившую женщину — как это было на всем протяжении многовековой истории его родины, — быть всегда готовой лечь костями на защиту своего ребенка...

...И к концу этого мучительного пути в ночь уже вкрался просвет. Сидеть здесь дольше нельзя было. Нельзя!.. И он встал. Теперь уже с трудом оттащив кирпичи и пни к ограде и уложив их так же аккуратно, он, как истый христианин, который, не поворачиваясь спиной, пятась, отходит от алтаря, так отошел от хижины. Дойдя до ели, резко повернулся и, так же крадучись, выбрался из Ирмиси.

Под утро он всучил узду взмыленного Тредана растревоженному его долгим отсутствием старому Дэметрэ. «Меня ни для кого нет дома!» — сказал ему и, запершись в своей комнате, в бурке, башлыке, сапогах, как подкошенный, свалился на тахту.

* * *

Хатула вдруг очнулась от сна, так неожиданно подкосившего ее. Рассвело? Нет еще. Сандрик улыбается. Который час? А, да, часы лихорадит. Чему Сандра улыбается? Когда же рассвет? Пока «соседей не беспокойте». А когда рассвет?

Она оглядела переверорощенную комнату и на полу заметила мишку с вспоротым брюхом. Притащив к камину ящик с опилками, она принялась зашивать мишку и, лишь закрепив последний стежок, подняла голову. «Вот, погляди, а ты говорил, что я никудышный хирург!» — улыбнулась она мужу и встала, открыла ставень.

«О, ты с ума сошла, Хатула, нашла время развлекаться! Кончилась ночь, уже можно «потревожить» соседей. Я только спрошу. Но что спросить? Куда Алекси увезли? Кого спросить? Кто может знать? Сандрик спит. И улыбается. Я успею сбежать к Левану. Я мигом

ну и братишку Важа Кверенджадзе, и по тому, как они кинулись к ней, Хатула поняла, что они поджидали ее. Откуда они знали, что Хатула пройдет здесь?

Алэ что-то взял из рук Хатулы, и в руках Алэ она узнала узел, который лежал у джаварашвилевского крыльца. Она рассмеялась. Такой же узел с подарками она несла на свадьбу Важа и Маки. Алекси тогда чуть-чуть выпил и тихонько напевал «Расцвели маки под солнцем», и глаза его лучились...

— Где Важа? — вдруг спросила Хатула.

— Только что вернулся, мы шли к вам, — сказал Алэ.

— Пошли скорей, наверное, и Алекси вернулся, а я разгуливаю!

— Постой, Хато, не беги, Алекси не будет дома! — плачет Мака.

— Важа ведь вернулся, значит, и Алекси дома, пошли!

— Да не беги ты, нет его дома! Важа его проводил...

— Кого проводил? Куда?

— Он мухианцев сопровождал до станции, а там у эшелона случайно встретился с Алекси. Он не знал про Алекси...

— Ох, Мака, бестолковое что-то говоришь,пусти меня, я спрошу Важа!

— Постой, Хатула, постой, говорю, куда ты? Важа сейчас ничего не сможет сказать. Он проводил эшелон и так напился, что какие-то парни привезли его. Они и сказали нам, что эшелон в Навтлуги* отправили... Да не стой ты, как истукан, Хато, скажи что-нибудь!

— Не мешай, дай подумать... А как Важа там очутился? Зачем он на станцию ездил?

— Мухианцев сопровождал, проводил их, а про Алекси он не знал...

— Важа сопровождал мухианцев? Так чего же ты плачешь? Ирмисцев Рафо Брегадзе и Джибо Чимиашили «проводили», мухианцев — Важа Кверенджадзе... Тебе гордиться бы, а не реветь...

* Один из вокзалов Тбилиси.

— Ты с ума сошла! — схватила ее за руки Мака.

— Про-во-дил!

Хатула вырвала свои руки из рук Маки, всплеснула ими в воздухе, сорвалась с места и побежала. Словоно взлетела огромная птица, рассекла воздух крыльями и скрылась с глаз.

— Поэтому Важа и напился, — сказал Алэ.

— И ты туда же? Что значит «поэтому»? Проспится Важа и сам пойдет к Хатуле. Она ничего не знает, он все ей объяснит! Что она подумала о Важа? Как она могла? — обливалась слезами Мака.

— А ты бы на ее месте? Заставят так подумать, и подумашь. Учат людей волками стать...

— Не смей так говорить, не смей! Тот, кто может учить, он вправит мозги этим бандитам, да, да, увидишь! Увидишь, что им за это будет, увидишь!

— А пока он узнает?.. Ну, перестань плакать, не могу я, не плачь...

Они стояли, не зная, куда им идти, как быть. И Алэ бессмысленно вертел узел, оставшийся у него в руках.

А Хатула и в самом деле, как птица со странно трепетавшими крыльями, летела домой.

«Как я могла оставить мальчика одного? У наших дверей нет замка. В Ирмиси дома не запираются. А запертые двери ограждают человека? И Важа... Проснется Сандра, что ему сказать? «Не ожесточай его сердце». «Береги Сандра». А я его оставила одного. Вдруг...»

— Сандра! — закричала она с порога и осеклась. У очага сидел Нико Хелашвили.

Ачико помогал Сандрику складывать книги на полки.

В тот день Ирмиси был погружен в безмолвное горе.

В тот день школа была закрыта. Увезли директора Платона Надирашвили, в молодости учившегося в Лейпциге, и его жену Лину — учительницу французского языка и рисования.

В тот день мальчики и девочки, собравшиеся у Сандра, сочинили письмо Сталину о том, что их школа отличная, все дети хорошо учатся, хорошо ведут

себя и во время каникул помогают колхозу, а потому просят его вернуть ирмисских детей, чтобы они могли учиться.

В тот день Нико Хелашвили обошел всех ирмисцев и натадзарцев.

А ночью Сандра снилось, что эшелон увозил красивую зажженную елку, а папа с комбайном искал его. Сандра хотел крикнуть: «Я здесь, па-ап!» Но Платон и Лина уговаривали его: «Не кричи, Натощка и Осико снят!» И он не смел звать отца и всю ночь мучался, вертелся, вскакивал с постели.

Ту ночь Хатула, Нико Хелашвили и Важа Кверенджадзе просидели у очага, сложенного когда-то старым дедом Сандра.

А наутро Важа отправился в Дариани, к Гулвардишвили.

И наутро ирмисцы собрали все, что они наготовили себе к новогоднему празднику, и самые расторопные ребята погнали грузовую машину к Тбилисской грузовой станции Навтлуги, где, как стало известно, стягивали эшелоны со всей республики.

* * *

Важа не был уверен, что предстоящая беседа с Гулвардишвили будет успешной и мирной. Он боялся провалить порученное ему дело. Уже с порога кабинета секретаря начиналось тяжелое испытание, которое требовало проявления глубоко чуждых и противных ему качеств. Готовясь к этому испытанию и волнуясь, он без конца твердил себе, что «экзамен» надо выдержать, чего бы это ему ни стоило.

— Где ты пропадаешь? — хмуро встретил его секретарь.

Важа будто не знал, что люди Брегадзе по горячим следам проверяли выполнение задания «лицами, облеченными доверием», с огорчением хлопнул себя по лбу и, подражая тону и речи, свойственным секретарю, воскликнул:

— Разве Гараканидзе не доложил вам, на каком высоком идейно-политическом уровне мы провернули это мероприятие?

— Гараканидзе-то доложил, но руководителем был

04935340
110330

ты! — смягчился секретарь, — очень уж огорченным казался Важа.

— На станции опутали меня, Прокофи Илларионович, со старыми друзьями встретился, напоили они меня, черти!

— Знаю, знаю, молодой человек.

— Знаете? Откуда?

— Сорока на хвосте принесла.

— Ох, милые дарианские сороки, — смеясь, похвалил их Важа.

— А как же? Я обязан знать, где что происходит.

— Это больше не повторится, даю слово, Прокофи Илларионович!

— Верю, мой Важа, я знаю, ты к алкоголю не тянешься.

— Не тянусь, потому что вам это не нравится!

— То, что не к лицу большевику, мне не может нравиться.

— Я к вам по делу, — будто бы стесняясь, сказал Важа после того, как они достаточно воды натолкли в ступе, и Гулвардишвили вдоволь натешился своим остроумием.

— По делу? Отдых просить будешь?

— Наоборот. Мне привился ваш стиль. Я, подобно вам, не люблю откладывать дела, люблю оперативность, конкретность, высокоидейность. Это ваша школа, ваш стиль!

— Это не мой, вот чей это стиль! — откинутым назад большим пальцем указал Гулвардишвили на огромный портрет очкастого дьявола, в лакированной раме висевший над его головой.

— Вот потому он и ваш! — горячо уверил его Важа и осекся — не переборщил ли? Такое явное, грубое подхалимство могло оскорбить Гулвардишвили. Важа все еще не верил, что подобное «верноподданничество» доставляет истинное наслаждение этому человеку и, несколько поубавив пыл, добавил: — Я мечтаю хоть немножко походить на вас...

Гулвардишвили выпрямился в кресле, провел рукой по лысеющей голове и принял любимую позу — уперся указательным пальцем в висок.

— Я ценю в тебе это свойство — не довольствоваться достигнутыми успехами. Ты не кичишься этим,

как некоторые другие. Ты непрерывно идешь в гору, и мы рады всячески помогать тебе в этом. Говори смело, я слушаю.

Важа сидел, опустив голову. Он, можно сказать, руками притянул необходимый ему момент, и сейчас нужно было собраться с силами, чтобы воспользоваться этим моментом. Ему пришлось призвать на помощь строгий взгляд Нико Хелашвили и осунувшееся лицо Хатулы, дающих ему наказ. Он медленно выпрямился.

— Сейчас, когда мы избавились от Рчеулишвили, который вас так нервировал, я подумал, может, было бы целесообразно объединить Ирмиси и Натадзари...

— Молодец, Важа, молодец! — пришел в восторг Гулвардишвили. — Должен тебе признаться, эта мысль давно мне приходила в голову, но я из-за тебя воздерживался, думал, Гонджаура взъестся на тебя, станет враждовать, вредить тебе!

— Эта причина отпала... Или, может, я поторопился...

— Что ты? Чего канительиться? Это надо сделать немедленно. Пусть ирмисцы и натадзарцы получают новогодний подарок! Назначим объединенное собрание и не будем разводить долгих разговоров.

— Какие могут быть разговоры, если вы меня поддержите?!

— По рукам! Нет таких крепостей, которых большевики не взяли бы!

— Поскольку в вашем лице мне светит счастливая путеводная звезда, я поделюсь с вами еще одной мыслью...

— Говори, говори, Важа, у тебя прекрасные мысли!

— Вы хотели сразу после Нового года приступить к корчеванию некоторых виноградников...

— Да, да, да! Обязательно!

— Я думаю, Прокофи Илларионыч, пока не стоит их трогать.

— Почему? — быстро и настороженно спросил Гулвардишвили.

— Вам хорошо известно, я вовсе не помешан на лозе, как некоторые другие. Я животновод и с превеликой охотой превратил бы все виноградники в пастбища, но лучше повременить. Пусть люди, для того, чтобы отстоять виноградники, налягут на Кежеру.

— Под этим предлогом мы ускорим и рубку леса! Важа с шумом отодвинул свой стул. Вырубить жадные остатки леса? С ума спятил! Чтобы взять себя в руки, Важа снова призвал на помощь взгляд Нико и Хатулы.

— Можно, конечно, но все это потом, дорогой Илларионыч, сначала Кежера!

— Нет, нет, в этом я с тобой не согласен. Почему потом? Я немедленно брошу на лес и на виноградники людей и технику.

— Бросайте, пожалуйста, но что это вам даст? Это ж капля в море. А Кежера сразу, в первый же год дала вам звание Героя труда!

— Не будь Кежера, меня не удостоили бы этого высокого звания?

Важа убедился, что этому человеку нужно подхалимничать, подхалимничать просто, грубо и, преодолев отвращение, он живо подхватил:

— Вы давным-давно достойны этого звания! Всем известно, как высоко вас ценит руководство нашей республики, но прошу вас, выслушайте меня. Только Кежера даст вам возможность в таком же быстром темпе во второй и в третий раз завоевать звание Героя, а вслед за этим ваш бронзовый бюст украсит вот эту площадь, и Дарианский район войдет в историю! Вы, наверное, знаете, что готовится постановление о бронзовых бюстах трижды героев?!

Гулвардишвили об этом не знал и потому промолчал, хотя от радости у него мягко засосало под ложечкой. А Важа азартно продолжал:

— Вы не гонитесь за славой и почестями, но меня, как и всех трудящихся нашего района, эта мечта лишает сна и покоя.

— Спасибо, дорогой, спасибо, — увлажнились глаза Прокофи, — но чего лес-то жалеть? Признайся, ты хочешь отстоять дубняки мухианцев?

— Я? Мне они ни к чему. Меня даже удивило постановление нашего правительства об ответственности за каждый срубленный дуб! — вдохновенно врал Важа.

— Да-а? — несколько испортилось настроение у Гулвардишвили. — Подумаешь, лес! Большое дело. Сегодня вырубешь, завтра вырастет.

— Да, да, конечно, завтра вырастет! К черту лес

и какие-то там виноградники, это все мелочи, жалко тратить на них вашу энергию, ваш талант, это лишняя для вас головоломка и нагрузка!

— Мы рождены и призваны для того, чтобы выносить любую тяжесть для блага нашей Родины — помни это, мой Важа, для этого мы не должны жалеть и собственной жизни!

— Разумеется! Но я хочу отойти от мелочей и мыслить масштабно. Высокими категориями! И в этом аспекте — только Кежера! Нам нужна Кежера, чтобы вы оказались первым, вы прославите свой район, вы первым войдете в историю! Увековечение вашего имени — вот что я ставлю целью и первой нашей задачей!

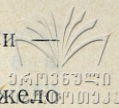
Важа почувствовал, что этой восторженной фразой он исчерпал всю свою выдержку, попрощался с Гулвардишвили и, покинув кабинет, направился прямо в баню.

«Вот, оказывается, на что способен человек, — думал он, бесясь на себя и на весь мир, стоя под душем и с остервенением растирая себя жесткой мочалкой. — «В вашем лице мне светит счастливая путеводная звезда!» «Масштабность!» «Высокие категории!» Вырвать бы язык, который может произнести такое. Сукин ты сын, Важа Кверенджадзе, поздравляю тебя, роль последнего подлеца ты сыграл блестяще. Болван этакий, теперь ты понимаешь, почему в Дариани развелось столько подлецов, лицемеров и всякой дряни? И не тешь себя, дурень, своим актерским талантом. Ты довольно топорно разыгрывал порученную тебе роль, это партнер тебя вывез. Только такой олух, ханжа, тупица, самодур, ослепленный собой, только он мог не разгадать тебя, твоей игры, не дать тебе пинка в зад!.. Эй, люди, если бы вы знали, что я пережил!..»

Банщик удивлялся, что это Важа Кверенджадзе моется, моется, никак душ не освободит...

* * *

Солнце, не скупясь на тепло, щедро осыпает мир золотом. Лучи бороздят прозрачный воздух. Горы набросили на плечи белоснежную вязь. Сверкает земля, усыпанная ледяными чешуйками. Искрятся прозрачные рюшики, свисающие с крыш. Алмазной резьбой бе-

регов поблескивает Ирмисхеви. И небо над Ирмиси не небо, а хрустальный шатер.

— Слушай, брат, ты не знаешь, отчего так тяжело дышать, а? — спрашивает Ило согнувшегося в три погибели Наскида.

Ило, укутанный в овчинный тулуп, в пестрой козынке на сухонькой голове сидит на завалинке.

Согнуло Наскида не множество прожитых лет, а неотвязное угрызение совести. В то утро, когда ему сказали, что ночью из Ирмиси выслали и его внуку Лизу с мужем, он... обрадовался. Да, да, обрадовался! Будто чувствовал, загодя перебрался от Лизы к старшей внучке, а то выслали бы и его, и кто знает, на каком бездорожье рассыпались бы старые кости. Но, оказалось, что и радость может отравить человеку жизнь. Для того ли так долго он жил, чтоб под конец непутевая радость замутила его совесть, как мутится в дождь Ирмисхеви?! Может, стоило признаться другу? Может, успокоит его Ило, скажет: чего зря убиваешься, на твоём месте и я бы обрадовался. Но нет, пусть узнает кто угодно, только не Ило. Эхе-хе, бельмо застлало глаза Ило, а то он сам бы увидел, как замучила Наскида та чертова радость...

— Слышишь, тебя спрашивают, отчего воздух такой тяжёлый, а? — опять спрашивает Ило.

— Лешего и дьявола спрашивай, откуда мне знать? — вздыхает Наскида. — Это тебе от старости кажется...

— Ой, умник! «От старости...»

В тишине слышно, как Ило перебирает горошины янтарных четок.

— Говорят, живет где-то такая зверюга, пуд железа разом переваривает...

— Еще чего выдумает? — сердится Наскида. Он стал очень мнительным, в каждом слове ему намек да насмешка мерещатся.

— Это, должно быть, правда, — продолжает Ило. — И что в этом удивительного? Столько человек переваривает горя, что в сравнении с этим пуды железа — сущий пустяк. И такой тяжёлый дух, кроме человека, никакой скотине не вынести.

— Опять у тебя язык зачесался? Вот отправят тебя к чертям на кулички, там узнаешь дух!

— Что ж? Я и попал бы в число хороших людей.

— К хорошим людям тебя все равно не причислят, а в путь-дорожку можешь собираться. Слухи пошли, что Ило Лапиашвили рвет-мечет из-за Гонджаура.

— Значит, не перевелись люди, что правду говорят.

— Ты сегодня белены объелся?

— Эхма, увидеть бы мне того правильного человека, в лоб бы его поцеловал.

— Вот встряхнут тебя хорошенечко, «скажи, мол, какие такие дела поручал тебе Гонджаура», так не только в лоб, а и в задницу поцелуешь.

— И с большим удовольствием! Сколько мне еще жить? Душа уж на отлете, чего на прощанье грех на нее взваливать?

В его словах Наскида почудился явный намек. С новой силой ощутив угрызение совести и не зная, на ком сорвать злость, он сказал:

— Змею издалека узнаешь, пестрая она, а человек тебе в душу влезет, и все не знаешь, темный ли, пестрый ли он...

— Это ты о ком? — покраснело от досады ссохшееся в кулачок лицо Ило. — Говори, о ком речь ведешь?

— О ком, о ком, — махнул рукой и понурил голову Наскида. — Мы думали — он честнее честного. Его слово для нас и закон, и приговор. А что он в себе таил, откуда нам было знать?

Сказал Наскида и удивился, что-то долго Ило не слышно. Поднял голову и видит: Ило встал и, нахмурившись, впери в него свои бельма.

— Если кто спросит, ты так и скажешь о нем?

— Чего ты взъерепенился? А как же еще? Не отвечать же: «он прав до небес, а вы все вруны и клеветники?!»

Ило, совсем как зрячий, подскочил к Наскида.

— А почему так не отвечать, почему? Страх заарканил твою совесть, да? Горе мне, горе! Восемьдесят лет глядел я на тебя и не разглядел, а ты, оказывается, пестрее всех змей на свете. Чтоб забыть тебе собственное имя свое, забыл, почему его отняли у нас?

— Не к лицу тебе, старец, прыгать, как боб на сквороде! — с пылающим от стыда лицом вскочил и Наскида. — А ты слышал, бумага какая-то пришла, говорят, в ней написано все, в чем он провинился.

16185340
21000000000

— И сотни бумаг тебя не должны были одурачить! Думаешь, дерьмо только в Дариани цветет? Если бы так, то нам не из-за чего было бы печалиться!

— Тише ты! — испуганно огрызнулся Наскида. — Чего взбеленился? По твоему выходит, что виновные правы, а кто суд правит — те виноваты?! Понятия в тебе никакого нет!

— Это вы, зрячие, с понятием, да? Я знаю зрячих, у которых понятия меньше, чем у слепых котят!

— Прикусил бы ты свой язык поганый! Чего ко мне привязался? Лизико мою, вон, взяли, ты хочешь, чтобы я и вторую внучку с детьми принес в жертву «понятию»? Доведешь ты меня до гибели, погонят меня отсюда, не дашь мне лечь в родную землю, потом моим пропитанную...

У Ило сердце защемило от жалости, но в спорах они не привыкли уступать друг другу.

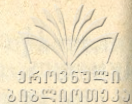
— Молодец, парень, расхныкался, — насмешливо сказал он. — Не Лизу, а тебя бы, нюню, взять!

— Ты излил свою желчь? Теперь меня послушай, — начал наступать на Ило вконец разъяренный Наскида. — А где ты был, такой смелый молодец, когда в 37-м забирали твоих братьев, а? Хуже ж было. Возьмут, и крышка. А теперь чего крамольничать, говорят, скоро их адрес узнаем, и письма и посылки можно будет слать. Главное дело — живы они, а ты хочешь, чтобы я взбунтовался, чтобы я правосудие установил? Вспомнишь, как меня оскорбил, когда у могилы моей будешь стоять, герой такой!

Наскида собрался уйти, но увидел слезу на морщинистой щеке ослепшего друга и жалость сжала ему сердце. Как вчера и позавчера, и позапозавчера, так и сейчас он не мог уйти обиженным от обиженного друга. Обняв Ило за исхудалые плечи, он усадил его на завалинку и сказал:

— Хоть друг друга-то мы пощадим, брат. Что мне делать, бессилен я. Страх, как засуха, выжег во мне гордость и смелость. Без тебя мне и царствия небесного не надо, а с тобой вместе — подождем, доживем до добра. И ждать-то недолго ведь, дойдет об нас весть до великого праведника, и будет нам добро... Знаешь ведь, «добро побеждает зло, существо его бесконечно...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Расстояние, которое эшелон одолевал четырнадцать суток, отделяет человека от семьи, от Ирмиси, от виноградинок, от знакомого узора гор, от белоснежного Алаверди, от Ирмисхеви, и нет лекарства, хоть на миг утолившего бы резкую боль оторванности.

И стыд сжигает его. В ту декабрьскую ночь огнем охвативший стыд сжигает его, и от этого тоже нет лекарства. Что может уменьшить остроту той горечи, если ценность милостыни, данной карающей рукой, растет день ото дня, если каждый пройденный день убеждает его, что пасть на колени перед дающими милость — неизмеримо малая оплата принятой им милостыни...

Да, он принял милостыню — оставил дома семью. Гордость, самолюбие, достоинство надо зажать в тиски и преклонить колени перед Рафиэлом и Джибо, подавшим тебе ту милостыню, ибо жена твоя и сын твой избегли адского путешествия в товарном вагоне, набитом мужчинами, женщинами, детьми, избегли лютой участи отверженных. Каждый новый день и каждая наступающая ночь убеждают его, что правильно поступил он, приняв ту милостыню.

С рассвета до наступления темноты тащит он крест пройденного дня. К ночи ему начинает казаться, что достиг вершины Голгофы, но злая ночь, не дав ни сна, ни отдохновения, сталкивает его с той вершины для того, чтобы с рассветом он снова той же дорогой тащил свой крест.

Извелся, истаял человек. Выступившие из глубины глаза блестят желтоватым светом. В уголках замкнутых губ — горестные складки. Сухая кожа, обтягивающая кости, резко подчеркивает рубец на виске. Лицо, поникшие плечи, старчески сгорбленная спина и весь его облик выражает такую беспредельную муку, что окружающие не решаются плакать и жаловаться на собственное несчастье.

Хотя слезы иссякли, и времени не остается на жалобы и стенания. С того самого часа, когда неведомая сила расколола мирную декабрьскую ночь, согнала с

постели людей и выкинула на дорогу, ведущую в никуда, когда они поняли, что закон людей уже не защищает их — с того самого часа вступила в действие борьба за существование, борьба острая, неравная — и своеобразная. Борьба людей, спаянных общностью судьбы, за жизнь каждого, ибо сохранение жизни каждого являлось единственным залогом сохранения своего собственного существования.

И только один человек, только Алекси Рчеулишвили оставался вне этой борьбы. Он был отчужден от всех и всего. Он оказался непригодным борцом за кусок хлеба, ибо хлеб никогда не был истоком и целью его существования. И сейчас, когда ему, жаждущему — подавали воду, ему, голодному — уделяли хлеб, это не оставляло никакого следа в его сознании.

Выключенные из окружающего мира его сознание, разум, внимание, все его существо замкнулись где-то внутри, глубоко, недосягаемо, и немой протест жег его душу. Жег с той же неизбывной силой, с какой до того жгла любовь к жизни, оставшейся там, откуда эшелон вез его четырнадцать суток...

Временами у него мелькала мысль, что он тяжелым грузом давит на и без того измученных людей, что он должен уйти от них, освободить их от себя. Но довести эту мысль до конца, претворить ее в действие — у него не хватало ни воли, ни сил.

Такой, лишенный воли и сил, потеряв счет дням и ночам, сторбленный, сидел он в углу, когда до его слуха донеслись звуки пандури. Тенго Лапиашвили играл на пандури плясовую, а Леван на какой-то доске ладонями отбивал такт. Люди, сидевшие полукругом, возгласами подбадривали пляшущую девочку с тоненькими косичками.

Алекси подумал, что у него началась галлюцинация. Он попытался отогнать видение, но убедился, что и звуки пандури, и люди, собравшиеся полукругом, и Тенго, и Леван, и пляшущая девочка — все это действительность. И поверив, он медленно поднялся. Оглядев каждого в отдельности, увидел их и понял: они пытались привлечь его внимание, вернуть его к себе. Они звали его... И девочка звала его. Раскинув в стороны исхудалые руки, приплясывая в такт пандури, она приблизилась к нему. Она устало дышала,

на ее худом лице щеки казались пурпурными пятнами. Огромными глазами, похожими на глаза раненого олененка, она о чем-то просила его. Оказалось, что это маленькая Нато из дома Додашвили, та самая баловница Натошка, которая совала ему в карман сдобный хлеб для своего друга...

Будто петля захлестнулась на шее Алекси. Он положил ладони на плечи девочки, заставив ее опустить руки, и, как слепой, шаркая ногами, пошел к двери.

— Куда ты, Алекси? — рассек внезапно наступившую тишину голос из дальнего угла. Спрашивала додашвилевская Наталиа: — Что с тобой делается? Ты отступился от нас?

— Отпусти меня, Наталиа, — глухо сказал Алекси, распахнул дверь и ушел.

Была темная ночь, и был сильный ветер.

Он шел сквозь тьму и сквозь ветер. Он не мог остановиться и шел. Кроме ветра и тьмы ничто не преграждало ему путь, и он, пробиваясь сквозь тьму и ветер, уходил от того барака, от тех людей, от звуков пандури. Он бежал от глаз раненого олененка, просящих его о чем-то...

Дороге не было конца. Не было конца темной ночи, и ветер крепчал. В темноте ночи и в свистопляске ветра дороге не было конца, и он шел. Глаза раненого олененка все просили о чем-то...

Просили?

Нет. Не просили. Упрекали.

Упрекали!

Алекси остановился пораженный. Да, да, упрекали. Он был слепым и не увидел упрека. Но в чем? В чем упрекала его маленькая девочка? А кого должен упрекать он, Алекси?

Алекси? Но ведь Алекси взрослый человек, прошедший сквозь огонь и бури, пусть он сам узнает, кого он должен упрекать. Почему он должен стать заботой маленькой девочки? О, какой упрек в глазах этой девочки! «Что я сделала плохого? Я не знаю, в чем провинился мой отец. Мой дом в Ирмиси, зачем меня привезли сюда? Сандра в Ирмиси, в своем доме, а ты еще хочешь, чтобы я развлекала тебя! Как я могу развлечь тебя? Я не хочу танцевать, я хочу в Ирмиси...»

Да. Упрекали...

15940
8102-111033

Это так неожиданно и так резко ощутил Алекси, как бывало неожиданно и резко ощущал осколок снарядов, вторгшийся в его тело. Почему до сих пор у него ни разу не мелькнула мысль, что он счастливее их всех? Счастливее — потому, что его жена и сын его избегли их участи. Почему ему ни разу не подумалось, что и их, оторванных от родной земли, также терзает боль, что стыд несправедливого наказания жжет и их, что держать в тисках гордость и самолюбие, может быть, им труднее, чем ему? Ни разу ему не подумалось, что его отчужденность и есть отступничество, обычное себялюбие, обыкновенный, ненавистный ему эгоизм...

— Эй, Гонджаура, разве ты перестал быть человеком? И это все твоё достояние? — сказал он громко и, закрыв лицо руками, опустился на землю там же, где внезапное прозрение настигло его. Слезы, не находившие выхода, изливались куда-то внутрь и впитывали в себя тоску, горечь, боль и муки людей, разделивших с ним судьбу. И в хранилище благородных чувств человека отвоевало себе место чувство ненависти.

Ненависть. Для безоружного — это пригодное оружие. Но против кого? Рафиэла—Джибо—Гулвардишвили? Но это ведь воронье, недоношенные убудки зла. Кем же они порождены? Ничего Гонджаура не понимает. Не может понять, чья эта злодейская рука. И сейчас не понимает. И сейчас не знает. Не знает, нет, не знает!

«Не знаю!», — кричал его мозг, и каждая клетка его тела кричала так, что долго, очень долго ничего другого он не слышал...

А когда он поднял голову, страх охватил его. Где он? Откуда взялось море? Откуда шум прибоя? Или разлилась Ирмисхеви? Нет. Шум незнакомый и страшный, ни на что не похожий, никогда до этого им не слыханный. Шум этот, как какой-то тяжелый шелест, возникал где-то вблизи, будто из-под его ног. Чуть дальше к шелесту примешивался глухой отрывистый звон, а еще дальше эти незнакомые звуки приобретали какую-то непонятную силу. Шум напоминал морской прибой, хотя и был совсем иным. Словно разбушевавшиеся волны разбивались о скалы, но волны должны были быть ртутными, чтобы так тяжело накатываться

друг на друга и разливаться такими плотными брызгами, звеня каким-то странным металлом.

В этом незнакомом и тяжелом шуме Алекси вдруг почувствовал такую беспощадную угрозу, что в нем сразу оборвались все нити предыдущих мыслей. В ужасе сорвался он с места и побежал. В густом мраке не просматривалось ничего похожего на дорогу или тропинку. Ноги по щиколотки вязли в шершавой, подвижной почве.

Он остановился, чтобы перевести дыхание и обратиться с мыслями, но вдруг ветер волной ударил его в спину, и волна, разбиваясь на мельчайшие тяжелые брызги, обрушилась ему на голову. В глазах, ушах, на зубах, за воротом, меж лопатками он ощутил песок и удивился: как поздно он понял, что находится в пустыне и что незнакомый шум был шумом песчаного вихря. Какие разные силы возвращали его к действительности — упрек ребенка и разбушевавшаяся пустыня!..

Вокруг тьма, ветер, песок. Три коварнейших спутника. Себялюбие свело его с этими спутниками, и теперь хоть братайся, хоть враждуй с ними.

Шум, похожий на морской прибой, то приближался, то отдалялся. Ветер усиливался. Усиливались мощные удары песчаных волн.

Где-то высоко мгла просветлела, и Алекси взглянул на небо. В узкой прорехе черноты мелькнула окутанная желтой дымкой ущербная луна. Алекси сразу перевел взгляд на пустыню.

Игра ветра с песком рождала дикую пляску светотени. При каждом новом порыве ветер, как пушинку, подхватывал огромные холмы песка, катил их волнами, рассыпая и развеивая в пути. Потом снова налетал, как крыльями со звенящими бубенцами, подметал песок и насыпал новые гряды холмов, а потом, налетев на них, опять рассыпал их, и вновь воздвигал новые гряды, и вновь рассыпал их.

Ветер усиливался с каждым порывом. Свирипела песчаная буря. Все быстрее и быстрее воздвигались и рассыпались холмы, все с большей силой сталкивались они друг с другом. Ветер подхватывал целые барханы и, покрутив их высоко в воздухе, опрокидывал вниз ливнем песка.

Небо сомкнулось и, снова став непроницаемо черным, опустилось ниже. Все потерялось во тьме. Алекс теперь лишь на слух определял приближение угрожающей волны, как когда-то научился определять место падения летящей бомбы. С молниеносной быстротой перебегал он с места на место, но направление разгульного ветра было изменчивым. Иногда он со всех сторон катил волны и так звонко звенел бубенцами, будто торжественным звоном оповещал пустыню о своей победе над человеком...

Сколько времени могло длиться это сражение, которое из-за резкого неравенства сил трудно было назвать сражением. Обороняющийся от вздыбленной пустыни человек явно терпел поражение. Исхлестанное песком, его тело исходило кровью. Силы убывали. А ветер крепчал. Торжественно звенели бубенцы. Вот-вот пустыня перемелет его, изотрет, смешает с песком...

Но нет! Его жизнь не может оборваться вдали от Ирмиси. Смерть знает это. Она не раз отступала, зная, что он не может умереть вдали от Ирмиси. И сейчас он не должен умереть. До Ирмиси четырнадцать суток пути. А еще он должен узнать, с кого спросится за страшную, великую несправедливость. Он тоже должен быть свидетелем обвинения...

Он все чаще и все дольше оставался распластанным на подвижном шершавом песке. И если минутами, приходя в сознание, он пытался встать, то только потому, что не хотел встретить смерть лежа...

Он стоял на ногах, когда ветер, оглушительно звеня бубенцами, подхватил крыльями огромный холм, поднял его в воздух, закрутил и штопором вознес навстречу черной туче, потянувшейся к земле.

И слившись в извивающемся смерче, небо и пустыня двинулись на человека.

— А-а-а!!! — взревел Алекси и упал навзничь...

* * *

Песок, песок, песок... К глухому мощному шуму примешивается звон бесчисленных бубенцов. Песчаное море штормит, волны налетают, хлещут по лицу, рукам, ногам, по всему телу. Волны катятся и, как жернова, перемалывают его, мнут, крошат. Соединившись в смерче, небо и пустыня идут на него, идут, идут...

— А-а-а!.. — кричит Алекси и пытается разорвать тиски, но земля разверзается и он летит в бездонную пропасть.

Чьи-то руки разжимают тиски. Пальцы осторожно касаются его глаз, лица, груди, рук, ног, спины. Алекси чувствует приятную прохладу. Лихорадочное возбуждение постепенно слабеет, и он засыпает глубоким сном.

Потом все начинается сначала. Бушует песчаное море. Эшелоны идут по волнам. Из топок паровозов летят искры. Столб черного дыма взвивается к небу. Из теплушки выбрасывают Сандра и Хатулу, и смерч надвигается на них, вот он, вот...

— А-а-а!!! — кричит Алекси и пытается разорвать тиски, но возбуждение постепенно стихает. Он слабо стонет и сквозь отдалившийся шум пустыни слышит голоса:

— Сколько сил он теряет в этой борьбе, — горестно качает головой Наталиа, глядя на руки очень высокого человека, который занят разбавлением каких-то лекарств.

— Эта есть очень-очень хорошая борьба, мадам, эта означает, што он не отпустить свой жизнь, — весело говорит этот человек, узкоплечий и сухощавый. Меня больному салфетки, смоченные в прозрачной жидкости, он не переставая говорит на ломаном русском языке. Но Наталиа, как и все его знакомые ирмисцы, тоже не бог весть как знающие русский язык, за время болезни Алекси умудрилась достичь с ним полного взаимопонимания.

— Я не знала, что человек может так долго жить без сознания, — горестно говорит Наталиа.

— О, мадам, есть очень-очень многа случай, когда человек зовсем не найдет своя сознания! — Поторопился успокоить ее человек, возившийся возле постели Алекси, и удивился, что от его утешения у Наталии скорбно сомкнулись брови. — Сичас уже не надо тревога, мадам, пульс есть норма, глаза чистая, он уже знает светло и темно, иногда хочет што-нибудь говорить. Он крепкая мужчина и скоро будет на свои ногах!

— Дай бог нам эту радость, — вздохнула Наталиа.

— Ну, бог есть бог, люди, конечна, обязан его уважать, но радость нада свои руками взять! — Он

снял с головы желтую феску, и густой черный хохолок свесился ему на лоб. — Но на его лицо может остаться многа маленький шрам, как если он заболел черная оспа, но я думаю, эта не есть трагична, он раньше тоже не был бог красоты, правда?

— Встать бы ему, посмотреть на тебя, улыбнуться тебе, тогда скажешь, красивый он или нет! — в голосе Наталии проскользнула обида.

— О-о, я уже знаю, ирмисцы люди очень-очень любят его, и я думаю, што они очень прибавит его цена!

— Нет, ты не знаешь! Такого сильного человека у нас второго не найти. Он самый сильный, потому его сильнее всех захватили тоска и горе!

— О-о, мадам, эта есть очень-очень интересная философия! Вы сказал правда. Если на пустыня Кизилкум есть самум и смерч — верблюды эта не может переносить, верблюды многа есть физически сила, но самум и смерч другой сила нада, сильная дух нада!.. — Он внимательно пригляделся к спящему Алекси и радостно воскликнул: — Посмотрите, мадам, он спит почти што как нормальная человек, я могу поздравить вас!

Он галантно поклонился Наталии, потом нагнулся и поцеловал ей руку. Наталия опешила, смутилась, зарделась, как девушка, потом взглянула на Алекси и, обрадованная его спокойным видом, приподнялась на носки, поцеловала высоченного человека куда-то в плечо.

— Сегодня вам ничего больше не нужно? — спросила она, сложив в сумку лишнюю посуду и белье для стирки.

— Ни-чи-го! Я категорична прошу, штоба ваши не ходил сюда-туда, потом все будет мой пациент, эта не есть для доктор большой радость, правда? Желая вам добрая дорога!

Проводив Наталию, он вернулся в комнату и прислушался к дыханию Алекси. Довольный собой, он потер свой длинный горбатый нос, потом затенил абажуром лампу, висевшую на стене, и, скрестив ноги, одним привычным движением опустил на тюфяк, разостланный на полу между стопками книг.

«Всю еще ночь...» — подумал Алекси, увидев зажженную лампу. Вернувшись в далекое детство, он улыб-

нулся деду Сандра и закрыл глаза. Но спать уже не хотелось. Его радовало, что шум моря и звон бубенцов остались где-то вдали. Он удивлялся, что дед Сандра казался очень изменившимся. Его огорчало, что на подоконнике в глиняном кувшине стоят пестрые бу-мажные цветы.

Отдохнув от радости и удивления и огорчения, он оглядел гладкие глиняные стены и низкий потолок. Он увидел, что сам лежит на тахте, а напротив тахты стоит мангал. В мангале пылает жар, а над мангалом, подобно опрокинутой воронке, подымается труба, уходящая в потолок. Потом он увидел: дискообразно очерченный абажуром свет лампы падает на человека, сидящего на полу. Окруженный стопками книг, человек сидел, поджав по-турецки ноги, и на коленях у него лежала раскрытая книга. Человек читал. Он следил за строчками не только глазами, но и головой, словно в шею у него была вставлена пружина, которая, как маятник, двигала его головой...

И Алекси вдруг осознал, что он что-то путает, что он не мальчишка и этот человек не дед Сандра, что и лампа не та и мангал совсем не похож на очаг. Но он знал этого человека, помнил его желтую феску, его длинный горбатый нос, оседланный очками с толстыми стеклами. Где он его видел? Откуда он его знает? В чьем доме он находится? Как он сюда попал?

Вероятно, почувствовав настойчивый взгляд, человек отложил книгу и поднялся, встал, длинный, как шест, и шагнул к тахте.

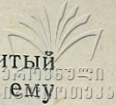
— Привет, камарад! Я думал, ты перешел на вечная сон. Как поживаешь? — сыпал он словами, щупая пульс Алекси. — Зовсем-зовсем норма!

Алекси был знаком и голос его, и его ломаный русский язык.

— Кто ты? — спросил он тихо.

— О-о, смотри на такой джентельмен! Перва-наперва его не приглашали на визит, сам пошел на пустыня, и для него погибал собака Нерон, потом здесь хотел умерить, и я для него пришел в эта комната, для него работал, как мул, Магжана Тасанбаева, а теперь открыл глаза и перва-наперва говорит «кто ты». Ты есть очень-очень чистая продукция двадцатый века!

Улыбка болезненно растянута кожу на лице Алекси.

Ему был приятен голос этого человека, будто сердитый тон его и даже его многословность. Человек дал ему выпить бесцветную сладковатую жидкость и вернулся к своей постели. Поджав под себя ноги крестом, он как-то сразу и ловко сел, положил книгу на колени. Прежде чем начать читать, он натянул себе на плечи одеяло, снял очки и, склонив голову набок, задумался. Черный хохолок падал ему на лоб. Его желтоватые зрачки сошлись у самого носа и он стал похож на умную нахохлившуюся птицу

— Кто ты? — не выдержав, снова спросил его Алекси.

Человек одел очки и внимательно посмотрел на него.

— Товарищ, ты есть пациент, я есть твой доктор, грек, магистр философии Коста Илетакса, и я даю совет—крепко-крепко спи, я хочу учить гексаметры Гомера, я тебе многа-многа время давал, сичас хочу Гомер, а ты спи!

Но Алекси чувствовал себя хорошо и спать ему не хотелось. Он с улыбкой смотрел на Коста Илетакса и удивлялся, как не уставала его тонкая шея безостановочно вертеть голову туда-сюда. Но Илетакса читал недолго. Вдруг захлопнув книгу, он уставился на Алекси и очень серьезно спросил:

— Пустыня ты пошел, штоба убить себя?

Алекси опешил. Вопрос был неожиданным, как будто не к месту и не ко времени. Он промолчал.

— Для себяубиства эта очень оригинальна и поэтична форма. А Магжан Тасанбаев думал, ты хотел убежать, но Магжан мало имеет фантазия. Мне очень-очень интересна, ты хотел себяубиства или хотел убежать?

Алекси молчал.

— Один причина или другой, все равно человек умрет, а мне интересна патологични психика. — Он перелистал книгу, что-то вычитал, а потом продолжал: — Если грех человека есть только себяубиства, тогда на ад он будет бесполезная дерева, потому што не имеет тень. Но если себяубиство плюс еще многа другая грех, тогда человек будет сидеть в самая тяжелая камера ада и будет пища для Люцифера. Ты знаешь, кто есть Люцифер?

— Нет, — проворчал Алекси. «Какое же злодеяние совершил он, Алекси Рчеулишвили, из-за чего ему суждено было обойти все «камеры ада»? — подумалось ему.

— Люцифер был глупая ангел, бунтовал против бога и за эта получил наказание. Апокалипс ему не будет помочь, он всегда останется в самая тяжелая камера ада, и у него будет три большой-большой рот и всегда будет один меню — грешные люди!

— А как зовут того ангела, который питается безгрешными?

— Я тебе совет даю, камарад: плохой параллель, плохой ассоциация не нада — эта есть обе сторона острый ножик, ты далеко ходи от такой ножик. Для безгрешна люди боги всегда открывают двери рай.

— В этих книгах так написано? — насмешливо спросил Алекси.

— Да. Я знаю, ты не читал «Божественная комедия»! Я не знаю, почему ты хотел умирать, если на планета есть «Божественная комедия», а ты не прочитал, если к тебе еще не пришел свет от гения Данте.

— Лучше не рождались бы гении, — холодно сказал Алекси.

— Без гений скучна на земле. Для люди надо много-много гений, если нету, люди придумает гений, да-а. Твоя анархическ нигилизм — старая мода. Я тебя очень-очень сожалею, што ты не повстречал Данте!

— Я видел его в ирмисской библиотеке, но не читал.

— Конешна! Данте пользовал религиа, его философия есть из богословия, а коммунисты и религиа не есть друзья-братья!

— Я не коммунист.

— Гражданин Советский Союз все есть коммунист!

— Теперь я советский гражданин или нет — не знаю.

— О-о, камарад, ты опять потерял своя сознания?!

Алекси нахмурился. Ему смертельно не хотелось говорить об этом, но оставлять в неведении этого человека он тоже не хотел и заставил себя сказать:

— Я приехал сюда не сам, меня выслали сюда...

— О-о, ты думаешь, большая-большая новость сказал! Эта зовсем не имеет значение, камарад!

— Как?

— Спокойна! Ложись спокойна, тебе еще не мож-
на антраша делать! Я говорил факт: эта ни-чи-во зна-
чения не имеет.

«Он, оказывается, ненормальный», — с сожалени-
ем вздохнул Алекси и откинулся на подушку.

— Если ты голодаешь, я грею плов. Мадам Ната-
ли варила плов с урюк, очень-очень вкусна! — сказал
Илетакса, по-своему вмиг поднялся с пола и поставил
кастрюлю на треножник, вставленный в мангал.

Алекси узнал кастрюлю, но не удивился — ни каст-
рюле, ни «мадам Натали». Раз Гонджаура выжил, зна-
чит, ирмисцы где-то здесь, вблизи него.

Илетакса возился у мангала и продолжал говорить:

— Если ты есть правда такой, как говорит мадам
Натали, как думает твой брат Леон и все твои ирмис-
цы, я тебе даю книги, и ты узнаешь Гомер, Данте, Вер-
гилий...

— А Вергилий кто?

— Ты не любишь гений, а Вергилий есть гений,
родился в Риме, еще раньше Христос. Люди думал, што
Вергилий умир, потому што все люди должна умирать,
а гений не умир, после четырнадцать век он сопровож-
дал Данте на ад, а потом на рай. Если ты хочешь, я
могу быть твой Вергилий! Не хочешь?

Алекси не ответил. Он подумал, что к раю его не
приведет человек, который вместе с ним не прошел весь
путь, пройденный им в аду.

— Я знаю, не хочешь, потому што ты не знаешь
иррациональные явлений, ты веришь только один ком-
мунистически реализм! — расстроился Илетакса.

— А мне кажется, ты от рождения, по природе
своей коммунист...

— Нет, нет, я не хочу никакая партия! — за-
протестовал Коста. — Я есть свободный человек, поэ-
тому я есть антифашист! Плов горячи, мы делаем пре-
мьера, ужинаем вместе. На эта случай я имею лекар-
ства, сто-сто грамм натуральный лекарства, вкусная,
красивая, но имя очень-очень трудная! — Он разлил в
стаканы жидкость, и Алекси по цвету и аромату сразу
узнал вино — кахетинское киндзмараули. Он бережно
поставил стакан.

— Почему ты ставил стакан обратна? — забесно-
коился Илетакса.

— Этим вином я хотел бы выпить за твое здоровье,
но я не знаю, кто ты, что ты за человек.

— Я писал сто тридцать девять анкет, больше не
хочу! — разозлился Илетакса.

— Мне не анкета нужна, я хочу знать, что ты за
человек.

— Очень-очень хороши человек. Я люблю свобода,
поэтому я антифашист, ты забыл, я уже сказал тебе
эта. Я солдат против гитлерская банда, и на конец
война гитлерская бомба очень-очень ранила меня, и
советски казах солдат, Магжан Тасанбаев, тоже ранена,
своим спина понес в советски госпиталь, да-а... А по-
том был эвакуация и я с моим братом Магжан Тасан-
баев пришел на Казахска республика. Здесь доктор
нада — я есть доктор, лекарства нада — я есть прови-
зор, машина ломалась — я есть механик, только гре-
ческа философия не нада, только мне нада очень-
очень, только для моя любовь у меня нету время. Си-
час ты знаешь, кто есть я?

— А на родину тебя не тянет?

— Сичас Греция солдаты Сопротивления не хо-
чет, поэтому наши солдаты много поехали на Англия
и на Советский Союз, сказали «отдыхать нада».

— А родных там нету у тебя?

— Мои отец и мама умирали, мой жена не хотела
обождать меня, с другой мужчиной поехал на Фран-
циа, понимаешь? О-о, ты не пациент медицинская точ-
ка зрения, ты уникам, потому што ты уже не больной,
а я есть от тебя очень-очень больной и утром не могу
поехать на моя служба, ты не даешь мне спокойная
ночь!

Немножко плова, пара глотков киндзмараули и
обаяние Илетакса оказались весьма целительными —
вскоре Алекси уснул здоровым, спокойным сном.

На другой день он проснулся от осторожного шоро-
ха. Комната была залита ярким дневным светом.

«Откуда?» — удивился он и посмотрел в сторону
малюсенького окна: на табурете, приставленном к окон-
цу, стояла девочка в пестрых шерстяных носках. Она
ставила в глиняный кувшин свежий букет полевых цве-

тов, настоящих, живых цветов. «Откуда?» — еще больше удивился Алекси. А девочка, склонив голову набок, посмотрела на цветы и, вытянув руки, чуть-чуть повернула кувшин. Под ее ситцевым платьицем, как сложенные крылышки, обозначились острые лопатки, и в образовавшуюся между ними ложбинку легли ее тоненькие светлые косички. Алекси узнал их.

— Нато! — позвал он тихо.

Девочка вздрогнула, оглянулась, радостно прыгнула на пол и кинулась к тахте.

Они молча смотрели друг на друга. Алекси овладело странное чувство. Обрывки пройденной жизни показались ему в разное время прожитыми и законченными жизнями, будто он жил много раз, переходя из одной жизни в другую, каждый раз вступая в новый, незнакомый мир, сам тоже каждый раз совсем другой. Ему показалось, что эту девочку он знал когда-то давно, в одной из жизней, когда она была веселой, краснощекой баловницей, а он был молодым, сильным и счастливым. Позже он, хилый и немощный старец и безумный себялюбец, увидел ее — раненого олененка, затерянного в лесу. А теперь казалось ему, что из предыдущей жизни он пришел в эту новую, пока еще не знакомую жизнь для того, чтобы стать другом и защитником этой маленькой девочки, которую звали Нато.

Девочка стояла и, радостно улыбаясь, молча смотрела на него.

Все тело, лицо и руки Алекси были покрыты белесоватыми пятнами, ссадинами и рубцами разной величины, глубины и формы. Некоторые ранки еще не совсем затянулись, другие еще не очистились от гнояного налета.

— Не боишься смотреть на меня? — спросил он девочку.

— Привыкла.

— А зачем тебе было привыкать?

— Бабушка сказала — «он часто в бреду зовет тебя, может, обрадуется, когда придет в себя и увидит тебя».

— А-а...

— А ты правда обрадовался, когда увидел меня?

— Еще как!.. Нато, откуда у тебя эти цветы?

— О-ой, на дворе знаешь их сколько? Просто уйма!

— Я тоже хочу увидеть.

— Дядя Коста наказывал не выпускать тебя из комнаты!

— Значит, дядя Коста знал, что я захочу встать и выйти на улицу! Я обязательно должен выйти. Я знаю такое лекарство, которое сразу меня исцелит. Но это лекарство я должен взять у солнца. Сама посуди, если я не выйду, как я достану это лекарство?

— А что ты наденешь? Твоя одежда знаешь как была изодрана? Совсем в клочки! Бабушка тебе пошила все новое, но все там, в нашем бараке.

Нато стало жаль пригорюнившегося Алекси. Она передвинула табурет к стене, дотянулась до халата, висевшего на крючке, сняла его и подала Алекси.

— Надень, это дяди Коста халат.

— А он не рассердится?

— У него есть второй.

Алекси улыбнулся: девочка рассудила, как настоящий Христос. А Нато залилась смехом. Очень уж смешным выглядел ее дядя Алекси, выраженный в длинную хламиду Илетакса.

Опираясь на плечо девочки, Алекси, преодолевая слабость, медленно направился к двери. Едва он перешагнул за порог, как у него зарябило в глазах. Постепенно привыкнув к яркому свету, он наконец увидел: до самого горизонта земля была покрыта пестро разрисованной тканью. Тюльпаны и маки; касатики, лютики и маки; шафраны, ромашки, васильки и маки; степные петушки, ирисы, белокоренники и маки; какие-то безымянные цветы нежных и кричащих, воздушных и резких, знакомых и незнакомых цветов, удивительных оттенков и сочетаний невиданных тонов. Степь, как море под солнцем, волновалась легкой зыбью, играла бесчисленными красками.

Алекси долго стоял неподвижно. Всем своим существом он жадно впитывал красоту. Все его существо, как хлебом, насыщалось прекрасным видением. Он стоял, и на него вправду целительным бальзамом действовали и солнце, и ветерок, и аромат цветущей степи.

— Нато, что за чудо, ты видишь? — воскликнул он и, не оглядываясь, вступил в цветущую степь.

— Дядя Алекси, не ходи так далеко, верни-ись! — донесся до него крик Нато. Уловив тревогу в ее голосе, он повернул назад и только тогда увидел дом, из которого вышел.

Лачуга, одинокая глинобитная лачуга в необъятной степи! Но вся она покрыта той же фантастической разноцветной тканью!.. Очевидно, обильно нанесенная ветром цветочная пыль осела на кровле, пристала к стенам и превратила лачугу в сказочный домик.

— Нато, чей этот дом, почему я здесь, а не с вами в бараке?

— Это ничей не дом, он был без крыши и совсем разваленный. Дядя Магжан Тасанбаев сказал, здесь раньше были кочевники — это для них был дом, от урагана и непогоды спасались здесь. А когда тебя нашли, до барака было далеко, и дядя Магжан велел тебя здесь положить и велел сделать крышу и поставить мангал.

— А-а... во-от как!.. Нато, а дядя Магжан — кто? Это который пузатый и говорит таким тонким голосом?

— Откуда ты знаешь? — Нато от удивления даже за голову схватилась.

— Кажется, во сне я его видел. Вошел и говорит: «Ну что, ваш смертник все еще живой?» Помню, голос у него тонкий и пузатый он.

— Ты не должен про него говорить «пузатый». Он со своим Нероном пошел тебя искать в пустыне и нашел, когда уже и Нерон погиб, а ты уже не дышал... — У девочки глаза наполнились слезами.

— Не надо, Нато, все прошло, я совсем здоров, а за дядю Магжана ты прости меня, Нато, виноват я, но я же не знал!.. Я и сейчас не знаю, кто он... Расскажи о нем, тогда буду знать.

— Раньше он был пастухом, потом пошел на войну, как ты, и там встретил дядю Коста Илетакса, а сейчас он директор хлопка и Герой труда, и еще депутат, и у него пятая дочка, такая, как я, Салима ее звать. И Салима была очень больная, все говорили — умрет, а дядя Коста ее вылечил своими лекарствами, потому он для дяди Магжана все равно как бог и называет его

«шайтан», и никуда больше его не отпустил, и он теперь тоже живет в совхозе, и мы тоже там живем, и там очень-очень много хлопка, и наши все там работают. И дядя Коста тебя тоже вылечил от смерти своими лекарствами, и наши его очень любят!..

— Да-а?..

Алекси взял горсть земли, размял ее, растер на ладони, понюхал, даже попробовал на язык. Да, конечно же, это глинистый перегой! Целина!..

Нато вынесла ему табурет, а сама погналась за бабочками.

Утомленный впечатлениями, Алекси сел, откинул голову, подставил лицо ветерку и закрыл глаза. Мысли потянулись друг за другом. Он не заметил, как и когда они изменили направление. Новая мысль, может, подсудно зародившаяся уже тогда, когда ему казалось, что он плывет по красочному морю цветов, а может, тогда, когда он нагнулся и зачерпнул горсть земли, постепенно полонила его и так захватила, что, открыв глаза и оглядев ту же цветущую степь, он увидел стройные ряды виноградных лоз...

Он не вытерпел, вошел в дом и, не найдя ничего более подходящего, вынес кочергу. Раскопав в различных местах ямки и внимательно разглядев каждый пласт земли, он отбросил кочергу и, усталый, снова опустился на табурет. Ряды лоз легионами обступили его...

Из полудум-полумечтаний его вывела Нато.

— Дядя Алекси, смотри, ты видел такую бабочку? Наколю ее на дощечку и пошлю Сандрику для нашего музея юных натуралистов!

— Как ты изловчилась платком ее поймать?! Я сделаю тебе сачок и ящик для посылки. «О, как она обрадовалась, хоть бы закружилась на одной ноге», — обожгло его желание, и почти безотчетно добавил:

— А еще я выстрою тебе такой дом, хочешь?

— Дом? Настоящий?

Окончание следует

Перевод с грузинского

ПАНТЕОН НА МТАЦМИНДА

Сквозь художников мертвых прорастает стальная
 трава,
 И безмолвно камня в той ржавой траве созревают.
 У поэтов умерших уже ничего не бывает,
 У поэтов умерших остались одни лишь слова.
 Сколько слов оставляет в наследство великий поэт
 Я не знаю, но есть среди них слово боли.
 На Мтацминда — камня — как будто скалу
 раскололи!
 Кто в железной траве меж могил боль пасет
 столько лет?
 Боль пасется в тиши, как ягненок в тумане густом,
 словно белая тучка легко опустилась к могилам...
 Тициана Табидзе ищущи и Паоло Яшвили —
 Вечных пленников ночи ищущи я при свете дневном.
 Но вокруг — лишь гора. Немота затаилась в ветвях.
 Только боль и бывшие слова, что застыли в молчанье.
 Барельефов резьба, бесконечных цветов умиранье,
 И надсмертная тишь — ни в каких не услышишь краях.
 Среди трав остролистных и между колючих кустов,
 Среди листьев чеканных упала погибшая птица,
 Как душа неживая, она на Мтацминда таится,
 А вокруг стон деревьев — ушедших немеркнувший зов.
 Та гора — словно вечный вулкан, где огонь
 неумерший пылает,
 Ведь она собрала самых лучших в себе за века...
 И вагончик возносится вверх, к ресторанному раю
 По канатной дороге, и рядом уже — облака.
 О гора,
 горе горькое—
 ведь вдовство тебе вечно беречь!
 Мудрецов схоронив, ты стоишь над стеной Пантеона.
 Я кричу и вдруг слышу: мой голос влюбленно
 Выдыхает в безбрежность Мтацминда грузинскую
 речь.

Смотрите ввысь, в небес просторы —
 Не только на подножный прах,
 Смотрите ввысь, туда, где горы,
 Живите зрением в горах.
 Ведь на Олимпах нету бога —
 Там лишь снега легли венцом.
 Хотя бы взглядом их потрогай
 И солнцу загляни в лицо.
 Привыкни к отсветам и бликам
 И, пусть глаза твои болят,
 Сматри на каменные лики,
 Чтоб все лучи в глаза вобрать.
 Когда же боль небесной сини
 Со свистом вместе примешь ты,
 Не шурь глаза и все вершины
 Слезами молча освяти.
 И ровень став с вершиной гордой,
 Путь к небу свой преодолей,
 Сматри на солнце, словно горцы,
 Что носят шапки без полей!

ПИСЬМО МОЕМУ ДРУГУ
 ДЖАНСУГУ ЧАРКВИАНИ

Джансуг, спасибо, — есть моя гора
 И тот восход, что на горе сгорел.
 Джансуг, спасибо, — я не проиграть
 Соревнованья щедрых не сумел.
 Джансуг, спасибо, — в небесах горит
 Вершина, где ты влил тревогу в стих.
 Джансуг, спасибо, — Грузия стоит
 У нас одной горою на двоих!
 Джансуг, спасибо, — из колодца лет
 Ты слов и силы в память набери.
 Джансуг, спасибо, — виноград и хлеб
 На склонах общей выросли горы.
 Джансуг, спасибо, — росчерком пера
 Хребет воздвигни горной крутизной!
 ...Я ощутил, что есть моя гора —
 Тебе спасибо, брат щедрейший мой!

Авторизованный перевод с
 украинского Владимира КУХАЛАШВИЛИ

Джансуг ЧАРКВИАНИ

Гармония, рожденная совершенством

В Венеции в соборе Сан-Марко мне вспомнились слова итальянского поэта Эудженио Монтале о том, что гармонию рождает совершенство, но люди, ощущая ее, подчас не осознают этого.

Однако, сталкиваясь лицом к лицу с прекрасным, начинаешь понимать, что именно красота и совершенство побуждают нас взяться за перо...

* * *

Мы живем в одной из гостиниц в центре Москвы. Мы — это ансамбль песни и танца Грузии «Рустави» под руководством народного артиста Грузинской ССР Анзора Эркомаишвили, который на следующий день отправляется в Италию и в течение месяца исколесит страну с севера на юг и с запада на восток, писатель и режиссер Реваз Табукашвили со своим неизменным кинооператором Юрием Барамидзе. Мне посчастливилось стать членом этого прекрасного коллектива.

* * *

В комнате собралось человек восемь. Один из них — Анзор Эркомаишвили. Вот он поднял руку.

— Что ж, начнем. Быстрее, быстрее! Начнем с «Одой»... Больше чувства, повторить три раза форте, все, все вместе.

Не спешите, с достоинством, Амиран... На басы переходите так, будто вступает новый ансамбль, нас ведь мало...

«Эхехее» должно доноситься как бы с противоположно-го берега, будто там молотят хлеб...

Еще раз, с самого начала...

Спокойно, спокойно, а теперь ты, Рамин, откликнись.

Давайте итальянскую...

Здесь нерв должен дрожать, пиано, пиано, а здесь, Нугзар, отрывисто, нет, не так, да, вот так...

Теперь ты, Рамин, начни...

— Мне встать?

— Как хочешь, только больше чувства, ты весь натянут, как струна... Не забывайте, это итальянская песня...

Я смотрел на Анзора Эркоманшвили и не мог отделаться от мысли: как он торопится жить, словно боится не успеть претворить в жизнь задуманное, будто пришел в этот мир всего на один день. Впоследствии я убедился, что «Рустави» не был бы «Рустави», если бы Анзор так не выкладывался. Да, высоты в подлинном искусстве завоевываются не только талантом, но и огромным самоотверженным трудом.

* * *

Перелетели через Альпы, похожие на серые знамена, вздымающиеся над крепостными стенами.

Из миланского аэропорта через несколько часов отправились в Бибионе, где нас встречал президент Общества дружбы «Италия — Советский Союз» г-н Винченцо Корги. Нам была предоставлена гостиница у самого моря.

До концерта мы смогли посмотреть город. Я ходил по улицам небольшого городка, где каждый камень, каждый забитый гвоздик свидетельствовали о том, как заботятся и пекутся о нем его жители. Да, здесь все радовало глаз, но я не мог отделаться от чувства горечи — почему же мы так безжалостны и равнодушны к тому, что нам так щедро даровала природа? Что нам нужнее всего сегодня? Вероятно, прежде всего — чувство собственного достоинства. Мне не раз приходилось слышать: «Эх, если бы Бакуриани находился в Америке, какой это был бы райский уголок». Разве это звучит не кощунственно! Ведь свое, собственное мы строим прекрасно и ухаживаем за ним любовно! Почему же мы лицемерим друг перед другом? Почему же, бия себя кулаком в грудь и крича на всех перекрестках о своей любви к родной земле, подчас забываем о таких элементарных качествах порядочного человека, как трудолюбие и неравнодушие.

Родина — это ведь не только горы и долины, леса и по-

ля. Родина — это люди, и если мы не поможем друг другу, если не станем плечом к плечу с теми, кто сеет истину и справедливость, если не сохраним и не умножим дарованное нам природой — мы немногого добьемся!

* * *

Восемнадцатого июля в Бибионе — первое выступление «Рустави» на огромной открытой эстраде муниципалитета. Все билеты проданы заранее. Концерт должен был начаться в половине десятого, но примерно в четверть десятого полил такой дождь — можно было подумать, разверзлись хляби небесные. Как выяснилось, дождь здесь бывает раз в году, и надо же, чтоб он пришелся на выступление «Рустави». Публика долго не расходилась. Люди заглядывали в репетиционную комнату, просили рассказать о Грузии, о которой они почти ничего не знали. Концерт был перенесен на завтра.

* * *

Девятнадцатого утром мы едем в Венецию.

Бог знает, каким по счету чудом света считается эта неопишуемая красота, открывшаяся нам, быть может, и вовсе первым?

То, что являет собой Венеция, представимо разве что в сказке. Венеция ирреальна. Можно только пожалеть человека, который покинет этот мир, так и не увидев Венецию — красивейший заповедник земли. Здесь категорически запрещено стрелять. Одержимых этой манией следовало бы хотя бы на время поселить в Венеции, уверяю вас, они непременно бы излечились.

Вечером мы возвращаемся в Бибионе, где должен состояться отложенный накануне концерт.

* * *

Ансамбль начал свое выступление с «Гандагани», затем зазвучала «Одоиа». То, что происходило в этот вечер в «Гранконтсерте», невозможно описать словами, это надо было увидеть собственными глазами. Зал то и дело взрывался громом аплодисментов, криками «Браво, Джорджиано!», «Браво, Руставели!», потом все вновь замирали, превращались в слух и — вновь очередной шквал оваций. Такое можно увидеть разве что на бразильском стадионе... Было бы неплохо, посылая на гастроли за границу известный коллектив, отправлять вместе с ним и туристическую группу, желательно молодежную, дабы

наша молодежь имела еще одну возможность испытать гордость за своих соотечественников, что, мне кажется, способствовало бы усилению в ней чувства ответственности, чувства долга.

Танец сменял песню, а песня — танец, и в течение двух часов огромный зал «Гранконцерт» волновался, как Адриатическое море. Жители Бибионе говорили, что за последние пять лет на сцене «Гранконцерт» выступали многие всемирно известные коллективы, но ничего подобного они не видели и не слышали. Анзор Эркомаишвили же скромно сидел среди зрителей и никто не подозревал, что все, что они видят и слышат, — это его заслуга.

Завершая вечер, «Рустави» подарил зрителям в качестве сувенира неаполитанскую песню. Зал какое-то время безмолвствовал. И вдруг, как бы очнувшись, люди повскакали со своих мест и подхватили песню, блистательно исполненную Нугзаром Гелашвили.

Публика долго не расходилась.

В автобусе Анзор Эркомаишвили заявил: «Не обольщайтесь тем, что публика хорошо вас принимала. Это еще не значит, что вы были сегодня на высоте, что это был максимум того, на что вы способны...»

Слова Анзора показались мне чрезмерно строгими, но, вероятно, ему лучше знать о возможностях своего детища.

* * *

Мы посетили город Лидо, затем Верону, возложили цветы на могилу Данте. Вынужденный покинуть Флоренцию, здесь он обрел вечный покой, нашел своих истинных почитателей. Во времена фашизма его останки были тайно перезахоронены, а для отвода глаз оставлена старая могила. Лишь после войны останки вернули в старую усыпальницу.

Сан-Марино — отдельное государство в государстве, здесь очень высокий уровень жизни. Замки и храмы, которых здесь предостаточно, издали похожи на маленькие горные пики.

* * *

Из Венеции позвонил Реваз Табукашвили (его задержали в Венеции дела, связанные с его будущим фильмом) и сообщил, что 22 июля на площади Сан-Марко на наспах сколоченной сцене планируется выступление «Рустави». Видимо, мэру Венеции Мерео Ларони понравилось услышанное им два дня назад «Мравалжамиер».

Уезжая из Венеции, я, следуя поверию, бросил в воду монеты, не подозревая, что через два дня вновь вернусь в этот райский уголок. Выходящая в Венеции газета («газеттино» — так ласкательно называют венецианцы газету на двадцати страницах) сообщала, что сегодня у самого Золотого собора, на площади Сан-Марко, там, где устраивал концерты легендарный Джильби, будут выступать грузины. По ошибке режиссером выступления был назван Реваз Табукашвили. Хотя в том, что «Рустави» оказался в Венеции и давал концерт на площади Сан-Марко, действительно был «повинен» Реваз Табукашвили. Ему с оператором Юрием Барамидзе посчастливилось отснять в Соборе Сан-Марко нужные для его фильма кадры. Да, именно посчастливилось, и по этому поводу мэр Венеции Мерео Ларони в интервью сказал: «До этого ни одному иностранцу не удавалось занести аппарат в Сан-Марко, я просил разрешения на это у патриарха. Он долго колебался, но мне удалось уговорить его, и я искренне рад, что помог моему грузинскому другу осуществить его давнишнюю мечту — показать грузинскому народу фильм о нашем Золотом соборе». Не будь мэр Венеции человеком скромным, он сказал бы и о том, что по принятому три года назад итальянским правительством закону никто не имеет права устраивать концерты на площади Сан-Марко. Но «Рустави» там выступал. Можете себе представить, с какой гордостью и с какой ответственностью готовились «руставцы» к концерту. В знак уважения к жителям Венеции грузинские гости дали этот концерт бесплатно.

На площади Сан-Марко собралось 10000 человек. Кого только здесь не было! Не обошлось и без курьезов. Какой-то иностранец попросил у наших девушек разрешения сфотографировать их и, получив согласие, навел на них аппарат, но перед тем, как нажать кнопку, спросил: «Вы из Джорджии — Соединенных Штатов?». «Нет, Джорджия — это Грузия, одна из республик Советского Союза», — последовал ответ. Иностранец нахмурился и ушел, не сфотографировав и даже не извинившись. Это выглядело особенно нелепо на фоне той атмосферы дружелюбия, которая царила на площади Сан-Марко. Кому что нравится! Да, к сожалению, не обошлось и без злопыхателей в этом царстве красоты и высокой одухотворенности.

Надо было видеть, что творилось на площади! Если бы сегодня мир жил в той обстановке единодушия, которая ца-

рила среди самых разных людей, собравшихся на площади Сан-Марко, то судьбе мира ничто не угрожало бы.

Когда же на сцене появились пять прекрасных танцовщиц, гром оваций заглушил даже звуки доли. Казалось, по площади пронесся ураган, десять тысяч зрителей кричали «грация», аплодируя сдержанному благородству и красоте. «Вечером чудес» назвал этот вечер мэр Венеции, пообещав на будущий год обязательно пригласить «Рустави» на Венецианский фестиваль песни.

Потом наши гондолы скользили по каналам Венеции. А в небе вспыхивали огни фейерверка в честь грузинского искусства. На следующий день в газетах появились заметки с такими заголовками: «Искусство, достойное Венеции», «Да здравствует Грузия», «Фейерверк разрывает небо», «Пламя под небом Венеции».

Если бы мне не посчастливилось путешествовать с этим замечательным коллективом, я бы не поверил в чудо, которое он совершил. Поистине нет пророка в своем отечестве. В Венеции я видел собственными глазами, как священник собора Сан-Марко во время исполнения «Одой» перекрестился, что-то пробормотал про себя и пожал руку мэру...

Успех мог опьянить любого из нас, но только не Анзора Эркомаишвили. Он был верен себе. «Надеюсь, успех не вскружил вам головы, — сказал он артистам. — То, что мы продемонстрировали — это всего лишь капля в море, большая волна — впереди. Я надеюсь на вас. Что касается девушек — они прекрасны всегда, даже когда не танцуют...»

Анзор Эркомаишвили ждал от своих артистов большего, стало быть, впереди нас ждут новые чудеса, — подумал я.

* * *

В Луго-ди-Равенне, насчитывающем всего сорок тысяч жителей, — огромный концертный зал, который может вместить почти весь город.

После трехчасовой репетиции мы приготовились к встрече со зрителем. На концерт пришли 4000 зрителей. Стоимость билета поднялась до 35000 лир — это немалые деньги.

Вечер открыл и обратился с приветственным словом к артистам известный итальянский писатель и киносценарист Тонино Гуэрра. Он приехал на концерт из Сан-Марино вместе с работниками телевидения во главе с директором телекомпании. Этому немало содействовал Резо Табукашвили.

Гуэрра с большой теплотой говорил о Грузии, о миро-

любии советских людей: «В Грузии люди, приветствуя друга друга, так же, как итальянцы, желают мира, так же, как мы, итальянцы, они гостеприимны, там по сей день в мужчинах жив рыцарский дух. Поезжайте в Грузию, и вы убедитесь, что там, где цветет виноградная лоза, расцветают поэзия и песня. Италию пением не удивить, но я заявляю вам с полной ответственностью, что сегодня вы услышите столь удивительные народные песни, каких вы до сих пор не слышали. Итак, на сцене заслуженный ансамбль песни и танца Грузии «Рустави».

Да, в тот вечер равенцы познакомились с искусством, свидетельствующем о таланте и высоком профессионализме грузинских артистов. После концерта старый итальянский певец подошел к Нугзару Гелашвили, поблагодарил его и поинтересовался, почему он не поет в опере, ведь у него прекрасный тенор. Узнав, что Гелашвили является одновременно солистом Тбилисского театра оперы и балета, он радостно сказал: «Я слушал вашего Давида Андгуладзе»...

* * *

Бари — портовый город с полуторамиллионным населением. Здесь стремительно гоняющие на мотоциклах рокеры особенно опасны для зевак и приезжих, и нас предупреждают, что надо быть осторожными. Наш водитель Джузеппе, которого все ласково называли Пепе, уверял нас, что слухи преувеличены. Когда мы, покинув гостиницу, вернулись в автобус, Пепе не обнаружил своего японского магнитофона.

Большой театральный зал в Бари вмещает 2000 зрителей. У «Рустави» нет особой рекламы, но несмотря на это у билетных касс — длинные очереди. За пятнадцать минут до начала концерта полностью заполнены партер и все четыре яруса.

После первых двух номеров можно было смело говорить о том, что концерт на редкость удался. Даже скупой на похвалу Анзор Эркомаишвили вынужден был признать полную победу своего детища над сердцами итальянцев.

Во втором отделении была исполнена древнегрузинская песня, и я услышал то неповторимое пиано, которого требовал Анзор еще на репетициях в Москве. Песня была наполнена особой грустью и нежностью.

Раздался гром аплодисментов. Здесь, разумеется, никто не знал, что эта песня была посвящена безвременно ушедше-

му от нас прекрасному певцу Гамлету Гонашвили — в тот день исполнился год со дня его кончины.

Как всегда, после концерта зрители долго не расходились. Пожилой итальянец обратился к Ревазу Табукашвили по-итальянски: «Я ничего подобного не видел и не слышал». Резо улыбнулся, но не ответил. Мужчина громко продолжал: «Тебе, я вижу, не нравится, стало быть, у тебя нет слуха или же ты вообще глухой!». Он разговаривал, как ему казалось, со своим соотечественником, но когда Реваз пояснил, что он тоже грузин и приехал с ансамблем, итальянец радостно замахал руками: «Сюда, скорее идите сюда! — кричал он. — Здесь грузины, приехавшие вместе с артистами». Он пригласил нас к себе, но мы вынуждены были отказать гостеприимному итальянцу — нас ждали на ужин в Обществе дружбы «Италия — Советский Союз» во главе с президентом общества Джакомо Унгарели. Сколько теплых слов было сказано в наш адрес! «Нет сомнения в том, — говорил Джакомо Унгарели, — что страна большой культуры обладает и большим искусством — мы убедились в этом воочию. Настоящее искусство принадлежит всем. Разве Микеланджело не принадлежит всем народам? Принадлежит всем и грузинская песня, грузинский танец. Идеологические различия не в силах омрачить нашу дружбу. Главное, чтоб люди знали друг о друге как можно больше. Если люди хорошо знакомы, они не будут убивать друг друга. Мне трудно представить себе человека, который, услышав грузинскую песню, совершит зло. Вы сегодня доказали, что песня всесильна, что она не имеет границ...»

До самой полуночи звучали итальянские и грузинские песни под мирным небом Италии...

Наутро газеты сообщили, что в италяно-советское общество в Бари явились директор и учительница местной школы, а затем еще восемь итальянцев разных профессий и обратились с просьбой зачислить их в члены общества. Да, песня сближает самых разных людей.

Неподалеку от Бари у нас испортилась машина. Водитель сообщил о случившемся аварийной дорожной службе, и нам прислали новый автобус марки «Фиат». Через полчаса мы продолжили путь.

Мне хочется сказать несколько слов об удивительной атмосфере любви, корректности и взаимоуважения, царящей в ансамбле «Рустави». В Италии гастролируют тридцать два человека, а вообще-то в ансамбле вдвое больше артистов. Отношения между ними столь же гармоничны, сколь совершенно

их искусство. Я редко встречал таких скромных людей. Благородство, внутренняя культура, высокая нравственность, требовательность к себе — не из этих ли высоких и в то же время неизменных качеств складывается облик человека! И можно только позавидовать земле, имеющей таких сыновей. Они достойны искусства Грузии, высоких идеалов своего народа.

* * *

Обосновавшись в каком-нибудь крупном городе, мы ездим по окрестным поселкам. В этих поездках, на мой взгляд, — особая прелесть нашего путешествия.

Мы в Рипалимосано. В этом поселке, вернее — в выстроенной из белого камня средневековой крепости — две тысячи пятьсот жителей. Представьте себе высеченный в скалах самый современный и предельно благоустроенный Шатили с чистенькими улочками и яркими лампами, со скверами и цветниками в каждом дворе. Что касается искусства выращивания цветов!.. По выезде из Милана на протяжении ста километров дорога похожа на цветочную аллею. Я невольно стал считать километры: двести, пятьсот... вот мы проехали уже пять тысяч километров — а по обочинам дороги все тянется и тянется цветочная полоса. Оказывается, Италия — это еще и страна цветов.

Рипалимосано — памятник средневековья, прочный, мощный. А церковь Санта-Мария — одна из самых красивых во всей Италии. В Италии нет ни одного, даже самого маленького поселения, в котором не было бы церкви.

«Рустави» выступает на эстраде, построенной около самой церкви. И здесь все повторилось. Казалось, вся Италия, сговорившись, дружно аплодировала одной и той же песне, одному и тому же танцу. Этот вечер отличался от других разве что тем, что церковь Санта-Мария озаряла своим светом ночную темноту.

В тот день был большой футбол — играла сборная Аргентины. До начала концерта мы, то есть те, кто сопровождал ансамбль, пошли в бар посмотреть футбол по телевизору. Хозяин извинился, что покидает нас — он опаздывал на концерт, и оставил в нашем распоряжении бар со всеми напитками, бильярдом и телевизором.

А спустя час грузинская песня покорила старинный город-крепость. После концерта благодарная публика пригласила нас на ужин. Пришли и местные музыканты, и начался под-

линный праздник песни. Нугзар Гелашвили спел итальянскую песню, когда же начал вторую, слушатели подхватили его на руки, и так он допел песню. Может ли певец мечтать о большем счастье?!

Мэр Рипалимосано произнес взволнованную речь: «Обычно со страной можно познакомиться, только побывав в ней. Я мечтал увидеть Грузию, знал, что далеко на Кавказе на берегу моря есть такая страна. Но оказалось, ехать туда вовсе не обязательно, достаточно тридцати грузинам приехать к вам в гости, чтобы вы почувствовали величие этого народа, благодатную силу его большого искусства. Мы, итальянцы, — партнеры советской страны в деле мира и разоружения. Огромное вам спасибо, дорогие друзья!..»

До глубокой ночи продолжался праздник, пели все — мужчины и женщины, старики и дети. Я счастлив, что мне довелось быть участником празднества, которое так органично вписалось в ансамбль старинного города-крепости и церкви Санта-Мария.

Рипалимосано, Кампобасо, Касаджове — эти маленькие города или поселки приютились в Апеннинских горах и относятся к округу Молизе.

От Касаджове рукой подать до Неаполя, о котором итальянцы говорят: «Человек не имеет права умереть, не увидев Неаполя», но поскольку я уже бывал там дважды, то предпочел ехать не в Неаполь, а в Помпеи.

Умерщвленный Везувием, этот древний город создает гнетущее впечатление. Бог знает, где притаилось это зародившееся еще до появления жизни безмолвие, имя которому смерть?!

Вспомнились мне слова мэра Рипалимосано: «Мы, итальянцы, не довольствуемся тем, что дает нам природа, но не отнимаем у нее ничего, наоборот, стараемся жить с ней в гармонии». Я заметил на вершине горы новую церковь и спросил у нашего переводчика, действительно ли она выстроена недавно. Да, подтвердил он и добавил, что всего через каких-нибудь пятьсот лет и она будет старой. Да, жизнь течет, и судьбы людей и городов складываются по-разному: одних ждет судьба Рима, других же — Помпеи.

В «Письмах из башни старейшины» К. Гамсахурдиа писал, что в Сванети все называют именем Тамар. А в Рипалимосано самое распространенное имя — Мария. Рядом с церковью Санта-Мария построен мотель «Мария». Чуть поодаль, на хол-

ме стоит двухэтажная вилла, и я слышу, как с балкона этой виллы мать зовет свою дочь — Мария, Мария!..

* * *

Казерта — городок, раскинувшийся на склонах гор. Именно здесь заканчивается месячник советского искусства. Нас провожали фейерверком. Небо разрывали звездные букеты, которые, вспыхнув, обрушивались на землю.

* * *

«Рустави» продолжает путь в сторону Россано. Мирто-Крозия — маленькая деревушка. На концерт едут из соседних деревень, богатых коммун, едут на «Фиатах», «Альфа-Ромео», «Мерседесах». Это юг страны, оливковые рощи сменяются апельсиновыми и лимонными садами, много яблонь и инжира. Все огорожено кустами самшита, одним словом, таким мне видится рай, не хватает разве что только Адама и Евы...

Оливковые рощи, апельсиновые и лимонные сады тянутся вплоть до Полистены, на сотни километров.

Итальянцы любят вкусно поесть, повеселиться. Южане очень похожи на нас, грузин. В Россано, к примеру, пузатый карабинер напомнил мне моего знакомого милиционера, и я чуть было не поздоровался с ним. Кутежи в итальянской деревне похожи скорее на спектакли-праздники, поставленные Робертом Стурва, чем на обычные деревенские увеселения.

Нам прочли напечатанную на первой странице местной газеты статью под заголовком «Горбачев убедил Рейгана». В ней рассказывалось о предстоящей встрече товарища Горбачева с президентом Соединенных Штатов Америки, подчеркивалось, что это большая победа советской внешней политики. На второй странице хвалили Гарри Каспарова, а на третьей был изображен в виде лягушки с выпученными глазами премьер Кракси, которому в очередной раз доверили формирование нового правительства. Мне непонятно, зачем издеваться над человеком, которому доверили создание нового кабинета, не лучше ли не доверять ему такое важное дело? Хотя это их внутреннее дело — хотят хвалят, хотят ругают.

На открытой эстраде установлено четыре огромных микрофона. «Руставцы» не любят микрофонов, но ничего не поделаешь — иначе не выступишь под открытым небом. Всю концертную программу записало телевидение, попросив Анзора Эрмоаишвили сказать несколько слов для итальянских телезрителей.

«Спасибо, большое спасибо всем, кто по достоинству оценивает наше искусство. Мы — не самые лучшие певцы и танцоры в Грузии, просто нам посчастливилось вынести грузинскую песню далеко за пределы нашей Родины, а те, кто вдохнул жизнь и сумел донести до наших дней это большое искусство, ушли из жизни, ни разу так и не покинув своей страны. Наш сегодняшний успех — заслуга этих людей, достойных самой высокой чести — памяти поколений».

На следующий день выступление Анзора Эркоманшвили и концертную программу показали по телевидению.

* * *

Италия славится своими дорогами, тоннелями и мостами. Богатейшие капиталистические страны мира приглашают местных специалистов и заключают с ними договоры. Здешними автострадами нельзя не восхищаться. Мосты в горах перекинута над приютившимися на склонах деревеньками и поселками на высоте 200—300 метров, и кажется, что путешествуешь не в автобусе, а летишь в самолете.

* * *

Я спросил мэра Венеции, удобно ли, что в течение двух часов зрители на площади Сан-Марко стоя смотрят концерт. Он пошутил, что после первого же концерта «Рустави» стулья потеряли свое назначение — даже в закрытых помещениях зрители все равно вскакивают со своих мест и слушают стоя.

* * *

В Полистену позвонили из Вани и сообщили, что у танцора Нодара Абуладзе родилась дочь — Натия. В Полистене живет 20000 человек, в ту ночь по крайней мере половина жителей знала, что в Грузии родилась Натия Абуладзе, которая весит четыре килограмма и двести граммов.

* * *

Мы на Сицилии, в Катании. Первое, на что обращаешь здесь внимание, — это Этна. Она неописуемо прекрасна как издали, укутанная голубой шалью, так и вблизи, когда слышишь биение ее сердца.

Этна — жизненный барометр не только Катании, но и всей Сицилии. Этна спит, — говорят жители Катании; как бы Этна не проснулась, — говорят в Очирия; Этна — прекрасное чудо-вище, — говорят в Палермо. Этну любят, но ее и боятся.

Сегодня «Рустави» дает концерт в театре Катании, вме-

щающем около трех тысяч зрителей, зал заполнен до отказа, как говорится, яблоку негде упасть. Южане по достоинству оценили исполнительское мастерство «руставцев». Последний танец «Мхедрули» пришлось повторить три раза. У ребят буквально кровоточили пальцы ног, но они продолжали танцевать, одному из них в глаз попала искра от скрещенных во время танца сабель, и гастроль чуть было не обернулась для него бедой. Когда же были исполнены «Кучхибединери» и «Одоа», зал в течение десяти минут стоя аплодировал. Обычный концерт, рассчитанный на полтора часа, растягивался на два с половиной.

«Божественная свирель Омара Келаптришвили», «Грузинские цветы из Советского Союза», «Чудо природы» — вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми награждали газеты ансамбль Анзора Эркомаишвили, а один из корреспондентов газеты «Катания» назвал наших танцовщиц Венерами Боттичелли.

После концерта к нам пришел пожилой человек и восторженно поздравил нас от имени музыкантов и журналистов Сицилии, добавив, что сицилийцы за последние годы не видели такого профессионального ансамбля. Им оказался Домениго де Мео, знаток творчества Беллини, музыковед, профессор, журналист, пользующийся огромным авторитетом не только в Сицилии, но и вообще в Италии.

* * *

Резо Табукашвили, заместитель председателя Грузинского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами Гурам Галогре, заведующий отделом Вано Цагарейшвили и я поехали в Палермо для заключения двустороннего договора между городами-побратимами Тбилиси и Палермо. Мэр Палермо предельно сдержанно и тактично намекнул на то, что тбилисский горсовет долго не отвечает на их письмо. Мы пришли к соглашению, сдвинули договор с мертвой точки. На будущий год муниципалитет Палермо примет делегацию из пяти человек. Был также поставлен вопрос об обмене студентами факультетов истории и архитектуры, об их стажировке.

Из Палермо на корабле мы отправились в Неаполь. На утро были в Неаполе.

* * *

В ожидании нашей группы мы зашли в сквер с фонтаном на центральной площади. Напротив нас сели на скамью.

одетые в черное, постриженные «под бокс» размалеванные панки. Признаться, я так и не распознал, кто из них девушка, а кто парень. Они продемонстрировали совершенно бесстыдный сеанс объятий и поцелуев. Как изменились времена! Ведь здесь, под этим небом распустился некогда цветок любви Ромео и Джульетты!

* * *

Там, где на карте находится каблук так называемого итальянского сапога, приютилась деревенька Вальва. На ее окраине, среди густого сосняка и ельника, построен открытый театр в старинном стиле. Уже смеркалось, когда мы вошли в театр. Мне показалось: на террасах сидят люди. Их было около гятидесяти. В сумерках они походили на мраморные скульптуры. Когда зажегся свет, я увидел, что на террасах и в самом деле расставлены женские мраморные бюсты. Признаться, поначалу это произвело на меня (да и не только на меня) гнетущее впечатление, все это больше походило на кладбище. Нам поведали историю этого театра. Лет триста тому назад в этой деревне жил богатый феодал Джованни, музыкант и поэт. Он покинул людей и стал жить отшельником в этом прекрасном лесу. Но Джованни писал музыку и сочинял стихи, ему нужны были слушатели. Уйдя от людей, он уже не хотел возвращаться к ним. И тогда он заказал известным скульпторам сорок женских бюстов, расположил их по террасам театра так, чтобы они напоминали ему слушателей. У входа он поставил две прекрасные скульптуры — богини поэзии и богини музыки... Театр вмещал около пятисот человек. За партером (где сидят человек двести) следуют террасы, на которых среди зрителей восседают и трехсотлетние прекрасные дамы. В Вальве придерживаются хорошего правила: курить в расположенном в лесу театре категорически запрещено, нарушитель может быть даже исключен из коммуны.

В Италии нет резких различий между городом и деревней и зрители также не отличаются друг от друга — и в городе и в деревне они одинаково бурно реагируют на волнующие их события. Рядом со мной сидела пожилая седая дама, похожая на строгую чопорную учительницу. Надо было слышать, как она кричала «браво!» на весь зеленый театр. Когда же исполняли «Сулико», она заплакала, не стыдясь своих слез.

В свободные от концертов дни нам была предоставлена

04035341
002110033

возможность совершить экскурсии по таким маршрутам, в такие деревни, поселения и города-крепости, куда еще не ступала нога советского человека. Пожалуй, за несколько посещений Италии не увидеть столько, сколько мы повидали за месяц.

* * *

В 1947 году неимущие жители Эболи обратились к советскому правительству с просьбой прислать им сельскохозяйственные орудия. Просьба итальянцев была исполнена.

Сегодня в Эболи особенно высокий уровень жизни, богатая коммуна. А в знак благодарности советскому народу две улицы названы «Советский Союз» и «Юрий Гагарин».

* * *

Кастьере Амальфитана — побережье Амальфитана — украшают города Сорренто и Позитано, Равенна и Амальфи, выросшие на отвоеванных у прибрежных гор склонах. Говорят, прекрасно, как в сказке, как во сне. Так вот, нашему взору открылась красота, которую не описать даже в сказке. На террасах разбиты лимонные и апельсиновые сады, дорога на протяжении почти ста пятидесяти километров тянется вдоль берега моря, но высоко в скалах. По всей трассе скалы покрыты плотной алюминиевой сеткой во избежание камнепада. Под скалами — отвоеванные у моря пляжи, такие маленькие, что на них могут поместиться не более тридцати человек, ровно столько, сколько отдыхающих в расположенных там же пансионатах.

Впечатляет органичное слияние старой и новой архитектуры, высокая культура строительства.

Уезжаешь из Кастьере Амальфитана с мыслью о том, что надо непременно вернуться в Сорренто, но уже с детьми, внуками, чтоб приобщить их к красоте, свидетельствующей о величии человеческого разума и духа.

* * *

После концерта в Бибионе газета «Венеция» в рекламной статье сообщала, что жители Венеции и туристы из разных стран завтра на площади Сан-Марко станут свидетелями большого события — после трехлетнего перерыва грузины вновь покажут венецианцам, тонким ценителям искусства, грузинские народные танцы и песни, равные которым трудно найти в мировой фольклористике.

* * *

Гонорар от концерта в Мачерата «руставцы» перечислили в фонд помощи больным детям. После концерта ко мне подошла молодая женщина и попросила назвать имена двух участников ансамбля — мужчины и женщины. В знак благодарности она решила назвать своего будущего ребенка грузинским именем. Я выбрал для нее четыре имени: Мариам, Нино, Георгий и Гела.

Вдруг она родит двойню — двух мальчиков или двух девочек... Итак, через несколько месяцев в Мачерата родится новый человек и мать назовет его грузинским именем. Пожелаем же ему мира и благоденствия...

* * *

Газета «Сичилия» в статье «Грузия, стоящая на кончиках пальцев» писала: «Ошибалась Айседора Дункан, думая, что танцевать на кончиках пальцев в пуантах можно только в классическом балете, да и то только женщинам. И действительно, вряд ли могла представить себе эта блистательная, яркая балерина, внесшая огромный вклад в развитие классического танца, ярая антиконформистка и противница всего нового в балете, что грузинские народные танцы с их древнейшей и совершеннейшей танцевальной формой, безгранично богатой традицией родились намного раньше, чем классический балет».

* * *

И вновь выдержки из газеты «Сичилия». «Мы увидели чудо. Искрометные танцы на кончиках пальцев, множество сложнейших элементов — результат сверхчеловеческих усилий и невероятной выносливости. Танец постепенно усложнялся, и предложенный исполнителями темп околдовал зрителей. Танцоры парили в воздухе, затем падали на кончики пальцев, вновь взлетали, пулей отрываясь от земли. Вибрирующий и головокружительный ритм, в котором виртуозно танцуют сильные и ловкие мужчины, производит огромное впечатление...»

«Овации, добытые саблями и кинжалами», — писала газета о танце воинов «Мхедрули».

«Мхедрули» потряс зрителей, затаив дыхание, следили они за ловкими движениями танцоров, в бешеном ритме скреживавших в воздухе сабли. Также было при исполнении «Парикаоба». Женщины на редкость кротки, их движения плавны и сдержанны. Если мужчины олицетворяют в танце мужест-

венное, рыцарское начало, то женщины, наоборот, вносят спокойствие и умиротворенность, а все это вместе создает удивительную гармонию и цельность...»

* * *

«Замечательное грузинское искусство содержит в себе лучшие элементы искусства Азии и Европы», — писала одна из газет. В другой статье под заголовком «Средневековые рыцари — сегодня» автор сообщал: «Сегодня на сцене было плохое освещение, но их виртуозные танцы и песни освещали зал, они создавали непринужденную атмосферу. Грузинские женщины не нуждаются в освещении, они сами озаряют все вокруг себя».

О выступлении в театре «Метрополь» в Катании газеты сообщали: «У певцов необыкновенно теплые и выразительные голоса. Создается впечатление, будто поют не семь, а двадцать человек. Зал щедро награждает певцов оглушительной овацией и одобрительными возгласами. Мы особенно благодарим за последнюю, неаполитанскую песню. Показали свое мастерство и итальянцы, но давайте не будем сравнивать их с грузинами, будем считать, что итальянцы просто благословили и уступили сцену сынам солнечной Грузии, с которыми мало кто сможет соперничать».

Газета «Терни» писала: «Грузины, танцующие с саблями в Европе, покорили жителей Терни виртуозным профессионализмом. Во время исполнения танца с саблями лишь благодаря высокому профессионализму удается избежать серьезных травм».

А вот выдержка из газеты «Фолиньо»: «Грузины произвели более сильное впечатление, чем артисты из Братиславы... Жители Терни не видели такого чуда».

* * *

Флоренция... С моста мы смотрим в реку, где стайками проплывают серебристые форели. Один из итальянцев бросает в воду сухарь величиной с теннисный мяч... и начинается настоящее состязание, известное у нас под названием «лелобурти». Одна из форелей с силой выбрасывает вперед сухарь и несется за ним, следом устремляется караван рыб, вот они, разделяясь на две стайки, обходят обладательницу сухаря с двух сторон, и «мяч» уже у другой рыбы, и она тоже несется вперед, за ней устремляются остальные. Но самое неве-

роятное вот в чем — с обеих сторон, чуть поодаль, плывут «большельщики», они поменьше размером, временами от восторга они начинают трепыхаться, и тогда поверхность воды серебрится и сверкает под лучами солнца. Крупные и сильные рыбы продолжают борьбу. Внезапно форель с красными крапинками отделяется от остальных: вот она с силой выбросила «мяч» вперед, бросилась за ним, схватила его и нырнула. Остальные рыбы — с черными крапинками — сбились в кучу, но, обнаружив сухаря, собрались было «разойтись», как вдруг появилась новая рыба, подплыла к стайке, что-то ей сообщила, и все разом исчезли под водой. Через секунду та самая форель с красными крапинками уже плыла впереди стайки со своим «мячом», а остальные, гонясь за ней, пытались отобрать его. Форель с красными крапинками внезапно развернулась, рассекла стайку надвое, вильнув хвостом, сделала обманное движение, выпрыгнув наполовину из воды, будто собиралась плыть вниз по течению, но, повернувшись, поплыла против течения, не выпуская трофея, еще раз выпрыгнула из воды, сверкнув на солнце серебристым телом, украшенным красными пятнами, нырнула и исчезла с глаз... Рыбы, оставшись ни с чем, вновь собрались под мостом в ожидании нового соревнования.

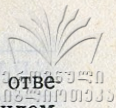
* * *

Просматриваем свежую прессу. В центральной газете «Мессаджеро» («Курьер») набрано крупным шрифтом: «Нинетту убили». Кто такая Нинетта и кто ее убил? Оказывается, Нинетта — это медведица, у которой на лапе началась гангрена, лечение было безуспешным, и ветеринар вынужден был усыпить ее. Газета обвиняла в случившемся директора зоопарка, считая, что он должен был поехать в Англию и проконсультироваться с научным советом лондонского зоопарка, тогда, может быть, и удалось бы спасти Нинетту.

* * *

Из горной деревушки Пьеде-Луку мы поехали в Терни. Секретарь общества профессор Джорджо Бергамини, у которого много друзей в Советском Союзе и в числе их — Василь Быков, пригласил нас к себе. Сам профессор утверждает, что Василь Быков ему не друг, а брат.

В одиннадцать лет Джорджо Бергамини уже был партизаном и боролся против фашизма. Фашисты, схватив его, жестоко пытали, но он так и не выдал своего старшего брата...

* * *

Почти все наши концерты начинались с вопросов и ответов. Мы рассказывали итальянцам о Грузии, о ее прошлом, настоящем, о ее завтрашнем дне...

12 августа «Рустави» давал концерт в Фолионьо, куда из Рима специально прилетел генеральный секретарь Общества «Италия — СССР» Винченцо Корги.

* * *

В Италии поют все, абсолютно все, но я не знал, что там поют и звери. Помните, в «Витязе в барсовой шкуре» звери выходили слушать песню Автандила. А в Италии, оказывается, поет волчица. Мы — в городе Канталупа, что означает «поющая волчица». Легенда гласит, что волчица после долгих поисков нашла своих пропавших волчат в окрестностях этого города. От радости она протяжно заголосила, а людям почувствовалось, что она поет...

* * *

Город Новара, последний плацдарм «Рустави», находится на границе Ломбардии. «Руставцы» настроены больше на возвращение домой, чем на проведение концерта, они, конечно, очень устали, ведь до поездки в Италию ансамбль два месяца гастролировал в России.

В Новаре мы встретились с бывшими итальянскими партизанами. У Резо Табукашвили в Италии, наверное, не меньше друзей-партизан, чем было у Ковпака на Украине...

На следующий день партизаны повезли нас в Арону, на могилу Форе Мосулишвили. Там же похоронены тбилисец Степан Бондаренко и итальянские герои. Над красивейшим озером Лаго Маджоре гордо возвышается Стреза, гора, где погиб прекрасный и непреклонный, как сама Стреза, Форе Мосулишвили. Мы возложили цветы на любовно ухоженные могилы. Наши певцы спели старинный хорал и «Шен, бичо Анагурело» («Парень из Анагури»).

* * *

Нам посчастливилось познать гармонию, рожденную совершенством. Мы прощаемся с Италией и возвращаемся на Родину. словно колокольный звон Санта-Марии, звучат слова: бонджорно, бона сера, грация...

Здравствуйте, добрый вечер, спасибо...

Италия, 17 июля — 17 августа 1986 г.

Наталья КАВЕЛАШВИЛИ

ДОРОГОЙ ПАМЯТИ ИДУ К ТЕБЕ...

...Выйдя из самолета и ступив на трап, я вдыхаю, Тбилиси, долгий глоток твоего воздуха. Спускаюсь по трапу на древнюю землю, спящую под бетоном. В бестолковой сутолоке аэропорта, подчиненной капризам расписания, меня встречает многоликость наций и многоязычность речи. Аэропорт — стеклянный дом судьбы, бросающий под ноги каждому клубок дорог, по которым разносят нас железные птицы. А в конце пути нас ожидает точно такой же стеклянный дом — все то же, меняется лишь вывеска названия. Может быть, специально все аэропорты похожи друг на друга, плотно прижатые к земле приземистостью стеклянного куба? Или это символ возвращения к земле вопреки надежде, высоко парящей в небе? Удивительно звучит — «зал ожидания». Ожидания чего? Возможно, того, к чему стремится каждый из нас, покупая голубой лоскуток бумаги?..

И вот уже сам Тбилиси встречает меня. Город просыпается рано утром от металлического звона, производимого вестниками чистоты — мусорщиками. Разбуженные им, появляются из домов тбилисцы в спешной маскарадности утренних одежд. Выбрасывается вчерашний мусор, и начинается новый день. И вот уже по узким ручейкам улиц спешат люди на работу, вливаясь в потоки проспектов. Машинное разноголосие наполняет город гудками и скрипом тормозов, сопением автобусов и медленным покачиванием троллейбусов.

Улицы и проспекты тесно обступают меня. Я неспешно иду по знакомым дорогам памяти. Золотая листва кленов шуршит под ногами на осенней дороге в школу. На едином вздохе преодолевается крутой подъем Варазисхеви, ведущий к университету. О чем-то тревожно вопрошает сердце, рассыпая дробь каблучков по дороге любви. Тихи и поспешны шаги тайного свидания, украдкой пробирающиеся по залитой дождем улице. Я прислоняюсь к домам, сохранившим в глубине стен мой прежний облик, и вслушиваюсь в себя, с радостью убеждаясь, что живо во мне воспоминание о тех прошлых днях, когда, счастливая и несчастливая, бродила я по милым улицам родного города. Прошлое не умирает, оно лишь замирает на время, готовое мгновенно откликнуться по малейшему зову.

Все дороги города ведут к реке, рассекающей Тбилиси на две половины. Мосты — покорно сплетенные руки берегов — соединяют правое с левым в единую неделимость. Серая лента Куры, обретая внезапное спокойствие у стен древнего Метехи, в начале начал, плавно и медленно извивается под простертой в благословении каменной рукой Вахтанга Горгасала — основателя Тбилиси. Его благословляют ушедшие века. Старые шершавые стены — голограмма памяти веков, прошествовавших над тобой. Прикоснись к ним ладонью и услышишь шаги минувшего.

«Новая» старая часть города, раскинувшаяся вокруг храма Сиони, радует глаза красочностью, но... Причесанная старина красива новизной. Это прекрасная достопримечательность, но, радуя глаз, она потеряла запах времени и стала обездушенной красотой, украшающей город. Старому лицу, прекрасному следами воспоминаний, не нужна косметика. И все же я радуюсь новизне старого, хотя бы потому, что не будет она сметена с лица города, не умрет, стиснутая безликими небоскребами. А новые краски тоже когда-нибудь потускнеют, для этого нужно лишь время.

Всегда и во всем — борьба и единство нового и старого, прошлого и будущего. Новые кварталы — марш обыденный и брагурный, пока не обретший прошлого. Старый город — печальная мелодия ушедшего. Отзвучав, она продолжает звенеть и будет петь всегда. Он населен призраками прошлого и привлекает нас, реальных и настоящих, отзвуком, отголоском, впечатком.

Коснись, как струн, стен старых домов, пройдишь смыч-

ком по улицам, мягко перебери клавиши мостов, и запоет горд свою мелодию — бережно хранимую вибрацию веков.

Как много мест определяют лицо города, которому свойственны радости и печали! Рано или поздно в понятие родных мест, таких, как дом, улица, школа, входит и кладбище. С определенного момента жизни человеку небезразлична эта святая земля, в которой покоятся его близкие.

В Грузии принято чтить могилы, водить на кладбище детей, поминать близких трапезой. Дети получают здесь первый урок жизни, а скорбь, пусть даже мимолетная, очищает душу. И живешь дальше, принимая и понимая естественный закон природы.

Иногда из нашей деревни Зедубани приезжала к бабушке ее золовка Вера, Веричка-бицола¹, как ее ласково называли у нас, несмотря на весьма преклонный возраст. У Верички-бицолы от тифа погибли взрослые сын и дочь, и хотя с тех пор прошло много лет, мать всегда приезжала в Тбилиси на могилу своих детей, как на свидание с ними. Она привозила из деревни вкусные хачапури и лобиани, яблоки, груши и виноград. Бабушка и Веричка-бицола собирали нескольких ребят с нашего двора, и все мы шли на кладбище. Не зная тех, кто покоился там, мы детски печалились, понимая невозможность для них ни этого солнечного дня, ни путешествия по шумному воскресному городу, ни вкусного угощения, которое бережно несли две старушки. На могиле Веричка-бицола сначала тихо плакала, и слезы быстро и привычно текли по ее лицу. Но стоило только кому-то из нас начать всхлипывать, как она поспешно вытирала слезы, стелила на дорогую ей землю скатерть и раскладывала угощение. Глядя на то, как мы едим и как постепенно становимся шумными и непоседливыми, она получала нужное ей успокоение. Все правильно — жизнь продолжалась пусть не в ее детях, но в детях человеческих.

Буйная зелень кладбища созвучна в душе слову сад. В Тбилиси есть прекрасный Кировский парк, где по прямым аллеям бегают дети, где слышны их веселые голоса. Это бывшее кладбище. Действует древний закон, помогающий жить, — кладбище всегда будущий сад. Не страшно умереть, если знаешь, что по земле будут бегать быстроногие дети, что над миром не замрет детский смех, что жизнь вечна.

Летит время, меняются наши представления о жизни и

¹ Бицола — жена дяди.

смерти. С годами начинаешь понимать то, что казалось незбылемым когда-то. И теперь понимаю я, что самый вечный памятник ушедшим — наша память и любовь, растворяющаяся в воспоминаниях.

У города есть и щедрое лицо — базары. В Тбилиси много базаров, и о каждом можно написать целую книгу. Но в жизни бывает так, что и базар выбирают для себя один, хоть и признавая другие, преданно посещают его всю жизнь. В городе, где все серо от асфальта, где земля прикрывается городской запыленной зеленью, встреча с базаром — свидание с первобытностью природы. Здесь плоды земли манят и обещают. И что такое по сравнению с этим великолепием деньги — истасканные символы богатства, которыми мы расплачиваемся за измену земле?

Моя семья по территориальному расположению и по сердечной склонности выбрала базар со смешным названием «Дезертирка», ныне переименованный в торжественно звучащий «Центральный колхозный рынок». Но никто не скажет «иду на Центральный колхозный рынок», все говорят «иду на Дезертирку». Когда-то давно я знала, почему мой базар называют так, но прошли годы и я позабыла ту старую историю, помню только, что это как-то связано с первой мировой войной.

Я всегда стараюсь найти на базаре хотя бы одного старого настоящего крестьянина. Это значит, что у него лучистые и добрые глаза, сильные мозолистые руки, загорелое и обветренное лицо и голова обязательно покрыта черной грузинской шапочкой. Это образ потомственного крестьянина, не мыслящего жизни вне земли, неспособного оскорбить и обвешать, потому что чувствуется в нем гордость за свой труд, за щедро дарящую землю. Вот такого старика полюбил мир в фильме «Отец солдата» — старика, охраняющего природу, как собственное дитя.

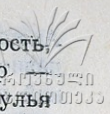
Базар шумит, колыхаясь волнами голов и голосов. Здесь можно услышать все наречия Грузии и все языки Союза. Базар — это великая академия, где познаются истинность ценностей, знание языков и дипломатия поведения. Удивительно, что базары разных городов окрашены в собственный, только им свойственный цвет. Многокрасочность базара в восприятии сливается в доминирующий цвет. Так, например, в Самарканде базары желтые от знойного солнца и сладости дынь. В Грузии, на моей любимой «Дезертирке», главенствует зеленый цвет — цвет зелени, весны, пробуждения,

святой цвет винограда. Вечная лоза на земле, на гербе и в сердце.

Горделиво шелестит листва, приветствуя красоту женщины на европейски-галантном проспекте Руставели. Я вслушиваюсь в звуки нестройного оркестра улицы, наполняющего воздух разноголосицей клаксонов, неритмичной поступью шагов и хором неслившихся голосов. Перебираю воспоминания в памяти, задумчиво и бережно, так, как перебирают руками четки, молясь богу неторопливости. С каждой бусиной я ухожу все дальше в прошлое, вспять текут мои года, отзвуком прошедшего баюкая и успокаивая меня. Я приближаюсь к самому дорогому и горькому, что есть в моей жизни. Я приближаюсь к дому, которого больше нет. Нашего дома нет, хотя сам дом стоит на прежнем месте. Я украдкой подхожу к нему, трогаю знакомые стены, вдыхаю запах подъезда, заглядываю в окна и с горечью вижу чужой дом. Мой дом остался лишь в памяти зрительным и осязаемым реальным образом. Я закрываю глаза и вижу скамью в саду под дождем, ощущаю запах дождя и запах дома. Когда-то давно я любила смотреть с нашего старого, неремонтированного деревянного балкона на эту скамью под дождем, словно неосознанно накапливая впечатления, помогающие мне жить теперь. Я помню скрип половиц дощатого пола, голос каждой двери в доме и чуть слышное потрескивание старых стен. Теперь мой балкон залит современным бетоном, паркет перестелен, двери заменены. И дом умолк, молчанием отвечая новым жильцам, не пережившим еще в нем рождения и смерти, сменятся поколения, прежде чем дом станет по-настоящему их домом.

Удивительнее всего то, что я смутно помню обстановку комнат и отчетливо помню дождь, лучик солнца, дрожащий на листе винограда, обнимающего балкон, кусок фанеры, прикрывающий дыру в полу, загадочную таинственность подвала и чердака. Как часто мы принимаем ложные ценности за истинные, разменивая жизнь в погоне за ними, а живем, храня воспоминание об отзвуке, отголоске, отпечатке.

В Тбилиси первым воспитателем является двор, который продолжает учить до конца жизни. Главным уроком, преподаваемым во дворе, является интернационализм. Хочешь весело играть — люби и принимай все нации, населяющие двор. Двор учит уважению к старости и доброте к юности. Все дети двора — общее достояние всех взрослых, и чужая мать, или не мать вообще, запросто может велеть сбегать в магазин за хлебом, солью, спичками. Дети повинуются, воспитаны-

вая в себе услужливость, улыбаются, излучая приветливость, плачут и грустят, познавая сострадание. Тбилисский двор — органичное продолжение квартир, здесь часто стоят стулья разных мебельных гарнитуров, принесенные взрослыми любителями игры в нарды. Здесь проветривают постели и выбивают ковры, празднично увешивая ими двор. Здесь сообщают радуются рождению и печалются о смерти. Здесь дружат, любят, ссорятся и ненавидят. Двор — модель жизни, а детство — генеральная репетиция перед вступлением в нее.

Магазины игрушек есть во всех городах мира. Разноцветные руки детей тянутся к полкам, уставленным сокровищами, а глаза хотят иметь и владеть всеми богатствами мира игрушек. В детстве можно иметь все — минимашину и миниребенка, ласкового тигра и покорную лошадку, дом и все мыслимые средства транспорта от железной дороги до самолета. К сожалению, от этого всемогущего владычества в жизни остаются лишь воспоминания, связанные с детством. Мы любим и помним детство, в котором все можем и все имеем. Женщина, сохранив воспоминание о кукле, которую ласково баюкала, сохранит нежность ко всему маленькому и беззащитному. Мужчина утешится воспоминаниями о машинах детства, на которых объездил мир игры. Всем дорога ушедшая пора детства, кажущаяся счастливой нереальностью из суматошности накопившихся лет.

Игрушки радуют и нас, взрослых: покупая их детям, мы еще раз прикасаемся к недостижимости детства, навсегда ушедшего от нас.

Царство игрушек видоизменяется вместе с временами года и развивается вместе с прогрессом, охватившим мир. Встречает зиму стеклянной хрупкостью невообразимой красоты елочных украшений и встречает время усложненными моделями конструкций и аппаратов, зачастую перешагнувших реальность. Дети учатся владеть роботами, ракетами и луноходами нашего будущего. Незаметно обретает реальность страна-фантазия, подчиняясь нетерпеливым прикосновениям детских рук.

Что такое счастье, я узнала в игрушечной секции старого универмага, на углу улиц Марджанишвили и Камо. Какой магазин затмит мое воспоминание о старом четырехэтажном здании с настежь распахнутой стеклянной дверью, с особенным запахом опилок, рассыпанных под ногами многочисленных покупателей.

Волшебный день наступал с приездом маминого брата

Акакия из далекого Иркутска. Дядя служил в Иркутске давно и раз в год приезжал в отпуск на родину. Дядя Акакий ежегодно совершал удивительно прекрасный ритуал, ставший традиционным: он брал меня за руку и приводил в старый универмаг. Там, стоя рядом со мной перед секцией игрушек, он ласково и застенчиво говорил волшебные слова: «Выбирай, что хочешь». Он смотрел на меня, гордый недолгим могуществом над миром, не зная, что с тех пор стал для меня самым лучшим и добрым человеком на свете. Именно тогда я поняла, что счастье — это возможность через несколько мгновений исполнить заветное желание, и что ощущение счастья охватывает именно в эти мгновения перед исполнением. Счастье — преддверие исполнения, отделенное от него секундами. Исполненное желание дает покой, радость и чуть приметное сожаление о быстро промелькнувших минутах счастья.

Подсознательно чувствуя все это, я долго стояла перед полками, не желая ничего выбирать. Я наслаждалась и насыщалась своим могуществом и этими неповторимыми минутами, когда мне все было доступно. Выбирала я обычно что-то незначительное. Прошли годы, я не помню тех подарков, даже не помню, что это было — куклы, посуда или что-то другое, помню лишь те минуты счастья, которые дарил мне мой дядя Акакий, мудрейший человек на земле.

Самое лучшее, что может сделать человек человеку, это одарить его не вещью, а ощущением. Теперь я знаю магическую формулу счастья, которая, к сожалению, возможна лишь в детстве. Проходят годы, и порою приходится выбирать то, что дает жизнь и судьба. Мне хочется верить, что когда-нибудь, через века, мир скажет человеку: «Выбирай, что хочешь», и счастливый человек выберет любовь, здоровье и доброту.

Словно в полете сна, я незримо парю над городом, терпеливо ожидая вечера с его волшебством искусственных огней, рассыпанных над Тбилиси. Наступает вечер, но не распахиваются железные ворота старого сада со смешным и непонятым названием «Гофилект», закрытого по чьей-то равнодушной прихоти. Не распахнутся двери в сад моего детства, который так много значил для тбилисцев. Как хочется побродить по песчаным дорожкам, увидеть вековые деревья, замершие в полутьме аллей, и снова прийти на таинство вечернего летнего кинотеатра, дарящее иллюзию фильма под веч-

ной реальностью звездного неба. Сейчас пройти по «Гофилекту» возможно лишь в воспоминаниях людей, чьими шагами и прикосновениями наполнен уснувший сад.

Шумит город, вовлеченный в водоворот современности, звенит ветер, запутавшись в проводах и антеннах. Фонари, обокрав укромность, не дают улицам уснуть. Я баюкаю в ладонях ночной Тбилиси и тихо говорю:

— Ты рационален и современен, но для меня... Для меня ты существуешь в трех измерениях — прошлом, настоящем и будущем. Я преклоняюсь перед твоей стариной, люблю тебя настоящим и радуюсь твоему будущему. И опять во всем трюйственность и триединство... Самеба...

Храмы, символами веры разбросанные по земле, стали памятниками прошлого в бесконечном потоке времени. Для них все было и все прошло. Было и прошло время, когда они утешали, исцеляли, давали знания и защиту от набегов врага. Теплятся в них свечи, зажженные перед иконой, — страданием, распятым на доске. Теплятся свечи, тихо угасая в сиянии электричества и неона. Когда-то храмы были самыми высокими зданиями земли, когда-то с колокольной бросился человек вниз, пробуя искусственные крылья.

Высоко над храмами летят самолеты с вечно спешащими по делам людьми. Молчаливые и горестные стоят старые стены, не понимая и не принимая отречения человека. Купола храмов, словно ладони, сомкнутые для молитвы, все так же просят о чем-то равнодушное небо. А человек не отрекся, он просто несется в потоке жизни, скоростью обгоняя время. И заходит он в храм не для молитвы, а для почитания истории своего народа.

Храмы Грузии — гордые птицы, опустившиеся на землю. Смотришь на них и слышишь не протяжный звон колоколов, не скороговорку молитв, а величавую песню о черной ласточке, летящей в небе. Прекрасная песня гордого народа, кровью окропившего свою маленькую землю во имя свободы. И земля родила лозу...

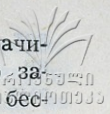
Окаменевшие листья винограда затейливым орнаментом обнимают храм Светицховели — животворящий столп. Когда грузин произносит святыя слова — Мцхета, Светицховели, Шио Мгвиме, лицо его светлеет от свечи, зажженной в душе во имя истинной веры — памяти предков.

Отправлялись мы во Мцхета на автобусе, путь был неблизкий, и всегда брали с собой еду. Обычно это бывало

весной и еда была соответствующей — сыр, тархун и грузинский хлеб. И теперь оживает во мне вкус и запах нехитрой трапезы на зеленой траве у храма Светицховели. Вкус и запах — мое ощущение от паломничества детства. С тех пор я много раз бывала в Светицховели, мы ездим туда на автомобиле в компании друзей. И всегда краем глаза вижу странное трио, мирно сидящее на траве. И всегда во рту — горький привкус тархуна и зрелости, заслонившей детство.

В монастырь Шио Мгвиме надо долго ехать по узкой дороге, петляющей в горах, затем подниматься пешком знойной тропой, усыпанной острой щебенкой. Подниматься, чтобы прикоснуться к прохладе монастыря, прильнувшего ко дну пропасти. В тот момент, когда после долгого подъема приходишь к Шио Мгвиме, не понимаешь, что ты на дне пропасти, только видишь величественные скалы, застывшими волнами взметнувшиеся к небу.

Однажды друг нашей семьи пригласил маму, тетю и меня на прогулку. Мы долго ехали на его машине по ровной асфальтовой дороге. Въехали и обогнули какое-то село. Я не помню названия села, помню лишь место, у которого мы оставили машину. Это был старый покинутый дом в тени огромного орешника. В нем скрипуче пели ставни слепых окон и лучи солнца страшно бродили по ветхости и запустению. Мы невольно заговорили тише, словно боясь разбудить призраки, населяющие дом. Потом мы долго шли через поле и лес, дорога незаметно уходила вверх, не очень круто стелясь под ногами. Мы шли, не зная цели путешествия и заранее готовясь к чему-то необыкновенному. Лес становился все гуще, а лицо дяди Лео все таинственнее. Вдруг он, как фокусник, раздвинул перед нами ветки кустарника и мы увидели, что стоим на вершине горы, а под нами в пропасти, распластанный на земле, как человек в самозабвении молитвы, лежит Шио Мгвиме. Это было чудо, и мы долго стояли молча, потрясенные увиденным. Я вспомнила недавнюю экскурсию и свой изнурительный подъем к монастырю, сравнивая его с этой приятной неспешной прогулкой по лесной прохладе. Значит, можно бесконечно подниматься ко дну пропасти и можно незаметно взойти на вершину, глядя на прильнувшую к земле цель былого подъема. Это моя Грузия учила меня мудрости, утешая в том, что притаилось в неизвестности будущих лет. И теперь, когда, выбиваясь из последних сил, я карабкаюсь к цели, мне всегда вспоминается Шио Мгвиме и я смотрю вверх, зная, что где-то есть место, отку-

да я кажусь букашкой, ползущей по дну. Напрасно растрочивая жизнь в достижении иллюзорных вершин, мы порою забываем об единственно достойном подъеме, скрытом в беспредельности нашего совершенства. Подниматься душой труднее, чем механически переставлять ноги по ступенькам жизни.

Над Тбилиси парит святая гора Мтацминда, на которой расположен пантеон. Здесь, под сенью храма, покоятся знаменитые люди Грузии. К пантеону надо подниматься пешком. Чтобы поклониться, надо устать. Поклониться надо могилам великих грузинских писателей и поэтов, и поклониться надо могиле Грибоедова, обретшего покой в грузинской земле. Над могилой витает прекрасный образ жены Грибоедова, юной Нины Чавчавадзе, которая в удивительных словах воплотила плач вечной разлуки с любимым: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя». Видимо, для того, чтобы многие поколения людей учились любви и верности, глядя на скорбную фигуру мраморной женщины, обнявшей надгробие. Для того, чтобы горе от ума стало горем сердца каждого, пришедшего сюда.

Звонит колоколами русская церковь, торжественно звучит орган в католическом костеле, безмолвно таинство еврейской синагоги, и над всем гордое многоголосие грузинских молитв. Уходят религии, остаются люди, остается город и храмы его, затаившие в стенах прошлое.

На земле всегда есть место, в котором истоки твоего рода. Для моей семьи это Зедубани — маленькое селение, затерянное в горах Имерети. Здесь жили прапрадеды и прадеды, отсюда ушли деды, спустившись на равнину. Деда ушли из жизни, оставив в душе внуков любовь к покинутому селу. Мне было одиннадцать лет, когда я побывала в Зедубани первый и последний раз. По горным тропам машина привезла нас к определенному месту, откуда надо было добираться пешком. Мы шли по висящему над пропастью мосту, раскачивающемуся под ногами. Бабушка шла не со мной, она шла со своими сверстниками, покинувшими ее много лет назад. Она шла, разговаривала с ними, смеялась и иногда тихо всхлипывала. Я, недоумевая, шла рядом с ней, крепко держась за ее руку, не зная еще, что в жизни нам часто сопутствуют незримые призраки, обретающие реальность в особо памятных местах. Бабушка шла навстречу своей молодости, и я молча наблюдала чудо ее перевоплощения. С каждым шагом прямее делалась ее спина, моложе блестели глаза, и

вот уже по лицу бродит улыбка прежней застенчивой девушки. Удивительное началось с первой изгороди села и с первых зедубанцев, встреченных нами. Звонким молодым голосом бабушка здоровалась с ними и представляла меня, и оказывалось, что я не чужая здесь, все знают о моем существовании, несмотря на то, что я живу в далеком Тбилиси. Нас приглашали, просили зайти, но бабушка, подчиняясь неведомой силе, шла к своему дому. Она долго стояла у ворот, глядя на пустынный двор, и наконец устало отворяла калитку. Видимо, при возвращении в отчий дом всегда невольно надеешься на чудо, на всеильность стен, породивших тебя. Надеешься увидеть не пустой, а шумный двор, наполненный голосами и лицами давно ушедших в небытие людей. И когда понимаешь иллюзорность надежды, усталой рукой открываешь калитку, заполняя пустоту своим одиночеством.

Мы обогнули дом и попали в шумные объятия Верички-бицолы, мгновенно захлопотавшей в желании накормить и напоить. Мы вошли в прохладные тихие комнаты с потемневшими от времени деревянными стенами; бабушка захотела остаться одна и отослала меня во двор. Уходя, я оглянулась и увидела, как она быстрыми шагами ходит по комнате, ласково трогая стены и вещи. Она что-то шептала, но я тихо притворила дверь, заглушая в себе нескромность любопытства. Я вышла в залитый солнцем двор. Легкий ветерок, словно узнавая, ласково шевелил мои волосы, и я смело вошла в темноту сарая, откуда доносился вкусный запах пекущегося хлеба. Веричка-бицола, наклонившись над круглым отверстием тоннэ, пекла нам хлеб, утирая слезы радости, вызванной нашим приездом. Я замороженно смотрела на проворные руки, достающие хлеб, казалось, прямо с углей. После городской стеклянной клетки булочной было упоительно наблюдать рождение горячего хлеба. Потом мы пошли за вином, которое в Грузии хранят в больших глиняных сосудах «квеври», зарытых в землю. Мы стали на колени перед заветным местом, Веричка-бицола осторожно разгребла землю, отодвинула глиняный круг, сняла две деревянные половинки крышки и дала мне заглянуть туда, где из земли темно поблескивала гладь вина, проснувшегося от лучей солнца. Мы зачерпнули вина, перелили его в кувшин и бережно закрыли горлышко гигантской бутылки. В бабушкином доме все, начиная от горячего хлеба и прохладного вина, было первозданно, так, как и должно быть у чистого истока, незамутненного шумом и пылью большого города.

Довольно быстро я подружилась с босоногими деревенскими мальчишками и девочками, с любопытством взиравшими на тихую городскую девочку. Они смеялись, глядя на мой восторг перед всякой живностью, населявшей двор Верички, забавлялись, когда я ласкала теленка и становилась на колени от немногого восторга перед хрюкающими комочками поросят. Я прощала им этот смех непонимания, им, родившимся в этом благословенном краю гордых гор, среди виноградников и полей, им, с малолетства привыкшим к неизменному присутствию домашних животных. Они научили меня делать куклу из початка кукурузы, перелезать через изгороди, не боясь колючек, бесстрашно стоять над пропастью. И очень скоро я, скинув сандалии, босая и растрепанная, бегала с ними по проселкам Зедубани. Я вместе с ними носила тяжелый кувшин с водой с родника, послушно выпрямляя спину под их властные окрики. Я выучила и вместе с ними распевала прекрасные грузинские песни...

Но больше всего я полюбила виноградник, прилепившийся к склону горы. Старые лозы с неспешно зреющим виноградом в гордом усилии припали к земле, стараясь удержаться на крутом склоне. Землю виноградника покрывал стручковый ковер лобии, словно брошенный под ноги лозам. Меня привел на виноградник сосед Верички-бицолы — дед Кола, который вместе с ней обрабатывал непокорную землю виноградника. Он ходил рядом со мной, изредка наклоняясь к лозам и шепча им что-то тихим старческим голосом. Коричневыми от загара руками ласкал зреющие кисти, не решаясь сорвать мне угощение. Сорвал самую спелую кисть, бережно, словно священнодействуя, протянул мне аккуратную гроздь золотисто-зеленых ягод. Я жмурилась от удовольствия и солнца, медленно смакуя сладкие бусины. С той поры виноград стал для меня самым святым плодом земли. И с тех пор, покупая виноград, я бережно беру тяжелые кисти, невольно повторяя движения рук деда Кола из моего счастливого зедубанского лета.

Прошло лето, мы уезжали. Я расставалась с друзьями, вновь превращенная в чинную городскую девочку с заплетенной косой и в белых сандалиях. Обещала вернуться на следующий год, искренне веря в невозможность разлуки. Так получилось, что я больше никогда не была в Зедубани, и может быть, потому так четко и осязаемо живо во мне воспоминание о каждом дне того удивительного лета на земле моих предков.

Георгий МЕРКВИЛАДЗЕ

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ

(Из опыта грузинского советского романа)

Анализируя и оценивая многонациональный опыт советской литературы, сегодня уже можно говорить об определенных новаторских тенденциях пространственно-временного художественного осмысления современной действительности. Дело не только в том, что действительность представляет материал, лежащий в основе творчества, но и в том, что она диктует необходимость новой композиционно-сюжетной системы. Если верно положение о том, что художественное время и художественное пространство — это олицетворенная в образе (стало быть, в конкретном сюжете) самостоятельная художественная действительность, то раскрытие характера нашего современника, как и осознание прошлого, требует новаторского подхода к отображению всей истории и деяний личности.

Новаторский характер советской литературы определен «новой правдой» о человеке, о его временном бытии, потребовавшей заметного отхода от традиционных моделей. Художественный образ по сути своей историчен, ибо представляет собой отражение конкретного временно-исторического быта, накладывающего отпечаток на социально-психическое

34935340
3033010000

состояние героя. Это — новый духовный мир, новая психическая организация, «расщепление» которых требует иного стадийного освоения, иного ритма и динамики.

Все это с особой силой дало о себе знать еще в «Тихом Доне», где событийное время и художественное пространство получили многоплановые социальные наслоения и совершенно новаторски была решена проблема сюжета. Сюжет здесь представлен как история личности и всего народа, приведенного в движение народной революцией. Здесь не только герой — активный участник истории, но и масса выступает в роли летописца.

Такое подчеркнутое акцентирование масс и определяет в первую очередь новаторский характер советского романного эпоса, его сюжета и композиции.

В грузинской советской романистике принцип многоплановости эпического времени как движения целого народа сложился в определенную эстетическую концепцию в 20—30-х годах в романах К. Гамсахурдиа и М. Джавахишвили, являвших собой первый значительный опыт нового типа пространственно-временного реалистического изображения. Пространственный и временной планы романов «Похищение луны» и «Арсен из Марабды» отражают переломные этапы в жизни народа, показывая именно его коллективные деяния. Вместе с тем, широкий временной аспект потребовал, в частности в «Похищении луны», разворачивания событий одновременно на нескольких участках национальной жизни, а также вне ее, но основным сюжетным стержнем все же остается определенное, конкретное национальное художественное пространство.

Углубленный анализ национального феномена, акцентирование сложных психических состояний личности, сочетание ее конкретно-социальных интересов с ее же глобальными обязанностями обусловили новые срезы в рисунке, отражающем тип человеческого существования.

Примером такого качественно нового подхода к осмыслению художественного времени наших дней наряду с общепризнанными произведениями Ю. Бондарева, В. Распутина или Ч. Айтматова я могу назвать романы современных грузинских писателей К. Лордкипанидзе и О. Чиладзе — «Волшебный камень» и «Железный театр». В первом из них максимальное расширение рамок художественного времени и пространства продиктовано эволюцией всей послереволюционной действительности вплоть до наших дней, а целый цикл

чередований временных моментов во втором определяет степень ретроспективного подхода автора к действительности. «Железный театр» — типичный пример, подтверждающий тяготение современного грузинского романа к тенденции ретроспективности, продиктованное необходимостью расширения именно пространственного времени для многопланового разрешения жгучих проблем современности. Но об этом — чуть ниже.

Как уже было сказано, художественное осмысление современности в ее пространственно-временном объеме потребовало новых форм мышления и, соответственно, новых стилистических приемов. Художественный образ, несущий черты своего времени и пространства, включающий в себя и мировоззренческую концепцию писателя, в своей реализации потребовал расширения как рамок сюжета и композиции, так и системы средств изображения.

Роман еще никогда не был таким многогранным по стилю, разнородным по типологии, многослойным по сюжету и раскованным по композиции, как сегодня. Усложнение его формы и обогащение его содержания нарастали по мере накопления жизненного временно-пространственного опыта. Этот опыт свободно можно назвать пережитым нами временем и «обжитым» нами пространством.

Такое ощущение материала, как бы сопричастность к сюжетному времени обеспечили долгую жизнь романам Л. Киачели, К. Лордкипанидзе, Д. Шенгелая, Р. Джапаридзе, Г. Цицишвили, Г. Гегешидзе, А. Сулакаури и др.

Современность в них предстает как движущее ядро художественного времени, понимание сложного характера которого подчинено определенной общественно-эстетической концепции. Поэтому современность этих романов не столько в злободневности, сколько в направленной ориентации людской психики на большие проблемы общественного бытия. Если в романах Г. Панджикидзе нравственная проблема решается в плане гражданского долга личности, а в романе Г. Цицишвили моральное очищение представлено как сложнейшая «операция» духа, потребовавшая жертвы, то в «Луке» А. Сулакаури раскрыты высшие гуманистические принципы времени.

Современное обостренное чувство места и времени, многоаспектная насыщенность идейного замысла и новая динамика характера продиктовали иную организацию пространственно-временной композиции современного романа. Ее

симптомы, проглядывавшие еще в 30-ые годы в романах К. Гамсахурдиа, в наши дни сложились в цельную концепцию в эпической практике О. Чиладзе, Н. Цулейкири, Ч. Амирэджиби, Г. Дочанашвили и др. Сюжетно-слагаемое время, т. е. временной охват в романах 60—70-ых годов потребовал заметного смещения традиционной конструкции повествования, более активного «присутствия» рассказчика, ощущающего себя в пространстве рядом со своим героем. В такой манере написаны «Всякий, кто встретится со мной» О. Чиладзе, «Закон вечности» Н. Думбадзе, «Одеяние первое» Г. Дочанашвили, «Глас вопиющего» Г. Гегешидзе, романы О. Чхеидзе.

Временной охват в этих романах, как правило, не выходит за рамки современности, но отчетливо ощущаемая нацеленность на будущее расширяет их духовные координаты, рождая качественно новое сюжетное единство художественного видения и перспективы. Авторское изложение, драматизирование ситуаций, например, в «Законе вечности», предстают перед нами в форме острого диалога автора с героем о моральном кодексе не только современности, но и далекого будущего, о месте личности в вечном временном измерении.

Но острое ощущение проблем современности потребовало, как было сказано выше, и ретроспективного подхода. Осмысление современной действительности происходит как бы двупланово: а) через современный «материал» и б) через исторические события. Так возникло заметное тяготение грузинского романа и к прошлому. Наряду с типичными романами о современности К. Лордкипанидзе («Волшебный камень»), Л. Киачели («Человек гор»), Р. Чейшвили («Голубые горы»), Л. Мрелашвили («Кабахи») и др. создан целый ряд романов о прошлом народа («Тяжелый крест» Р. Джапаридзе, «Цотне» Г. Абашидзе, «Дата Туташхиа» Ч. Амирэджиби и др.). Вся система условностей пространственно-временного среза этих романов зиждется на новаторском подходе к национальной жизни определенного периода, вычлениении из нее событий, близких по духу современности, и концентрации на них внимания читателей.

Такое отношение ко времени соответственно продиктовало новаторское построение сюжета и композиции. Сюжет современного исторического романа строится как бы параллельно к современной правде, ибо восприятие читателя направлено от сегодняшней действительности к истори-

ческому сюжету. Морально-эстетические искания личности на стыке XIX—XX веков в «Дата Туташхиа» освоены в современном сложном нравственном комплексе, а новаторское прочтение героического подвига легендарного Цотне обогащает его характер современным пониманием роли и места личности в обществе. Причем подобные «операции» не выходят за строгие рамки принципа исторического подхода.

В этом отношении заслуживает внимания и распространенная тенденция т. н. одновременной приуроченности в практике современной грузинской романистики. Имеется в виду ее мифологический план художественного времени. Мифологические модели во многом определяют сюжетную канву целого ряда современных грузинских романов (романы О. Чиладзе, Ч. Амирэджиби, Н. Цулейскири, А. Сулакаури, Г. Дочанашвили и др.). Происходит переосмысление идеи мифа, его «приземление», приближение не вообще к действительности, а к нашему конкретному бытию. Подобная трансформация мифологических архетипов расширяет возможности осмысления художественного времени. Примечательно и то, что миф в современных романах приобретает острую социальную насыщенность и несет определенную идейную нагрузку.

Например, в романе О. Чиладзе «Шел по дороге человек» древнее мифологическое сказание об аргонавтах получает новое социальное звучание, соответствующее новой исторической конкретно-национальной действительности. Древние представления о верности или измене национальным интересам, о подвиге героя, о доброте или мести приобретают иную окраску и смысл соответственно современному состоянию национального духа. Причем это не механическое трансформирование, не простая замена древних представлений. Наоборот, перенесенные в другое временное измерение, в новое сюжетное время, они приобретают совершенно иное содержание и становятся органической частью сложной композиции романа.

Для романного времени характерным становится новая сюжетная компактность, особенно ярко проявляющаяся в микроромане. В микроромане время рассказчика во многом дополняется временем читателя, т. е. происходит синтез двух времен — конкретно освоенного романистом и домысливаемого воображением читателя. Такое «расширение» сжатого сюжета дает микророману возможность охватить историю героя в широком плане. Сюжеты «Санавардо» Д. Шенгелая,

1953
202-111033

«Улыбки Диониса» К. Гамсахурдиа, «Эпопеи» Н. Мицишвили, «Солнца мертвых» Г. Шатберашвили, «Грешника» Г. Гегелидзе, «Звездопада» О. Исселиани и др. — подчиняются совершенно новому событийному времени, во многом отличающемуся своей сжатостью от традиционного романного времени. Это — своеобразный взрыв привычной формы, происшедший вообще в мировой романистике.

В таких романах развитие сюжета определяется не обширными экспозициями, подробным бытописанием, множеством деталей и чередованием авторских экскурсов, а акцентированием узловых, «опорных» моментов жизни героя, данных с максимально сжатой динамичностью. Это и определяет рамки нового художественного времени микроромана. Подобная сжатость — результат современного художественного мировосприятия, освоения универсального жизненного опыта человечества, причем в рамках конкретной национальной самобытности. Правда, микророман заметно лишается всех временных параметров, но зато приобретает заряд особой силы для раскрытия главной тенденции времени через максимально осложненный, т. е. насыщенный характер героя.

Советская классика, этот феномен с обновленным содержанием, повествовательной формой и стилевой структурой и, в частности, ее ведущий жанр — роман, обращенный к конкретным событиям и предметам нашего времени и пространства, уже накопили богатый опыт нового видения реальности. Опыт этот, в свою очередь, требует новаторского подхода к его литературоведческому анализу и обобщению.

Мэлор СТУРУА

МУЗЫ И МАСКИ

НОВЫЕ
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТАРЗАНА

В ТОТ памятный день в знаменитом и популярном, вашингтонском ресторане «Джо энд Мо» (по имени его владельцев — Джо Мэлхотра и Мо Зусмана) яблоку было негде упасть. Даже ньютоновскому. Найти свободный столик в «Джо энд Мо» в часы ленча, то есть второго завтрака или первого обеда, не так-то просто и в обычное время, ну а в тот, повторяю, памятный день все места были зарезервированы еще на дальних подступах к Событию. (Пишу это слово с большой буквы не по незнанию грамматики, а точно воспроизводя его значение, в чем читатель может сам убедиться в дальнейшем, убедиться неопровержимо и неотвратно).

Вся столица знала, что в этот, еще раз повторяю, памятный день в ресторане «Джо энд Мо» будет чревоугодничать новая голливудская кинозвезда Си Джей. Посмотреть на этого красавца и молодца, уже успевшего затмить таких идолов прошлого, как Гарри Купер, и настоящего, как Марлон Брандо, собрались все интеллектуальные и светские сливки Вашингтона. И, разумеется, орды репортеров, фотографов, телевизионщиков. То было чревоугодие в огнях рампы.

Джо и Мо сделали все от них зависящее и даже кое-что сверх того, чтобы Си Джей чувствовал себя в их ресторане как дома, а не гостем, пусть даже почетным. Для Си Джей отвели большой стол в центре главного зала. В нарушение заведенных здесь священных правил ему было разрешено явиться не только без галстука и пиджака, но даже без брюк! (Иллюзия домашней обстановки должна была быть полной). Посреди празднично сервированного стола стоял серебряный поднос с бананами в мороженом. По обе стороны Си Джей сидели его верные телохранители Поль Рейнольдс и Билл Гейдж (кинозвезды в Америке охраняются не хуже президента и директора ЦРУ).

И все-таки Джо и Мо не преуспели в создании домашней атмосферы для Си Джей. Виной тому была газетная братия, которая бесцеремонно осаждала стол кинозвезды и досаждала ей всевозможными вопросами. «Интервью вместо бананов», — с наигранным недовольством ворчал баловень судьбы и славы Си Джей (ему не привыкать к паблисити).

Вопросы были самые разные: от очень серьезных — как относится Си Джей к политике новой рейгановской администрации в области сохранения окружающей среды, в какие акции он предпочитает вкладывать свои умопомрачительные гонорары, до менее серьезных — как ему удается поддерживать столь великолепную спортивную форму, и, наконец, совсем несерьезных — какому парикмахеру он доверяет уход за своей пышной растительностью.

Ответы Си Джей на серьезные вопросы были настолько впечатляющими, что сидевший с ним за одним столом бизнесмен Ричард Морган, потомок знаменитых финансовых королей Морганов, вынул свою визитную карточку и вручил ее кинозвезде со следующими полными тайного смысла словами:

— В один прекрасный день вам могут понадобиться мои услуги.

Остальная публика только ахала да охала от восторга и удивления.

— Не может быть! Я просто не верю глазам своим! — неслось со всех концов и столиков фешенебельного ресторана.

Но в данном случае известная мудрость Козьмы Пруткова, предупреждавшего, что не надо верить глазам своим, когда на клетке со слоном написано «жираф», явно не срабатывала. И читатель несколько ниже, надеюсь, поймет почему.

Импровизированная пресс-конференция в ресторане «Джо энд Мо» была весьма оживленной, хотя Си Джей не столько говорил, сколько жестикулировал. Во-первых, его рот был занят

бананами с мороженым, а, во-вторых, это более отвечало его амплу — актера немого кинематографа, который в последнее время все нахальнее вторгается в звуковое кино, и не только с черного хода, но иногда даже с парадного.

— Каково быть в шкуре не просто кинозвезды, а секс-символа? — любопытствовали репортеры.

Си Джей многозначительно закатывал глаза и энергично тряс головой.

— Он говорит, что все девушки без ума от него, что они засыпают его любовными письмами, мечтают прикоснуться к его широкой груди и буйной огненной шевелюре, что они абсолютно и бесповоротно покорены его чисто животным магнетизмом, — интерпретировали жесты Си Джей телохранители.

— Ваша любимая рок-группа? — продолжали любопытствовать дотошные репортеры.

— «Манкис» — «Обезьяны».

— А ваш любимый кинофильм?

— «Планета обезьян». Я смотрел его не то пятнадцать, не то двадцать раз. Со все возрастающим интересом и удовольствием.

— Кто сильнее — вы или «Кинг Конг», гигантская обезьяна, возрожденная недавно усилиями Диноде Лаурентиса?

По лицу Си Джей скользнула пренебрежительная гримаса.

— «Кинг Конг» — трус. Помните знаменитые кадры, когда он взбирается на вершину нью-йоркского небоскреба «Эмпайр Стейт Билдинг»? Так вот, в этом эпизоде его заменяет дублер, ибо сам «Кинг Конг» страдает акрофобией — боязнью высоты. А чего стоят его интеллектуальные способности? Знаете, сколько людей нужны ему в подмогу, чтобы ввинтить электрическую лампочку? Двое. Один — чтобы держал «Кинг Конга», а другой — звал монтера! Ха-ха-ха!

Репортеры вежливо, хотя нет, скорее подобострастно подхватили гротескное «ха-ха-ха» кинозвезды и секс-символа.

Упоминание имени собачонки «Бенджи», которая будет сниматься вместе с ним в новом анималистском варианте знаменитой эпопеи «Унесенные ветром», вызвало у Си Джей приступ ярости. Дело в том, что «Бенджи», которой поручено заменить Вивьен Ли в роли Скарлетт О'Хары, должна получить больший гонорар, чем сам Си Джей, взявший на себя бремя Кларка Гэйбла. Лишь имя министра внутренних дел Соединенных Штатов Джеймса Уотта, в компетенцию которого входит охрана природных ресурсов страны, вызвало у Си Джей более сильную отрицательную реакцию, чем намек на супергонорары «Бенджи».

1115940
110930

— Этот тупоголовый фундаменталист, раздаривающий налево и направо федеральные земли нефтяным монополиям и подрядчикам-строителям, недостоин даже того, чтобы заменять подопытных свинок, не говоря уже о приматах. У нас в джунглях, не голливудских, разумеется, его бы начисто заголосовали. — С этими словами Си Джей схватил баночку из-под кока-колы и запустил ее в невидимого министра внутренних дел, злейшего врага американской флоры и фауны.

Наконец, продравшись сквозь густые заросли политики — вашингтонской и голливудской, — репортеры взяли быка за рога.

— Что вы можете сказать о Бо Дерек, вашей партнерше по новому кинофильму «Тарзан — человек-обезьяна»?

— О, Бо Дерек — это класс, на все десять! — Лицо Си Джей расплылось в самодовольной улыбке, когда он ввернул это «бонмо», заготовленное, видимо, еще дома. (Звезда новейшей американской секс-бомбы Бо Дерек взшла на американском кинематографическом горизонте сразу же после ее дебюта в фильме под названием «10»).

Дав репортерам время, чтобы просмаковать его каламбур, Си Джей продолжил, сменив самодовольную улыбку на хитроватую:

— Конечно, все познается в сравнении. Бо Дерек заслуживает отметку 10 по голливудским стандартам. Но вот, например, в джунглях Борнео у меня есть подружка, по сравнению с которой Бо, при всей моей к ней расположенности, еле-еле тянет на тройку. Вы бы только видели, как она раскачивается на лианах. Вот это грация! Вот это секс! Я называю ее не иначе, как гориллой моей мечты!

— Как вы относитесь к решению снабдить «Тарзана» сертификатом «R», запрещающим просмотр этого фильма несовершеннолетним зрителем?

Си Джей презрительно фыркнул, обдав потомка финансового короля Моргана брызгами растаявшего мороженого.

— Не понимаю, к чему весь этот сыр-бор. В кинофильме Клинта Иствуда «В любую сторону, куда можешь» я играю в чем мать родила, как Бо в «Тарзане». И тем не менее этот фильм был разрешен для показа детям. Да и в «Джо энд Мо» меня пустили нагишом. Так что, по-моему, Бо стала жертвой дискриминации и цензуры.

Затем, повернувшись лицом к лицу к телевизионным- и фотокамерам, Си Джей патетически воскликнул:

— Леди и джентльмены, свобода творчества в Америке в опасности!

Леди и джентльмены встретили этот крик души, вырвавшийся из широкой груди Си Джей, громом аплодисментов. Атмосфера в «Джо энд Мо» стала накаляться. Телохранители кинозвезды начали проявлять явное беспокойство.

— Господа, господа, прошу учесть, что у Си Джей весьма строгий режим и график! — воскликнул один из них. — Ему уже давно пора в свой фургон, где кондиционирование воздуха лучше, чем здесь. Си Джей может отдыхать и спать лишь в своем фургоне. Он покидает его, чтобы работать, и возвращается, чтобы набраться сил. Вам разрешается задать еще один, последний вопрос.

Репортеры пошептались между собой, и один из них с общего согласия задал этот последний вопрос:

— Считаете ли вы, что вас достаточно серьезно принимают как актера?

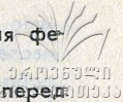
Си Джей на мгновение задумался, а затем, заодно высунув свой язык, сказал:

— Разумеется. Ведь за актрису принимают даже Бо Дерек. Но, откровенно говоря, у меня есть иная, заветная мечта — стать кинорежиссером. Если Джон Дерек снимает фильмы, то почему бы и мне не попробовать? Чем я хуже него?

Вопрос был чисто риторическим и поэтому не требовал ответа. К тому же интервьюируемым вопросы задавать не положено. Си Джей гордо прошествовал между ресторанными столиками, поблагодарил за вкусный «ленч» гостеприимных Джо и Мо, сел в роскошный лимузин, поджидавший его у парадного входа, развалился в непринужденной позе на заднем сиденье и величественно укатил навстречу своим новым кинематографическим триумфам.

Визит в Вашингтон Си Джей, десятилетнего орангутанга, родившегося в зоопарке Далласа и выросшего в калифорнийских «Нежных джунглях» — компании, дрессирующей животных специально для Голливуда, был рекламным. Он как бы предварял общенациональную премьеру кинофильма «Тарзан — человек-обезьяна», которая состоялась 24 июля 1981 года одновременно в тысяче с лишним кинотеатрах Америки — от Атлантического океана до Тихого.

Обычно в Соединенных Штатах первыми зрителями голливудской продукции являются кинокритики, для которых студии устраивают особые просмотры. Но с «Тарзаном» дело бы иначе. Первыми зрителями этой ленты оказались не «подкупные» критики, а неподкупные служители Фемиды, и крутили впервые «Тарзана» не в главных кинотеатрах Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Ва-

шингтона, а в здании федерального суда на Манхэттене для федерального же судьи Генри Уеркера.

В чем провинился вольный сын тропических джунглей перед обществом асфальтовых джунглей? Ни в чем. Какое преступление он совершил? Никакого. Он сам оказался жертвой в руках супружеской пары Дерек—Джона, постановщика фильма, и Бо — продюсера, и исполнительницы главной роли — Джейн, девушки из общества, обретшей «новую жизнь» в джунглях. Наконец, третьим преступником была гигантская голливудская кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер («МГМ»), финансист и распространитель фильма (совместно со студией «Юнайтед артистс»).

Как известно, Тарзан является изобретением американского писателя Эдгара Райса Барроуза. Именно его книга о Тарзане, опубликованная еще в 1912 году, легла в основу многочисленных кинокартин о «короле джунглей». Первый фильм о Тарзане появился на экранах в 1932 году. Роль «короля джунглей» играл в нем олимпийский чемпион по плаванию Джонни Вайсмюллер, роль Джейн исполняла голливудская кинозвезда Моурин О'Салливан. Затем на зрителей обрушился целый каскад тарзановских серий. Шли годы, менялись исполнители главных ролей, включая зятя Барроуза «Тарзана № 4» Джима Пирса, но с экрана по-прежнему несся леденящий кровь победный клич «короля джунглей».

Тарзан не только обессмертил Барроуза, но и сделал его и его наследников мультимиллионерами. Чикагский неудачник, ставший писателем волею случая, Барроуз написал 26 романов о приключениях Тарзана, по которым было поставлено 44 фильма. Деньги текли к Барроузам и от продажи «тарзановских сувениров» — от кукол до знаменитых «тарзановских париков» — на шлепок на грудь, чтобы она смотрелась «волосато-мужественной». После смерти писателя в 1950 году было основано общество «Эдгар Райс Барроуз, инкорпорейтед», которое взяло на себя посмертную защиту авторских прав и репутации создателя Тарзана и ведение дел его наследников. Одновременно трое детей Барроуза и его внуки создали в штате Калифорния компанию «Тарзан», которую считают «самым процветающим литературным предприятием в мире».

Еще в 1980 году, когда литературные душеприказчики Барроуза пронюхали, что чета Дерексов обратилась к «Метро-Голдвин-Майер» с предложением «возродить» Тарзана, обе барроузовские компании забились тревогой, издав канонический клич «короля джунглей». Уже тогда они ссылались на основательно подмоченную репутацию Дерексов, сделавших своим бизнесом так называе-

мую «сексплуатацию». Справедливости ради следует сказать, что наследников Барроуза прищипывала не столько оскорбленная добродетель, сколько конкуренция. Дело в том, что «Эдгар Райс Барроуз, инкорпорейтед» сама намеревалась приступить к созданию нового варианта первого кинофильма о Тарзане и уже вела соответствующие переговоры с кинокомпанией «Уорнер бразарс» и даже сколотила с этой целью бюджет в пятнадцать миллионов долларов.

И вот на дальних подступах к дерековскому «Тарзану» наследники Барроуза подали в суд на компанию «МГМ». Но федеральный судья Генри Уеркер отклонил иск. Во-первых, «МГМ» имела юридические основания на нового «Тарзана», ибо Барроуз продал ей в свое время все авторские права на него, а, во-вторых, как выразился судья Уеркер, дерековский «Тарзан» был еще «обезьяной в мешке». Короче, поживем — увидим, — принял соломоново решение судья Уеркер. (Наследники Барроуза не оспаривали факта передачи авторских прав «МГМ». Они напирали на то обстоятельство, что, передавая заказ на нового «Тарзана» Дерекам, компания нарушает юридически закрепленное и торжественно взятое на себя обязательство, согласно которому фильмы о похождениях «короля джунглей» должны быть исключительно «семейным развлечением», ориентирующимся главным образом на детей, а посему лишенным всяких порнографических и даже эротических обертонов).

После того как работа над фильмом была завершена и «МГМ» снабдила его неслыханным для тарзановских серий сертификатом «R», наследники Барроуза вновь обратились в федеральный суд нью-йоркского района Манхэттен. На сей раз, поскольку обезьяна была уже не в «мешке», а на киноплёнке, судья Генри Уеркер принял дело к производству. Он потребовал для «сравнительного анализа» все существующие версии первого фильма о Тарзане — оригинал 1932 года с Вайсмюллером и О'Салливан, варианты 1959 года с Денни Миллером и Джоанной Барнс в главных ролях и, наконец, последний вариант, сработанный Джоном и Бо Дерек.

Проведя «сравнительный анализ» всех трех фильмов, судья Уеркер пришел к такому заключению: да, дерековский «Тарзан» слишком сексуален, слишком грешит сомнительными сценами и несомненным нудизмом, однако после некоторой редактур его вполне можно выпустить на экран. Причем судья Уеркер решил сам взяться за редактуру. Всполошившиеся представители «МГМ» стали упрашивать судью доверить им работу над купюрами, а чета Дерек наотрез отказалась делать их. «Конечно, наш «Тарзан» сексуален. Но его сексуальность не оскорбительна. Это чистый

191035340
00110333

секс и естественный нудизм. Это — сама природа», — заявила Бо Дерек. Ее супруг и режиссер фильма Джон Дерек обвинил судью в насильственной цензуре, а о сомнительных эпизодах выразился следующим образом: «Они сняты с таким тактом, что им аплодировал бы сам папа римский».

Но пале римскому аплодировать не придется. Компания «МГМ», оставившая за собой по договору право окончательной редакции фильма, изъяла из него наиболее «сочные куски» и вновь представила несколько кастрированного «Тарзана» на строгий суд его чести Генри Уеркера. Кастрация, совершенная президентом «МГМ» Дэвидом Бегельманом, известным и неоднократно судившимся жуликом, не устраивала ни одну из сторон — ни наследников Барроуза, ни чету Дерек, ни судью Уеркера. «Это просто немыслимо, чтобы мы согласились на дерековского «Тарзана». Ведь он куда грязнее серии французских комиксов о Тарзане, уже запрещенных судом. Актриса, снимавшаяся в «10» и «Смене времен года», фотографии которой публиковались в «Плейбое», не имеет права играть Джейн. Нет, этот «Тарзан» не для детей. Он оскорбляет память моего деда!» — возмущенно заявил внук Барроуза Дентон. Джон и Бо Дерек тоже возмущались, но уже смирившись, скорее для формы, для сохранения лица (сохранить наготу тел им полностью не удалось). Супруги отлично понимали, что «МГМ» не согласится пустить «орангутангу под хвост» несколько миллионов долларов, вложенных в «Тарзана» ради «творческих принципов» четы «сексплуататоров».

А его честь судья Генри Уеркер вновь принял соломоново решение. «Учитывая перемены, произошедшие в моральном и нравственном климате нашей страны за последние полвека — с 1931 года по 1981 год, — я не могу согласиться с иском наследников Барроуза и полностью запретить фильм. Однако, с другой стороны, меня не удовлетворяют и купюры, сделанные «Метро-Голдвин-Майер». Поэтому судья, вооружившись жирным красным фломастером, собственноручно перечеркнул крест-накрест на киноплёнке те кадры, которые, по его мнению, «недорезала» студия. По словам очевидцев, при виде этого Джон и Бо Дерек исторгли из своей груди такой душераздирающий вопль, что по сравнению с ним даже патентованный клич «короля джунглей» кажется мяуканьем котенка. Не менее возмущенные адвокаты Барроузов заявили, что будут апеллировать в Верховный суд США. Короче, скандал не только не утих, но еще больше разгорелся. По аналогии с «Уотергейтом» пресса окрестила его «Джунглигейтом».

Даже после повторной ампутации дерековского «Тарзана» Американская кинематографическая ассоциация, в компетенцию

которой входит определение сертификатов картин, не сочла возможным дать ему хотя бы сертификат «ПГ», означающий, что детям разрешен вход лишь в сопровождении родителей. За «Тарзаном» оставили сертификат «R» — «Рестриктит», то есть фильм, запрещенный для детей. (После купюр «Тарзан» уже не «тянул» на сертификат «X», даваемый порнографическим фильмам или фильмам, в которых слишком много и «смачно» представлено насилие. На такие фильмы допускаются лишь совершеннолетние).

Итак, дерековский «Тарзан», продравшись сквозь джунгли — голливудские, тропические и судебные, — вышел, наконец, на экраны кинотеатров Америки. Но, прежде чем дать оценку этой картине, я хотел бы рассказать о том, как она создавалась, ибо этот рассказ, как мне представляется, весьма поучителен. Он в определенной степени проливает свет и на положение в современном американском кинематографе, в котором по-прежнему безраздельно господствуют насилие и секс, и на нравы, царящие в Голливуде, и, наконец, имеет прямое касательство к конечному продукту — фильму «Тарзан — человек-обязьяна», то есть входит важной составной частью в его критический разбор.

Оригинальный «Тарзан» выдержки 1932 года был снят не в Африке, а в Северном Голливуде, где для этого были сооружены кинематографические джунгли. Дерекки с самого же начала отказались от павильонов, предпочтя им натуру. Джон Дерек подводил под это решение целое философское обоснование. «Мы хотим вернуть «Тарзану» его изначальную свежесть, — говорил он. — Фильм должен быть естественным, чувственным и эротическим. Никто не вправе диктовать длину набедренной повязки героя и заставлять героиню плавать в купальном костюме. «Тарзан» — сама жизнь, даже больше жизни. Он одновременно романтичен и абсурден, рассчитан на коммерческий успех и на развлекательность. Нудизм — неременная составная часть всего этого, нудизм, а не секс. В противном случае я бы нарядил Бо в соблазнительные туалеты». (В тарзановской версии 1932 года была вырезана сцена, в которой Джейн О'Салливан плавает нагишом).

Подспудный практический смысл этой «философии» сводился к тому, что Дерекки хотели свободы рук. Они полагали, что, снимая фильм в какой-нибудь забытой богом тропической глуши, смогут избежать повседневной мелочной опеки со стороны «Метро-Голдвин-Майер» и назойливого вмешательства желтой прессы. Студию такое решение тоже устраивало. Она и без того чувствовала себя не в своей тарелке, связавшись со скандальной парочкой, обладавшей к тому же весьма сомнительными профессиями.

нальными качествами. «Хотите в реальные джунгли, ну и катите себе на здоровье. Так и нам будет поспокойнее вдали от «грехов» — сказали, вернее, порешили хозяева «МГМ».

Выбор Дерексов остановился сначала на джунглях Амазонки в Бразилии. Но бразильские джунгли показались им «слишком густыми, темными и лишенными волшебной магии» (слова Бо). Тогда было решено снять фильм в Кении. Но и кенийская натура не смогла удовлетворить капризные вкусы Дерексов. «Конечно, в Кении много зверей, но они очень пугливы и не подпускают близко к себе съемочную группу», — жаловалась все та же Бо. Наконец после долгих поисков Дерексы остановились на Шри-Ланка для съемок сцен в джунглях и на Сейшельских островах для съемок морских сцен, хотя от Шри-Ланка до Сейшельских островов почти три тысячи километров. Когда об этом было сообщено джентльменам из «МГМ», то джентльмены содрогнулись, быстренько подсчитав в уме транспортные расходы. Но Дерексы настояли на своем, заявив, что только джунгли Шри-Ланка, помноженные на морские пляжи и утесы Сейшельских островов, могут гарантировать успех их общему «Тарзану».

И вот 12 января 1981 года из Голливуда в Шри-Ланка вылетела киноэкспедиция Дерексов. Начались новые, еще более необычайные приключения Тарзана, о которых не мог даже помыслить создатель «короля джунглей» — чикагский неудачник и калифорнийский мультимиллионер Эдгар Райс Барроуз.

В состав киноэкспедиции входили двадцать три члена съемочной группы, лев по кличке Дэнди, наш старый знакомый орангутанг Си Джей, два ирландских волкодава и приобретенный в Таиланде питон длиною в восемнадцать футов, толщиной в двенадцать дюймов и весом в сто двадцать фунтов. Был, разумеется, в багаже киноэкспедиции и сценарий фильма. С него-то мы и начнем рассказ о новых необыкновенных приключениях Тарзана в джунглях Шри-Ланки, на пляжах Сейшельских островов, а главное — в беспощадных руках Дерексов.

Пожалуй, помимо победного клича «короля джунглей», наиболее знаменитая строка тарзановских сценарных диалогов гласит: «Я — Тарзан, ты — Джейн». Если читатель, вернее, зритель помнит, этой фразой вольный сын природы закрепляет свое знакомство с закомплексованной дочерью светского общества. Произнося «Я — Тарзан, ты — Джейн», он несколько раз попеременно тычет в грудь то себя, то свою новую «светскую знакомую». Автором этой фразы является не Барроуз, а Айвор Новелло, современник и компаньон Ноэла Коуарда — английский актер, композитор и писатель. Именно он ввел эту знаменитую фразу

в сценарий фильма. Дерекы взяли из нее лишь вторую половину «ты — Джейн» и отредактировали ее, превратив в «Я — Джейн». Впрочем, они отняли у Тарзана не только эту фразу, но и вообще дар речи вместе с ножом, который, как вы, надеюсь, помните, болтался на боку у Джонни Вайсмюллера.

В дерековском фильме Тарзан вообще не говорит. Одни критики иронически замечают, что он лишился дара речи при виде всех неоспоримых прелестей Бо Дерек, как говорится, «эн натюрель». Другие считают, что «король джунглей», превращенный в статиста, онемел от гнева и изумления. Кстати, адвокаты наследников Барроуза, утверждая, что Дерекы исказили первоначальный авторский замысел, особенно напирала на унижительные метаморфозы, которые претерпел в их руках Тарзан. Так, по словам адвоката Роджера Циссу, «Тарзана лишили не только дара речи, но и права раскачиваться на лианах. Его роль сведена к нулю. Он превращен в сексуального оруженосца Бо Дерек, в игрушку ее извращенных забав. В дерековской версии не Тарзан прививает Джейн свободную любовь джунглей, а Джейн приобщает Тарзана к разврату цивилизованного мира».

Парируя эти обвинения, Дерекы утверждали, что перенос акцента с Тарзана на Джейн был умышленным и объяснялся стремлением внести вклад в борьбу женщин Соединенных Штатов Америки за равноправие! «Женщины начала двадцатого века носили корсеты, которые были не только принадлежностью туалета, но и символом закабаления слабого пола. Освобождение Джейн от корсета — акт протеста против общества, угнетающего женщину», — патетически восклицал Джон Дерек. Но дело заключалось в том, что вместе с корсетом Бо-Джейн теряет в фильме весь гардероб. А ведь стриптиз конца века — еще более внушительный символ закабаления женщины, чем корсет начала века. Так называемая «сексплуатация» — одна из главных форм эксплуатации женщины в капиталистическом обществе.

Сценарные злоключения Тарзана вскоре перекинулись и на исполнителя его роли — бывшего боксера и новоиспеченного киноактера Ли Каналито. Этот двадцатисемилетний гигант был уволен Дерекками на третий день съемок в джунглях Шри-Ланка. «У Ли было лицо, достойное резца Микеланджело. Но вот его фигура не отличалась необходимой скульптурностью. Он имел склонность к полноте, противопоказанной «королю джунглей». Диета и медицинская гимнастика оказались бессильными. Каналито так и не вошел в необходимую спортивную форму. Прыгая с ветки на ветку, Ли тряс своими жировыми наслоениями. Это было уж слишком», — рассказывает Бо. Версия Каналито — несостоявшегося

Тарзана № 15 американского кинематографа, неизвестна. Тарзан обязан был молчать не только на экране. В договоре имелась специальная статья, запрещающая актеру, исполняющему роль Тарзана, давать интервью о «взаимоотношениях с Дереками» до, во время и после съемок фильма. К тому же, безжалостно рассчитав склонного к полноте Каналито, Дерекы тем не менее за платили причитающийся ему гонорар сполна. Конечно, контракт — контрактом, но так надежнее. Никакой пластырь не может соперничать с долларами, когда возникает настоятельная необходимость заклеить кому-нибудь рот.

Начались срочные, лихорадочные поиски нового Тарзана. Ведь время в джунглях Шри-Ланка и пляжах Сейшельских островов, хотя оно и бежит медленнее, чем в цивилизованном мире, стоило огромных денег. Сначала думали обратиться к партнеру Бо Дерек по фильму «10» Сэму Джонсу. Но ему, чтобы войти в «тарзанью форму», необходим был длительный подготовительный период. А время не ждало. Пришлось довольствоваться тем, что бог пошлет, — первым попавшимся кандидатом. А бог послал Дерекам двадцатипятилетнего Майлса О'Киффи, бывшего футболиста, имевшего некоторые актерские навыки. (Он подвизался на подмостках любительских театров в Сан-Франциско). Пробы и вхождение Майлса О'Киффи в съемочную группу, включая перелет из Голливуда в джунгли Шри-Ланка, заняли всего двадцать четыре часа. (Собственно, никаких проб не было. О'Киффи пригласили в «диснейлендовские джунгли» Голливуда и попросили покачаться на лианах. Убедившись, что он «не трясет жирами», его посадили в самолет и отправили к Дерекам. Благо дело, О'Киффи не надо было зубрить текст своей роли). Контракт, заключенный с О'Киффи, подобно контракту с Каналито, требовал от него рыбьей немоты «до, во время и после съемок». Бывший футболист охотно согласился, подмахнул контракт и махнул в джунгли.

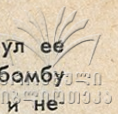
Злоключения с Тарзаном были главными, но далеко не единственными. Норовистая Бо, которая была продюсером фильма, умудрилась за первые пятнадцать дней работы рассчитать пятнадцать членов съемочной группы, состоявшей, как я уже упоминал, из двадцати трех человек. Все они без исключения были профессионалами и, видимо, выражали недовольство «каматерскими аллюрами» Дерексов. Говорю «видимо» потому, что обет молчания был наложен не только на исполнителей роли Тарзана, но и на всех остальных участников съемок. Так что почти единственными летописцами событий, имевших место в джунглях Шри-Ланка и на Сейшельских островах, являются сами Дерекы, лица за-

интересованные и, естественно, по меньшей мере не вполне объективные.

Места, оказавшиеся вакантными после ухода профессионалов, были заполнены в основном родственниками Бо. Ее мать, например, стала художником по костюмам и гримером (это было не очень сложно — костюмов в фильме почти нет), ее сестра — директором картины, а подруга — помощником директора. Так «Тарзан» полностью и окончательно превратился в семейное предприятие Дерексов. Впрочем, родственничкам приходилось не легче, чем профессионалам. Доставалось на орехи и Джону Дерексу, режиссеру фильма, «открывшему» Бо и создавшему из нее кинематографическую секс-бомбу. (Подобные «открытия» — «дело жизни» Дерекса. Его предыдущие жены, включая знаменитую Урсулу Андерс, также были выдрессированы им, а затем прибыльно проданы Голливуду). «Наши роли поменялись. Теперь не она зависела от меня, а я — от нее», — признается Джон. Ричарду Харрису, единственному настоящему актеру, занятому в фильме (советский зритель помнит его по кинофильму «Эта спортивная жизнь»), Бо устроила головомойку за то, что он «зря жжет бензин», пользуясь кондиционером в своем автомобиле. Даже мать Бо не избежала гнева своей норовистой дочери за то, что осмеливалась обращаться к ней на съемочной площадке с такими словами, как «золотко» или «ханни» — «медок».

Животные, занятые в фильме, оказались столь же непокладистыми, как и их старшие братья и сестры — люди. Слоны в Шри-Ланка в изобилии. Дерексы заказали для какого-то эпизода сто пятьдесят слонов, но не получили ни одного. Слоны забастовали, хотя они и не состоят в профсоюзной гильдии американских кинематографистов. Местные жители тщетно пытались втолковать Бо, что слоны не реактивные самолеты, что иногда требуются целые недели для передвижения их стада со старых насиженных мест на новые.

Лев Дэнди тоже был не подарком и своим поведением явно не оправдывал данной ему клички. Он или стоял как вкопанный, наблюдая за Бо, или пытался броситься на нее. А один раз так оно и произошло. Было это на Сейшельских островах. Снималась сцена первой встречи Тарзана с Джейн. Герои плещутся в океанских волнах у самого берега, а лев поджидает их выхода на сушу. Дэнди был привязан на посеребренном и невидимом для глаза кинозрителя поводке, считавшемся «в теории» абсолютно надежным. Но лев, которого, видимо, вывели из равновесия продолжавшиеся три дня съемки соблазнительного плескания Тарзана и Джейн, посрамил «теорию», разорвал «надежный» пово-

док, бросился на Бо и ударом своих могучих лап опрокинул ее навзничь. О'Киффи и дрессировщик с трудом отбили секс-бомбу у далеко не светского льва. Бо отделалась легким испугом и не большими ссадинами. К счастью для нее, у Дэнди были удалены когти на лапах. (Весь этот эпизод был заснят на пленку. Кинооператор не участвовал в спасении Бо — не то по затаенной ненависти к ней, не то из-за желания заснять сенсационную ленту: лев Дэнди, пожирающий красотку Бо). Но на этом трудности с Дэнди не закончились. Для того чтобы эвакуировать льва с Сейшельских островов в Шри-Ланка, его пришлось везти кружным путем почти что в двадцать тысяч километров через Лондон на реактивном самолете-гиганте «Боинг-747». (Самолеты прямого сообщения не могли взять на борт громадного хищника). На сей раз Бо отделалась уже не легким испугом, а крупными финансовыми тратами (экономить можно на киноактерах, даже знаменитых, тратящих бензин, вернее, капли бензина, на охлаждение воздуха в тропических джунглях).

Были хлопоты и с другими животными. Таиландский питон, например, оказался слишком уж хладнокровным пресмыкающимся, «без яркой индивидуальности», как жаловалась впоследствии Бо. А шимпанзе, игравшая Читу, не сошлась характером с героиней фильма. Кстати, в дерековской версии «Тарзана» Чита, подобно своему повелителю, низведена на роль второстепенного персонажа. Тарзан идет в титрах четвертым, а Чита вообще не упоминается.

Так относились к Бо люди и звери. Теперь представьте себе, как мог отнестись к ней человеко-зверь, вобравший в себя неприязнь к Бо и тех, и других. В данном случае я имею в виду не «человека-обезьяну» Тарзана, а актера, заменявшего в некоторых комбинированных съемках орангутанга Си Джей. Когда выяснилось, что ему надлежит принять участие в наиболее «скользких» эпизодах фильма, содержащих весьма прозрачный намек на «амур а труа» — «любовь втроем», актер, который должен был изображать в этом «треугольнике» орангутанга, встал на дыбы — не в прямом, как орангутанг, а в переносном смысле слова, и категорически заартачился, заявив, что «такая пакость» оскорбляет его религиозные чувства. Между ним и Бо произошел следующий диалог, не предусмотренный в сценарии фильма:

— Даже находясь в шкуре обезьяны, я продолжаю оставаться человеком, причем глубоко верующим. Это не позволяет мне ласкать ваши обнаженные прелести. И вообще вам надо думать о спасении своей души, а не фильма.

— Моя душа — не ваше дело.

— Тогда мне остается только молиться за нее.

— Можете молиться сколько вам будет угодно, но предварительно получите расчет и оставьте нас в покое.

«Человеко-зверя» рассчитали, и он отправился назад в Голливуд замаливать преступления закоренелой грешницы Бо Дерек. А в его «шкуре» оказался стопроцентный орангутанг Си Джей, будущий почетный гость фешенебельного ресторана «Джо энд Мо». В отличие от не в меру религиозного актера, Си Джей не возражал против костюма Евы, в котором щеголяла Бо, и даже приветствовал его. А в «скользких» эпизодах — они составляют финал фильма — проявил такую прыть, такую страсть, такую подлинно мавританскую ревность, что отодвинул на задний план и без того разжалованного в статисты Тарзана — О'Кисси. По признанию Дерексов, Си Джей был «единственной светлой личностью» на съемочной площадке, подлинным фаворитом героини фильма.

11 марта 1981 года съемочная группа возвратилась с Сейшельских островов в Голливуд. Над крышей центрального павильона студии «Метро-Голдвин-Майер» был сооружен гигантский рекламный щит, оповещавший весь мир о том, что новое рождение Тарзана наконец состоялось. Восьми членам первоначального состава киноэкспедиции Бо подарила золотые браслеты с надписью: «Я закончил Тарзана» (точнее было бы: «Я прикончил «Тарзана»). Из животных браслета удостоился лишь Си Джей. (Золотые браслеты для питона и слонов обошлись бы слишком дорого. Да они и не заслужили их).

Пока фильм монтировался в Голливуде, а адвокаты Дерексов и Барроузов ломали копыя в Нью-Йорке, вся Америка, затаив дыхание, следила за поединком кинематографических и юридических орангутангов, гадая, кто же из них выйдет победителем. Цензура резала фильм, реклама стригла купоны. Журнал «Плейбой», со страниц которого стартовала в мир большого кино Бо Дерек, вновь предоставил ей свои роскошные листы для рекламного трамплина. «Плейбой» поместил серию фотографий, сделанных Джоном Дерексом во время съемок «Тарзана». Фотографии вполне отвечали специфическому профилю журнала, хотя сама Бо снята на них в основном в фас. Журнал опубликовал также ряд кадров, перечеркнутых жирным красным фломастером судьи Генри Уеркера, и огромный сувенирный плакат-вклейку, изображающий Тарзана и Джейн в пылком объятии.

Под занавес, вернее, к открытию занавеса Дерексы сделали еще один жест. (Недаром «Тарзан» — фильм жестов, а не слов). Выступая по лос-анджелесскому телевидению, они торжественно заявили, что заранее отказываются от причитающихся им

десяти процентов прокатного сбора в пользу фонда защиты горилл от браконьеров в Заире! Причем Дерек специально подчеркнул, что ими движут не филантропические побуждения, а даже не любовь к животным вообще и к заирским гориллам в частности. Они просили телезрителей рассматривать их жест как акт протеста против цензуры и ханжества. Джон возмущался тем, что судья и студия кромсали его детище «по живому» (в данном случае сие справедливо и в прямом, и в переносном смысле). «Тарзану просто повезло, что он оказался в наших руках, чистых, как у хирургов. Ах, если бы судьи проявили такую же заботливую нежность к моей дорогой малютке Бо!» — патетически восклицал этот заматерелый циник и сутенер.

Супружеская чета заявила на сей раз, не моргнув глазом, что взялась за возрождение «Тарзана» не ради корысти, а по «идеальным и идейным побуждениям». В качестве доказательства Дерек сослался на то, что их гонорар составил «всего» полмиллиона долларов, в то время как купленные ими к северу от Санта-Барбары ранчо в тридцать один акр и вилла в испанском стиле с плавательным бассейном обошлись им почти в миллион долларов. И, наконец, последний козырной аргумент их бессребрничества: они построили конюшню, но не имеют средств для приобретения чистокровных скаковых лошадей! Правда, не все еще потеряно. Телевизионный гигант—компания «Коламбия бродкастинг систем» пригласила Бо сняться в «пиратском» фильме «Хозяйка моря», где она будет играть в «стиле Дугласа Фербенкса, но только в юбке». А может быть, без?

Упоминание о телевизионном проекте вызвало новый взрыв ярости у Джона Дерек. Он клятвенно обещал больше не связываться с Голливудом, «этой адской дырой, засасывающей таланты. (Дерек был вполне прав, но только не применительно к себе. Ведь сам он — исключительно порождение Голливуда). «В этом бизнесе никому нельзя доверять, — продолжал Джон, опять-таки не греша против истины. — Студия «МГМ» предала меня. Семейство Барроузов затаскало по судам. Федеральный судья Уеркер превратил конституцию в посмешище. Пресса подняла против нас травлю. Даже Бо, моя маленькая дорогая Бо, заявляет, что может быть счастливой, не будучи актрисой!».

24 июля я отправился на дневную премьеру «Тарзана» в кино театре «Тенли сэкл» на Висконсин-авеню в Вашингтоне. Гигантская афиша, вывешенная в фойе кинотеатра, изображала крупным планом Джейн, раскачивающуюся на лианах, а где-то на заднем плане — почти что карликовых размеров силуэт Тарзана. (Эта символика вполне отвечала новой, дерековской расстановке

акцентов). Под рисунком красовалась соответствующая броская зазывающе-призывающая подпись: «Самая прекрасная женщина нашего времени в самом эротическом приключении всех времен». Посмотреть «самую прекрасную» в «самом эротическом» собралась большая толпа народа. Была пятница — начало уикэнда. Погода в Вашингтоне стояла отменная. (По традиции, имеющей практические основания, в Соединенных Штатах премьеры всех фильмов приходятся на пятницу). Люди выглядели несколько смущенными, исподлобья и виновато улыбаясь, поглядывая друг на друга. Не потому, что фильм был с червоточинкой специфического характера, — американскому зрителю к таким картинам не привыкать, — а потому, что у входа в «Тенли сэкл» разыгрывались маленькие человеческие трагедии. Дети, логически полагая, что «Тарзан» для них, требовали у родителей взять их с собой. Родители (отпугивающий и грозно предостерегающий сертификат «R» никак не укладывался в их воображении), изворачиваясь, объясняли, вернее, пытались косноязычно — сбиваясь и заикаясь — объяснить своим наседавшим отпрыскам, почему этот «Тарзан» не для них. Как правило, споры и препирательства, пройдя шквальную полосу слез, заканчивались тем, что взрослые шли смаковать «клубничку», а дети — есть клубничное мороженое в примыкающей к «Тенли сэкл» пломбирной...

Обычно, когда судно благополучно проскальзывает между Сциллой и Харибдой, это расценивается как большая удача мореходов и как свидетельство их навигационного умения. А вот «Тарзан» Дерексов вдребезги разбился потому, что «проскользнул» между детской аудиторией и взрослым зрителем. Он оказался слишком «соленым» для детей и слишком «пресным» для любителей «чего-нибудь такого», во всяком случае, не оправдавшим ожиданий, подогревавшихся рекламной шумихой. К тому же художественные и профессиональные достоинства картины равны названию дебютного фильма Бо — «10», но только без единицы.

«Тарзан» вновь показал, что Джон Дерек в лучшем случае фотограф, а Бо Дерек — фотомодель, без сомнения, прекрасная и ослепительная, но все-таки модель, а не актриса. Их законное и естественное место — на страницах «Плейбоя», а не на киноэкране, даже порнографическом. Не случайно стиль Дерексов — статика, а не движение. А ведь на американском английском языке кино называется «Movies», то есть «Движущиеся» (подразумевается — картинки). Статика Дерексов тем более убийственна, что ее средствами авторы пытались изобразить приключения легендарного Тарзана, в которых динамика — это все. А дерековский Тарзан — флегма и размазня. Даже наиболее динамичные сцены — схват-

ка с питоном, поединок с королем Берега Слоновой Кости и не которые другие — сняты методом... замедленной съемки! К этому приему Дерек прибегает как к спасательному кругу, чтобы хоть как-то замаскировать свое невежество режиссера и монтажера. И вообще весь фильм выглядит пробой пера, или, точнее, «пробой камеры» богатых, но бесталанных любителей. Это ощущается с первого же кадра, в котором традиционный лев, символ «МГМ», просовывая свою гривастую голову в эмблему компании, издает не львиный рык, а тарзаний клич.

Выше я несколько неосмотрительно упомянул о том, что дерековский «Тарзан» оказался слишком «пресным» для любителей «чего-нибудь такого». Эта фраза, лишённая комментариев, может ввести в заблуждение читателя, в особенности не видевшего самого фильма. Как известно, все познается в сравнении, и дерековский «Тарзан», хотя он и не является «самым эротическим приключением всех времен», как это лихо берется утверждать рекламная афиша, тем не менее содержит в себе гомерическую порцию «чего-нибудь такого»...

А ведь по утверждениям-ламентациям Джона Дерека, студия и судьи вырезали из его «Тарзана» девяносто процентов «сомнительных сцен»! Можно только вообразить — а скорее, невозможно — как же выглядел в оригинале девственный, некастрированный «Тарзан». Во всяком случае оставшихся десяти процентов (опять сакраментальная цифра «10») вполне и даже с избытком хватает для того, чтобы вас охватило тошнотворное чувство, которое, видимо, испытывали древнегреческие мореходы, когда их галеры несло на беспощадные скалы Сциллы и Харибды.

Пресса единодушно заклемила дерековского «Тарзана». Газета «Вашингтон пост» писала, например, что «по-видимому, не существует никакого порочного кульбита, который был бы ниже достоинства Джона Дерека». Журнал «Тайм» приходил к следующему выводу: «Тарзан может не беспокоиться. Это не он, а Дерек безвозвратно подмочили свою репутацию». А журнал «Ньюс Уик» беспощадно констатировал: «Фильм, как Бо Дерек, — форма, лишённая содержания». Но вот что показательное: большинство рецензентов, представлявших в основном бульварную печать, клеймили «Тарзана» не по художественным или моральным соображениям, а потому, что их бессовестно надули...

В дерековском фильме есть такой эпизод. Женщины из племени «слоновой кости» готовят Джейн к жертвоприношению. Ее вываливают в грязи и измазывают какой-то мукообразной смесью. Джейн постепенно теряет человеческий облик и превращается в

нечто среднее между животным и истуканом. В этот момент Бо, играющая Джейн, уже не символ женской красоты, а омерзительный символ Голливуда, того Голливуда, продажного и порочного, для которого триединый бог — доллар, секс и насилие. И если Джейн еще удастся спастись и отмыться, то вряд ли это по силам божеству, сотворившему ее по своему образу и подобию.

И еще одно. Я назвал свои заметки «Новыми необыкновенными приключениями Тарзана». Поставив точку и перечитав их, должен чистосердечно признать, что этот заголовок не из лучших. Он находится в явном противоречии с содержанием заметок, ибо в них по существу речь идет о старых и обыденных вещах — о повседневных буднях кинематографических джунглей Америки.

ХРОНИКА

ДЕКАДА ВЕНГЕРСКОЙ КНИГИ

Национальному празднику Венгрии — Дню освобождения была посвящена декада книги братской страны, которая с успехом прошла в столице Грузии.

Выставка - продажа про-

демонстрировала достижения книгоиздания и полиграфической промышленности Венгрии за последние годы. На экспозиции широко была представлена художественная, детская, научная литература, альбомы по искусству.

КНИГИ К ЮБИЛЕЮ

По просьбе редакции председатель Госкомиздата Грузинской ССР тов. Р. М. Глonti согласился ознакомить наших читателей с планом литературы, издание которой приурочено к исполняющемуся в этом году 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Вот что он рассказал:

— Специальный план, утвержденный нашей коллегией, предусматривает выпуск 40 наименований различной литературы объемом примерно 580 учетно-издательских листов, а также плакатов, связанных с этой знаменательной датой. Издание всей этой юбилейной продукции взято нами под контроль. Осуществляются необходимые меры, направленные на ее своевременный выход в свет.

Республиканское издательство детской и юношеской литературы «Накадули», например, уже предложило своим читателям любопытный поэтический сборник «Песня на баррикадах» — о революционном движении как в нашей стране, так и за рубежом. В него вошли стихи 56 поэтов из 35 стран, среди авторов — выдающиеся представители международного коммунистического и рабочего движения, прогрессивные поэты мира. Открывается книга стихотворными опытами Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Карла Либкнехта в переводе на грузинский язык Т. Джангулашвили.

Здесь же осуществлено уже в грузинском переложении издание написанных зарубежными поэтами стихов, вошедших в сборник, озаглавленный «Ленину».

Стихи поэтов братских республик Советского Союза, переведенные на грузинский язык Л. Сулаберидзе, читатели найдут в сборнике «Сноп света», подготовленном издательством «Сабчота Сакартвело».

Тема революции, победы новой жизни всегда была и продолжает оставаться ведущей в грузинской советской литературе. С ней связаны многие высокие художественные достиже-

ния. Подтверждением тому служит готовящееся на русском языке издание под названием «Грузинская советская поэзия — Великому Октябрю», объединившее произведения как поэтов — современников и свидетелей Великого Октября, так и последующих поколений, развивающих и углубляющих традиции, заложенные их предшественниками. Среди авторов этого поэтического томика — Г. Табидзе, А. Мирцхулава, Дж. Чарквиани и другие.

На грузинском и русском языках читатели получают также с грифом «Мерани» собрание произведений грузинских, абхазских, осетинских поэтов всех поколений, воспевающих революцию, Родину, партию начиная с 1917 года и по сегодняшний день. Книга названа «Взвейтесь, знамена!».

Совместно с обществом книголюбов республики этим же издательством также на грузинском и русском языках будет выпущено миниатюрное подарочное издание сборника стихов грузинских поэтов, посвященных Октябрьской революции.

Роман осетинского писателя В. Гаглоева «Пробуждение» — произведение социального звучания, повествующее о жизни осетинского народа на рубеже XIX—XX веков, о его революционной борьбе, также приурочено издательством к юбилею Октября.

Помимо названных произведений художественной литературы в планах издательства «Мерани» значатся и работы, освещающие проблемы художественного слова. К ним относится и книга Г. Гвердцителли «Герой и время». В ней рассмотрены наиболее значительные этапы развития грузинской послереволюционной прозы, подвергнуты анализу обрисованные в ней образы людей, сформировавшихся в условиях новой жизни, утвердивших свою жизненную и нравственную позицию.

В готовящемся к юбилею Октября на русском языке сборнике очерков и статей критика и литературоведа И. Богомолва «Спаяны дружбой» прослеживаются ширящиеся и крепнущие связи грузинской советской литературы с братскими литературами, последовательно исследуется развитие в них революционных традиций.

Книгу А. Карбелашвили «Век как миг», в которой речь идет о внедрении научно-технического прогресса, о передовиках производства, трудовых коллективах, чьи усилия направлены на реализацию решений XXVII съезда КПСС, читатели получают на грузинском языке в преддверии знаменательной даты («Мерани»).

Среди новых наименований можно назвать и работы, освещающие различные аспекты и отрасли культуры. В этом русле — и труд Э. Гугушвили «Большевистская печать и театр», в котором рассматриваются статьи о театре и драматургии, опубликованные на страницах «Правды», «Искры» и других газет в годы первой русской революции.

В выпускаемой издательством «Ирыстон» книге Т. Мулдарова «Художники Юго-Осетии» даны их творческие портреты, характеризуются основные направления осетинского изобразительного искусства за семь десятилетий Советской власти, показан вклад художников Юго-Осетии в советское изобразительное искусство.

Большое внимание уделено публикации произведений классиков марксизма-ленинизма. Издательством «Сабчота Сакартвело» уже осуществлен выпуск первого тома 10-томного издания собрания избранных сочинений В. И. Ленина на грузинском языке, в которое включены произведения 1894—1901 годов. В ближайшие дни выйдут второй, третий и четвертый тома. Это издание трудов В. И. Ленина окажет большую помощь студентам различных вузов, изучающих труды великого вождя революции.

Отдельные труды В. И. Ленина выпускают как «Сабчота Сакартвело», так и другие издательства республики. В «Сабчота Сакартвело», кроме того, к юбилею выходят книги Д. П. Шавдия «В. И. Ленин — лектор и пропагандист» и Г. К. Гамсахурдиа «Разработка В. И. Лениным стратегии и тактики большевиков в годы первой русской революции».

Впервые на грузинском языке издаются статьи Ленина о Л. Н. Толстом (издательство «Хеловнеба»).

В издательстве «Алашара» на абхазском языке будет напечатан сборник ленинских статей, а на осетинском языке (издательством «Ирыстон») готовится брошюра «Апрельские тезисы. Декрет о мире и земле».

В «Сабчота Сакартвело» выйдет труд Н. Закариадзе «Ленинизм и мировой революционный процесс».

Литература по истории КПСС представлена «Очерками истории Компартии Грузии» на грузинском языке, написанными коллективом авторов. В основе вышедшей в прошлом году книги П. Ломашвили и З. Гегешидзе «Распространение марксизма-ленинизма в Грузии (1892—1904 гг.)» — вопросы установления Советской власти в Грузии. На русском языке издается труд Г. Жвания «Великий Октябрь и победа Советской власти в Грузии».

Кроме того, в издательстве «Сабчота Сакартвело» оперативно печатаются речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, материалы пленумов, съездов и др. В этом году издается сборник материалов XXVII съезда Компартии Грузии. Большое внимание уделяем мы и изданию литературы, посвященной актуальным вопросам перестройки всей нашей общественной жизни. Этим вопросам посвящены издаваемые в «Сабчота Сакартвело» работы: Д. К. Какабадзе «Комплексный подход — стратегия воспитания», в которой рассматриваются проблемы действенности идеологической работы; Г. С. Пирцхалава «XXVII съезд КПСС и некоторые вопросы организационно-партийной работы». В ней особое внимание уделяется перестройке всей партийной работы по ускорению научно-технического прогресса, всестороннему развитию демократии, осуществлению коллективности руководства, развертыванию критики и самокритики. В книге М. Г. Доделия «Политическая культура и общественный прогресс» в свете решений XXVII съезда КПСС рассматриваются проблемы политической культуры трудящихся в условиях всестороннего совершенствования социализма. Работа А. А. Брегадзе «Устав КПСС — основной закон партийной жизни» посвящена краткой истории выработки норм ныне действующего устава КПСС, его неразрывной связи с идеологической и организаторской деятельностью партии на современном этапе развития. Процессам перестройки в работе Советов посвящена книга Г. А. Еремова «КПСС о дальнейшей активизации деятельности Советов».

Будет осуществлен выпуск сборника «Газета «Брдзола», посвященного одной из первых пролетарских газет. В сборнике будет напечатана сама газета (всего 4 номера) на русском и грузинском языках и комментарии к ней.

Так же, как и «Сабчота Сакартвело», издательство «Мецниереба» готовит по этой тематике книгу С. Чхартшвили «Советы Грузии в период трех революций» (на русском языке), «Историю рабочего класса Грузии» М. Натмеладзе и учебник «Новая история Грузии», созданный коллективом авторов.

Издательство Тбилисского государственного университета откликается на памятную дату работой Ш. Вадачория «Крах молодежных антипролетарских организаций в Грузии» (на грузинском языке).

Литература о победе Октября выпускается всеми издательствами республики. Издательства «Алашара», «Ирыстон» и «Сабчота Аджара» дополняют своими изданиями картину ин-

тернационального единства нашей республики. Книга М. Чавлеишвили «Октябрьская революция и борьба за установление Советской власти и построение социализма в Аджарии» повествует о союзе людей разных национальностей в борьбе за независимость. В брошюре Ф. Санакоева «70 лет под Красным флагом» освещается революционное движение трудящихся масс Юго-Осетии. «Очерки истории дружбы осетинских и грузинских революционеров» И. Хабалашвили рассказывают о совместной борьбе осетинских и грузинских революционеров за установление Советской власти.

Издательство «Сабчота Сакартвело» на грузинском языке выпустит сборник «Борцы за Советскую власть», представляющий собой ряд интересных биографических очерков о видных представителях Коммунистической партии и советского правительства. Ш. Гогидзе в публицистической форме повествует о коменданте Зимнего дворца Иванэ Ратишвили, о его заслуге в деле охраны и спасения исторических памятников и ценностей Петрограда в тяжелые дни революции в брошюре под названием «Товарищ князь» — спаситель сокровищ («Хеловнеба»).

Несомненный интерес представляют труды самих революционеров, которые готовят к юбилею Октября издательства республики. Так, «Сабчота Сакартвело» уже издало на грузинском и русском языках публицистическое наследие Г. К. Орджоникидзе и М. Орахелашвили. Ждет читателей также публикация избранных речей и статей М. Цхакая («Сабчота Сакартвело») и Н. Лакоба («Алашара») на русском языке.

В план-график включены также книги о завоеваниях Октября. Это — «70-летие Великой Октябрьской социалистической революции» И. Чикава («Ганатлеба») на грузинском языке, брошюра «Абхазия по пути Великого Октября», написанная секретарем Абхазского обкома КП Грузии Р. Бутба, в которой рассказывается о достижениях трудящихся автономной республики за годы Советской власти.

Среди научно-популярных работ об интернациональной дружбе народов уместно назвать книги Т. Брегадзе «Ленинская дружба народов» («Сабчота Сакартвело»), А. Лежава «Содружество грузинского и русского народов в борьбе за победу социалистической революции (1900—1921)» («Мецниереба»), А. Ментешашвили «Октябрьская революция и разрешение национального вопроса» («Ганатлеба»). Издательство ТГУ работает над выпуском на русском языке очередного сборника «Литературное содружество».

Хотя названные издания и не исчерпывают всего многообразия тем, затронутых в юбилейной литературе, все же, думается, они дают определенное представление о том, как готовятся встретить славную дату республиканские издательства.

Следует отметить также, что в июле этого года в Тбилиси состоится Всесоюзная книжная выставка, посвященная 70-летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, на которой отдельный раздел будет посвящен грузинским изданиям, приуроченным к этой славной дате. На подобной же Всесоюзной выставке, открывающейся в Москве, также будет представлен раздел грузинских книг, изданных к 70-летию Октября. Лучшие из этих книг попадут на Московскую Международную книжную выставку-ярмарку, которая состоится в сентябре текущего года.

ХРОНИКА

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ

В Союзе писателей Грузии состоялся вечер, посвященный памяти известного грузинского писателя Мамаи Асатиани.

Вечер, приуроченный к 80-летию писателя, вступительным словом открыл секретарь правления СП Грузии Р. Инанишвили. Он рассказал о творчестве М. Асатиани, о его сложной писательской судьбе.

Все произведения М. Асатиани проникнуты безграничной любовью к людям, к их делам и устремлениям. Писатель выразил в них свое отношение к важнейшим яв-

лениям своего времени, запечатлев образы страстных борцов за построение нового общества, их героический труд, любовь, дружбу во имя Родины и народа.

С теплыми воспоминаниями о писателе и друге выступили поэт-академик, Герой Социалистического Труда И. Абашидзе, председатель правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили, секретарь правления СП Грузии Дж. Чарквиани, писатели Р. Джапаридзе, И. Орджоникидзе, Л. Саникидзе, председатель Кутаисского отделения Союза писателей Грузии Д. Квициридзе и другие.

ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИКИ

«Поэты-братья! Вам
желаю Слова. Иным
мерилом нас и не
измерить...».

(пер. М. Акчурина) —

это строки из сборника, вышедшего недавно в московском издательстве «Советский писатель». Автор его — грузинский поэт Гено Каландия, переводчики — Марина Кудимова и Марат Акчурин.

А вот еще строки:

Я вас назвал ягненком
триалетским,
От вас шел запах
пшавского цветка,
Вы розой марта плакали
по-детски.
Я вас назвал ягненком
триалетским,
Столь нежною была
у вас рука.

(пер. М. Кудимовой).

Уже из двух этих цитат видно, что сборник разнообразен по темам, ритмам. В нем уживаются верлибр, классический стих, решенные в традициях народной поэзии плач и баллада. Камерные, глубоко личные строфы вдруг взрываются мыслью, полной публицистического пафоса, за историческими реминисценциями следуют произведения шуточные, юмористические. Но стилистическая неоднородность не дробит сборника, он

воспринимается как единый организм, изменчивый и неоднозначный.

Перевод, даже самый хороший, как известно, не способен быть зеркальным отражением оригинала. Стихий чужого языка разрывает цепи ассоциаций автора, видоизменяет образные покровы его идей. И тем не менее переводчик обязан донести до иноязычного читателя тепло чувств поэта, его мироощущение, его любовь и ненависть.

В краткой рецензии мне не удастся дать даже маломальски подробный анализ переводческого труда Марины Кудимовой и Марата Акчурина. Но несколько замечаний «по поводу» мне хотелось бы сделать.

В творчестве Гено Каландия, и это характерно для многих грузинских писателей, жизнь и смерть выступают подобием сиамских близнецов, обладающих общей кровеносной системой, неспособных существовать друг без друга. Поэтому в самых жизнеутверждающих его строках присутствует грусть — воспоминание о вездесущей смерти, и в самых печальных — надежда: жизнь человека не кончается с его смертью, а как бы продолжается в других. Эта особенность мировоззрения поэта хорошо передается его переводчиками:

Гено Каландия. Баллада о собственном сердце. М., «Советский писатель», 1986.

Так, напевая,
Мы ушли из дома
Навстречу ожидающей
наш жизни,
Навстречу ожидающей
наш смерти,
Навстречу новому
рождению солнца.
(пер. М. Акчурина)

Жизнь и смерть лириче-
ского героя Каландия пере-
плетаются с жизнью и смер-
тью природы. Человек и при-
рода сливаются в единое
целое, и бессмертие и беско-
нечность природы становят-
ся бессмертием и бесконеч-
ностью человека:

А песня дымом стелется
над домом.
Трава восходит
на холмах могильных...
(пер. М. Акчурина)

Природа присутствует в
каждом стихотворении сбор-
ника. Она — и весна, от
которой поет «грешное сер-
дце, как рана», и реки, что
цепляются, «словно когтя-
ми за скалы», и ветер сы-
рой, играющий на струнах
«дождя молодого»... Песня
природы — многоголосье, и
переводчикам удалось вос-
создать несхожесть голосов,
сливающихся в единой ка-
пельке:

Небо настезь рубаху
раскрыло,
В Алазани звезда
сорвалась...
Будто радуга в небе
всходила —
Семицветная песня
лилась.
(пер. М. Кудимовой).

Мелодия этой строки —
распахнутая, как «рубаха

неба», плавная, как полет
сорвавшейся звезды.

Между этими
кряжистыми дубами,
Между этими
скрипучими соснами,
Между этими
ветвистыми кленами—

Что вы делаете здесь,
В чаще древнего леса,
Удерживая на своих
тонких стеблях
Фиолетовое небо?

(пер. М. Акчурина) —
это обращение к фиалкам.
На стволах повторяющихся
«между этими» разрослись
нерифмованные, «скрипучие»
строки. Они давят на читате-
ля, создавая потолок, сквозь
который рвутся ввысь муж-
ественные цветы, удержи-
вающие на «своих тонких
стеблях фиолетовое небо».

Природа неразрывно свя-
зана с отечеством. В сбор-
нике есть немало прекрасно
переведенных строф, посвя-
щенных малой родине — се-
лу Одиши. Интересны поэти-
ческие размышления об
Абхазии, о древней Колхи-
де, о Мегрелии, Кахети,
Картли, о Грузии в целом.

Пусть боль твоих
усталых деревень
На мне проступит
оспой молчаливо
(пер. М. Акчурина), —

обращается поэт к Мегре-
лии.

Под ногой — кровавая
кора,
Рубят виноградники
в Кахети

(пер. М. Кудимовой), —
пишет он в другом стихо-
творении.

разночтения: и «Ираклия предали», и «Ираклий предан кому-то». Уже здесь читатель спотыкается. Из следующей фразы перевода — «Бывает иногда слуга верней, чем сын» — следует логический вывод: Ираклия предал сын. Но Гено Каландия ничего подобного в своих стихах не утверждал. Царя Ираклия действительно предали, по этому поводу есть несколько версий, но сыновья его в предательстве неповинны.

Слово «заложники» по отношению к тремста арагвинцам — тоже искажение авторской мысли и искажение истории. Арагвинцы — воины, погибшие в бою, они — «быки» (в грузинской мифологии — кормильцы, священные животные, несущие на себе основную тяжесть жизни), быки, но никак не агнцы.

В результате всех этих неточностей стихотворение «Триста арагвинцев» в переводе оказалось настолько далеким от оригинала, что вряд ли донесет до русского читателя мироощущение грузинского поэта. И оно, как уже говорилось, не единственная неудача переводчиков «Баллады о собственном сердце».

Не хотелось бы кончать рецензию на критической ноте: сборник в целом безусловно удачный.

Я не открою истины, если скажу: издания такого рода необходимы. Но издания, выполненные на хорошем профессиональном уровне, подготовленные бережно и с любовью. От добросовестности и таланта людей, соединяющих непохожие сердца в двуедином, двунациональном поэтиче-

ском слове, во многом зависит, насколько хорошо поймут народы друг друга.

Ирина ЛЕЖАВА

«СЕМИЦВЕТИЕ РАДУГИ»

В фольклоре почти всех народов есть сказания о магических словах, заклинающих, воскрешающих. Хорошо подметили древние: действительно, если что и способно совершить чудо воскрешения человека, истории, то это — поэтическое слово. Благодаря литературе, магии поэтического слова, в наше время, в XX веке, обретают новое звучание древние имена многих народов, имена некогда звучавшие на широких просторах Земли, оказавшиеся судьбоносными для истории современности, давшие миру теперешнее его лицо. Так, сегодня, для миллионов людей слово авары ассоциируется с прекрасной поэзией этого небольшого народа, со стихами Расула Гамзатова, и мало кто знает, что некогда авары, — «оврины» древней русской летописи, потрясали Европу, заставляли бледнеть византийских императоров, осаждали Константинополь...

Открывая книгу стихов — переводов с осетинского, уместно вспомнить древнюю историю этого народа, ведущего свои предания от скифов, великий эпос сказаний о нартах, оставшийся от тех древних времен. Вспоминать об исторических великих сражениях предков осетин — алан с гунами, удар которых приняли первыми в Европе, ибо первыми преградили варварам путь

к древним очагам цивилизации... Об аланских всадниках, прошедших в бурном пятом веке от Кавказа до Пиринеев и осевших в Испании... О подвиге алан в страшном XIII веке, когда об их щиты разбилась монгольская рать Сабудай-Богатура и Джебе-Нойона... Об этом очень мало в книге стихов осетинского поэта Реваза Асаева «Семицветие радуги»*, но это обязательно приходит на ум, когда читаешь сугубо современные строки поэта о минувшей войне:

По броне стучат копыта,
Гривы плещутся огнем.
Будет много нас убито...
Но и так свое возьмем!

Древняя аланская доблесть, традиции гордого народа незримо присутствуют на страницах книги, ощущаются как постоянный фон поэтического повествования.

Другие глубинные истоки поэзии Реваза Асаева идут с берегов реки Алазани в Кахети, откуда родом поэт, — это богатейшие древние традиции Грузии, с которой поэта связывает не только место рождения. Стихотворения «В родном селе», «Кувшины», «Радуга в Самгори», «Тбилисское море» наполнены дыханием грузинской природы, грузинским мироощущением, реалиями быта. Все это роднит поэзию Асаева с духом грузинского поэтического слова.

Хотя на титульном листе

*Реваз Асаев. Семицветие радуги. «Художественная литература», М., 1986.

сборника нет слова «Избранное» — это стихи разных лет, видимо, достаточно полно отразившие творческий путь поэта. Путь от юношеских, еще во многом наивных стихов, написанных в 30-е годы, — сквозь горнило войны, — к мудрости, высокой гражданственности, столь присущей поэтам его поколения. Реваз Асаев, участник Великой Отечественной войны, хочет передать современному читателю то ощущение боли утрат и гордости победой, которое переполняет его, служит источником поэтического вдохновения.

Неразрывно связанные чувства боли, нежности, нежности, гордости составляют силу и поэмы «Капля крови», прекрасно переведенной М. Гороховым. В поэме раскрывается талант автора сочетать высокое поэтическое мастерство со свежестью чувств, неожиданностью и точностью образов. Как пронзительно звучат строки, повествующие о разгромленном фашистом доме, где остались лежать убитые им мать и ее маленькая дочь:

Не пух, а снег
сиротства, снег беды
Взлетел над кровлей
до ночной звезды.
А ветер выл и рамоу
скрипел —
Глазам своим он верить
не хотел.

Поэма — содержательное и захватывающее повествование о простых людях на войне.

И еще одна тема пронзывает поэтический сборник — это тема интернацио-

нализма, дружбы народов.
верности заветам Октября.

Вздыхнул народ мой
радно и гордо.

Сбылась она,
Заветная мечта.

Ильич знамена
правды и свободы

Послал за грань
Кавказского хребта.

Стихи хочется цитировать и это закономерно: ведь они пишутся для чтения вслух. Но это говорит и о том, что стихотворения, откуда приведены цитаты, хорошо переведены, органично звучат на языке перевода. К сожалению, этого нельзя сказать обо всех переводах сборника. И дело не толь-

ко в отдельных погрешностях, но, на наш взгляд, и в самом принципе построения поэтического сборника из переводов, выполненных разными авторами. Несомненно, что каждый переводчик невольно привносит в сборник свою интонацию, что порой создает не присутствующий подлиннику интонационный и стилистический разброд. В то же время надо отметить прекрасные переводы Б. Ахмадулиной, Ю. Левитанского, М. Горохова, А. Передреева, одного из старейших переводчиков — покойного Б. Серебрякова. Они по праву разделяют с автором успех книги.

В. ПРОСТОСЕРДОВ

ХРОНИКА

«ГОЛУБЫЕ ГОРЫ» ВО ФРАНЦИИ

С большим успехом прошла в Париже демонстрация фильма Э. Шенгеля «Голубые горы». Французская пресса широко откликнулась на грузинский фильм.

«Это талантливая сатира на бюрократию, — писал журнал «Позитив». — Мы словно оказываемся в круговороте жизни, увиденном глазами Кафки, и знакомимся с учреждением, где сотрудники, похожие на персонажей Гоголя, ничего не создают и вообще ничего не

делают. Режиссер мастерски создает симфонию безделья и никчемности людей».

«Голубые горы» выявляют абсурдность бюрократии и человеческую бездеятельность, — пишет один из самых престижных журналов «Кайе дю синема». — А треснувшая стена, безусловно, талантливая метафора этого мира».

«Всем, кто не верит, что в Советском Союзе можно критически взглянуть и оценить реальную жизнь, я советую посмотреть «Голубые горы», — пишет Жан Руа в газете «Юманите».

Лейтмотив: любовь к родной земле

Наша новая рубрика — «Поле зрения» — преследует цель расширить «пространство, обозримое глазом». К сожалению, «Литературной Грузии», отнюдь не «толстому» журналу, трудно в полной мере отобразить такой сложный феномен, каким является грузинская литература, дать исчерпывающую картину литературной жизни Грузии. К тому же, произведения, публикуемые в журнале, подвергаются трудоемкому процессу перевода и редакционной обработки, зачастую требующих длительного времени, и получается, что журнал представляет на своих страницах не сегодняшний день грузинской литературы, а день вчерашний. Но ведь одна из задач журнала — помочь грузинским писателям утвердить свой приоритет в творческой разработке новых художественных идей. Литературный процесс в нашей многонациональной стране — процесс единый, и потому важно, не отставая от него, вовремя дать всеоюзному читателю наиболее полную информацию о сегодняшнем дне грузинской литературы.

С этой целью редакция журнала решила регулярно знакомить своего читателя с произведениями, публикуемыми в литературной периодической прессе Грузии — давать своего рода ин-

формативную сводку о прозаических и поэтических произведениях, увидевших свет в тот или иной период.

Для начала были отображены журналы «Мнатоби» и «Цискари» и газета «Литератури Сакартвелო» («Литературная Грузия»), вышедшие в течение зимы 1986—87 годов, т. е. №№ 12 (1986), 1, 2 (1987) журналов и подшивка газеты за три зимних месяца.

Из прозаических жанров рассказ, пожалуй, наиболее любимый и популярный у грузинских писателей. Ни одна книжка журнала, «Мнатоби» или «Цискари», ни один номер «Литератури Сакартвело» не вышел без рассказа — иногда это новелла, миниатюра, зарисовка...

Тематика их — самая разнообразная — город, село, война, прошлое, сегодняшний день... Пожалуй, чаще всего писатели обращаются к селу, сельской жизни. Разные люди живут в нашем селе. Вот Манана, молодая вдова («Мать - орлица» Р. Инанишвили). В горном селе Ипнари она растит детей, ведет хозяйство: у нее две коровы, восемь овец, четыре козы, две свиньи, куры, индейки, — словом, забот хватает. Село давно покинуто жителями, только пять семей осталось в нем, Манана в их числе. Родная земля придает ей

силы, она никогда не бросит ее. Становится как-то спокойнее на душе от сознания, что есть такие сильные люди, как Манана. Мзеха — героиня другого рассказа Р. Инанишвили («Старушечье имя — Мзеха»). Она тоже из горного села. С Мананой ее роднит не только внешняя красота и красота души, но и цельность характера, сила духа, угадываемая в ней. Два других рассказа Р. Инанишвили возвращают нас в дореволюционное село. В первом из них («Столетний дед едет повидать царя») старый Зезва в сопровождении взрослых внуков едет в Телави поклониться царю Ираклию; во втором («Гнев Миха Чучулашвили») из боязни разгневать Миха Чучулашвили, защитника обиженных и угнетенных, сельские кулаки хоронят жену бедного крестьянина. В нынешнем году Резо Инанишвили исполнилось шестьдесят лет. В статье «Свет добра», посвященной писателю, поэт Гиви Гегечкори пишет: «Нас покоряет интонация, мелодия его прозы. Все, о чем он пишет, как бы происходит на наших глазах, мы — участники его рассказов, и поэтому они не могут оставить нас равнодушными. Попадая в поэтический мир Р. Инанишвили, мы ощущаем в себе «глухую очистительную боль» и хотим, чтобы это состояние продлилось как можно дольше...»

Вано Бурдули, человека хмурого, молчаливого, грубого, односельчане прозвали бессердечным («Бессердечный» Т. Гоголадзе). Отца похоронил, жену привел, сына на фронт отправил —

никто никогда не прочел на его лице ни горя, ни радости. Умерла жена — не вынесла разлуки с сыном... И только когда пришла похоронка на сына, внешне невозмутимый, суровый Вано Бурдули сломался. «Разрыв сердца» — таков был диагноз сельского фельдшера. И все соседи — близкие и неблизкие — виновато вздохнули: почему же они всю жизнь звали Вано «бессердечным»?

Настоящее часто переключается с прошлым. В рассказе Д. Квицаридзе «Я — старик» воспоминание о войне врывается в наш сегодняшний день. Слишком глубокий след оставила война прежде всего в душах тех, кто воевал. Недаром автор рассказа (бывший фронтовик, партизанивший в лесах Белоруссии) говорит, что «картины войны провожают солдата до могилы, да и там не оставляют его...»

Лейтмотив рассказа О. Деметрашвили «Память» — верность человека своим корням. Именно эта мысль и водила рукой автора, когда он писал свой рассказ.

В новелле Р. Мишвеладзе «Камин без тяги» старик вспоминает давно прошедшие дни, когда он, будучи секретарем комячейки, вместе с начальником милиции раскулачивал Минаго Квачрелидзе из села Цицкилагеле. Все пятнадцать семей этой деревушки «проголосовали» за раскулачивание работяги Минаго. Проголосовали и разошлись по своим теплым жилищам, оставив представителей власти коротать ночь в ледяной конторе. И если они не за-

мерзли в этой богом забытой деревушке, то лишь благодаря «кулаку» Минаго, который принес им теплые одеяла и еду. Забота о людях, очевидно, была так же естественна для него, как и забота о земле, скотине... Старик потом дважды бывал в этом селе, но Минаго все еще не возвращался из ссылки... Новелла «Седло» рассказывает о крестьянине, продавшем дедовское седло за двадцать рублей, как оказалось, спекулянту, и снова выкупившем его за сорок у другого крестьянина, которому спекулянт успел сбить седло. Р. Мишвеладзе — мастер неожиданных концовок, не столько логических, сколько интонационных, как бы раздвигающих тесные жанровые рамки новеллы. (Здесь же отметим, что за новеллы, созданные в последние годы и вошедшие в новую книгу «Цепь» Р. Мишвеладзе была присуждена премия Совета Министров Грузинской ССР «Летопись пятилетки» за 1986 год). Двадцать восемь лет режиссер Гела Кадагидзе посвятил основанному им же народному театру в родном высокогорном городке Дабауни («Измена»). После двадцати восьми лет верной службы он переезжает в столицу, в центр культурной жизни. Вопреки ожиданию читателя Гела становится ведущим актером ведущего театра страны. Он играет самого Лири, и как играет! Только раз он сыграл ниже своих возможностей — когда в зале сидели дабаунцы. Гела нервничал, боялся, что они не простят ему измены. А потом пришло письмо из Дабауни: на-

до что-то делать с родным домом и участком, писала родственница, не то участок заберут, а дом продадут... Напрасно убеждал Гела председателя исполкома, что и дом, и участок завещаны ему отцом, а отцу — его отцом, что он не мыслит жизни без родного крова, председатель был неумолим: нельзя иметь в каждом городе по дому...

В ту ночь, возвращаясь поездом в столицу, Гела Кадагидзе скончался в купе спального вагона. Писатель заканчивает новеллу следующим образом: «Есть у нас, у писателей, такое дарованное природой право: любого своего героя, когда нам заблагорассудится, мы можем отправить на тот свет. Поверьте, автор этой новеллы редко пользуется этим правом и на сей раз ему очень хотелось оставить в живых нашего выдающегося актера. Но он никак не мог найти иной меры наказания для председателя исполкома Беглара Квемоклидзе. Официально Беглару никто не предъявлял обвинения в смерти Кадагидзе, но мы-то с вами, дорогой читатель, прекрасно обо всем осведомлены, и для начала этого достаточно».

«Утомленный пением соловей» — новелла, написанная в форме монолога старой грузинской крестьянки, она посвящена памяти безвременно ушедшего замечательного грузинского певца Гамлета Гонашвили.

Нередко село выступает просто фоном для человеческих взаимоотношений. На сельской дороге застрял старенький «Москвич», и мы становимся свидетелями се-

мейной сцены («Женщина» Г. Папуашвили). Жена жучит мужа за то, что он во-зится с машиной, вместо того, чтобы спешить к телефону, — он должен вызвать скорую помощь к больной теще. «Наверняка дело в карбюраторе!» — уверенно говорит жена, ничего не смысла в машине. Перепалка между супругами кончается тем, что жена уходит вверх по дороге, домой, а к мужу выходит сосед, и между ними завязывается любопытный (в свете проблемы мельчания личности героя) разговор, который автор, правда, сводит к шутке.

«— В наше время женщина — это все. Мужчины постепенно сдают свои позиции. Если раньше господствовал мужчина, а женщина была преданной ему рабой, то в двадцать первом веке все будет наоборот.

— Где это написано?

— Нигде, но все к тому идет.

— Лучше мне удавиться, если такое случится! — муж закрыл багажник. — А чем это объяснить? — вернулся он к прерванной беседе прежде, чем завести мотор, — почему женщина должна стоять над нами?

— Да потому, что тебе лень спорить с ней, а она, уж если вобьет себе что-нибудь в голову, не отступит-ся!

И тут с холма донеслось:

— Все дело в карбюраторе, слышишь, в карбюраторе!».

Гено Гелашвили чрезвычайно взволнованный вернулся с фермы («Талант» И. Талиашвили). На ферму прибыла киногруппа, весь

день режиссер ходил с Гено по ферме, задавал вопросы, просил показать, как они работают, словом, репетировали перед съемкой, и под конец режиссер объявил, что у Гено талант. Потрясенный открытием режиссера, Гено теперь только о том и думал, как ему использовать свой талант. В ожидании съемки он, остыв к любимой работе, целыми днями лежал на расстеленной на земле бурке и предавался мечтам. Талант грузом давил на него. Дома он не давал покоя жене, сыну, заставляя их позировать перед воображаемым аппаратом... Наконец появляются долгожданные члены киногруппы. Но они, оказывается, уже сняли ферму, а к Гено заглянули просто так, по-дружески...

«Сельская проза» Нугзара Шатаидзе — это небольшая зарисовка, написанная скупым, «кинематографическим» языком, воссоздающим мгновенность изображаемой картины — жаркий июльский вечер, три крестьянина у источника, старуха, моющая шерсть, груженая сеном арба. За арбой следует хозяин. Вот он оглядывает своих односельчан спокойным взглядом поработавшего на славу человека и степенно здоровается. «Что поделаешь, — с нескрываемым восхищением восклицает в заключение автор, — но в городе я еще не встречал человека с такой вот походкой!».

Второй рассказ Н. Шатаидзе — «Краткая биография» — повествует о жизни обыкновенного человека, прожившего без малого сто лет, в которой, как в капле

воды, отразилась жизнь всей страны.

Светлой печалью, грустью по ушедшим дням, тоской по серпу и несжатому полю, по простой крестьянской арбе пронизаны миниатюры Р. Бежанишвили, объединенные под заглавием «Добрый молодец» с подзаголовком — «Миниатюры на старинный лад». Иные из них — завершённые пейзажные зарисовки, проникнутые любовью к родной земле.

Из города в деревню бежит дед, похитивший собственного внука у чрезмерно заботливых родителей, теток, бабушек («Бледный мальчик» О. Чхеидзе). Писатель создает удивительно выпуклый образ еще не старого человека, тянущего свою лямку, а с нею и многочисленную семью, сильного благодаря своему корню, глубоко вжившемуся в землю. Эта земля, он уверен, напоит живительными соками и его горячо любимого бескровного внука. Тема земли, природы присутствует и в другом рассказе Отара Чхеидзе — «Редкий образец» — о влюбленных в свою профессию людях.

У Габо Намгалаури, отца четырех девочек, родился сын («В ущелье Арагви...» В. Чхиквадзе). Радости его нет предела. Он делит ее с заезжими молодыми людьми... Действие второго рассказа Ваню Чхиквадзе происходит уже в городе («Холодное воскресенье»). Это небольшая зарисовка о нежных, но не лишенных сложности отношениях между матерью и дочерью.

Город, горожане, преиму-

щественно молодежь, — тема рассказов молодого прозаика Михаила Антадзе. По всему видно, автор прекрасно знает предмет, о котором пишет. Ему нельзя отказать в фантазии, юморе, способности убеждать. Впрочем, читатель и сам убедился в этом, ознакомившись с его рассказами, которые появились одновременно в 12-х номерах «Мнатоби» и «Цискари».

Как-то зимой Нико Кабадзе встретил в пустынном парке девушку («Марта»). «Здравствуйте, Нико, я вас ждала», — сказала она. Так в жизнь Нико входит Марта. Из обыкновенного столбчатого повесы он постепенно превращается в думающего, оценивающего свои поступки человека. Оказывается, доброта, сочувствие, способность разделять чужие радости и горести возвышают человека и в конце концов оборачиваются добротой к самому себе. Осознав это в полной мере, герой рассказа Михаила Антадзе начинает понимать, что не он подержал Марту, а Марта протянула ему руку помощи в трудный для него момент.

«Нино» — бытовая зарисовка, рассказывающая о буднях съемочной группы. Автор показывает, как в суете повседневной жизни нас иногда пронзает грустная мысль об ушедшей молодости...

С интересом читается полужанровый рассказ «НПР». Аббревиатура расшифровывается следующим образом: Неизвестного Происхождения Рев. Рассказ повествует об убожестве, нравственном и духовном, кото-

рое характеризует определенную часть нашей молодежи. Той же теме посвящен и рассказ «Ни и Ни» — о молодых мужчине и женщине, в жизни которых все настоящее подменено суррогатом, да и сама их жизнь представляется никому не нужным эрзацем. «Кето и Котэ» — рассказ о том, как из-за пустяка разошлись пути возлюбленных Кето и Котэ. Это еще одно доказательство, утверждает автор, древней мудрости — простые, ничего не значащие мелочи могут повлечь за собой значительные и прискорбные события. Но не будем верить автору на слово, внимательный читатель поймет, что дело не в древней мудрости, а в поверхностности чувств героев рассказа, в примитивности их натур.

А. Чичинадзе в своем рассказе «Неиспользованное ружье» по-своему ставит проблему отцов и детей, скорее даже дедов и внуков. «Настоящий мужчина, отважный, бесстрашный человек не может быть темным, необразованным человеком, — говорит главный герой рассказа батони Сандро воображаемому грабителю, — только истинному интеллигенту удается все. Любое дело, самое благороднейшее и самое подлое, он сделает лучше, чем какой-нибудь невежественный болван». Не будем спорить о правильности доводов батони Сандро, главное, на наш взгляд, в том, что эти слова адресуются прежде всего внуку батони Сандро и его друзьям и уже потом воображаемому грабителю. В другом своем рассказе «Дет-

ский мир» А. Чичинадзе с грустным юмором говорит о любви, которую душат серые будни — как часто мы не осознаем, что одно только присутствие близкого нам человека придает смысл нашей жизни.

Интересную проблему ставит в своем рассказе молодой прозаик Кетэван Меликидзе. «Сторож белых камней» — рассказ о молодых людях, бывших одноклассниках, о сложных отношениях между ними, о компромиссах, на которые они идут, о любви-ненависти, связывающей их, словом, о том, что зовется жизнью. Автор, безусловно, обладает зорким глазом, умением подметить характерное в человеке, чувством юмора. Ее герои — обыкновенные молодые люди со своими достоинствами и недостатками. Кому-то приходится изворачиваться, кто-то живет на всем готовом. Привлекателен образ юного Зазы. После обвинительной речи Лизико у него точно пелена с глаз спадает: он вдруг увидел своих кумиров в истинном свете. Его не удовлетворяет характеристика, которую дают себе герои рассказа («Мы не воры, не бандиты, не морфинисты и не убийцы, в чем мы провинились, почему ты нас охавиваешь, — вымученно засмеялся Гога, — интеллигенция терпит нужду, пусть торговцы помогут ей, их не убудет»), и это вселяет надежду на то, что наш завтрашний день предъявит интеллигентному человеку более высокие требования и не будет мириться с его конфоризмом.

В рассказах А. Чхикви-

швили подспудно присутствует стремление вырваться из городской круговерти на лоно природы, поближе к земле. Джими Пагава, студенту одного из тбилисских вузов, живущему в крошечной комнатенке с голыми стенами, снится родная деревня («Фильм Иоселиани»), хотя, похоже, Джими и не скучает по ней... Профессор Тенгиз Джаши по вине работников аэропорта проводит ночь на рыбалке, а потом благодарит их за подаренные чудесные минуты, потому что эта незабываемая ночь, общение с природой принесли ему невыразимую радость, влили в него новую энергию и силы, в которых он так нуждался («И дождь смывает следы»). И даже в рассказе «Инсайд» (автор дает сноску: «проникновение в проблему»), рисуя сугубо учрежденческий быт, совершается «вылазка» за город — на этот раз в виде командировки, являющейся, кстати, кульминационной точкой повествования...

Место действия рассказа М. Мосулишвили — не город и не село, а степь Восточной Грузии, прибрежные леса Иори. Здесь и разыгралась страшная трагедия, о которой рассказывает автор. Кучка пьяных негодяев (один из них — важная персона из Тбилиси), полагавших, очевидно, что им все дозволено (ибо прежние их, мягко говоря, проделки сходили с рук), приезжает ночью в заповедник поохотиться. Охота превращается в кровавую бойню. Читателю может нравиться или не нравиться манера изложения автора, но факт, рассказан-

ный им, не оставляет равнодушным.

Героями коротких рассказов Н. Ломоури выступают животные — чистоплотный поросенок, глупый малек, лиса с петухом вместо хвоста и даже тыква, возомнившая себя солнцем. В. Ахвеледиани рассказывает о собаке преданности и людском равнодушии («Бомбо»). Д. Джикидзе дает своему рассказу «Человек и зверь» подзаголовок — «полусказка».

Дж. Тикарадзе объединил свои новеллы под общим названием «Маленькие непристойности». Это рассказы о неверных женах, глупых мужьях, злых тещах, о людях жадных, ограниченных.

Один день из жизни женщины, нашей современницы, описывает Л. Джанелидзе. Д. Беридзе обращается к прошлому («Лазаре»).

Недавно в нашей республике отмечался столетний юбилей известного абхазского писателя С. Чанба. С. Чанба — общественный деятель — был непосредственным участником многих исторических событий. В частности, как член Центрального Исполнительного комитета он находился в поезде, в котором тело Ленина везли из Горок в Москву. Об этом и рассказывает писатель в своем рассказе «Поезд № 6». Перевод на грузинский осуществлен А. Гургенидзе.

На страницах «Мнатоби» была опубликована «Малая проза или эссеистические заметки» (из второй книги) Т. Буачидзе. Писатель размышляет о связи человека с природой («Начало зимы»), о преемственности по-

колений («Предки»), о детском познании («Первые впечатления»), о братстве людей («Человек — ты, я, он...»). В нынешнем году Тенгизу Буачидзе исполнилось шестьдесят лет. В посвященной ему статье критик Г. Гачечиладзе пишет: «Читая «Малую прозу» Т. Буачидзе, мы вновь и вновь постигаем те ценности, те основополагающие понятия, те признаки национального или личного достоинства, с которыми так безжалостно расправляется время и которые он с такой упрямой настойчивостью возрождает в сознании своего читателя. Он превратил свою «Малую прозу» в орудие против духовного сальверизма, не утаивая правды, сказал то, о чем иные не столь уж мудро предпочитают умалчивать»...

«Когда в Цицамури убили Илью, окончилась великая эпоха», — сказал поэт, наш современник. И началась другая, возможно, не менее великая, об этом с достоверностью скажут наши потомки. Эта другая, наша эпоха стала предметом пристального внимания О. Чиладзе в его новом романе «Мартовский петух». Опубликована пока только часть романа («Мнатоби», №№ 1, 2), продолжение его следует, но уже можно вполне определенно сказать, что состоялась еще одна интересная встреча писателя с читателем. Сложное переплетение времен — настоящего, прошедшего и будущего, непрерывная цепь ассоциаций, откровенная поэтичность языка и мышления автора романа — все это обуславливает тот на-

пряженный интерес, с которым читается произведение.

Грузинский читатель познакомился еще с одним новым романом. Это произведение молодого прозаика Гури Петэлава «Приговоренный жить» («Цискари» №№ 1, 2). Г. Петэлава был командирован ЦК ЛКСМ в Западную Грузию, в результате родилась история мегрельского села Одабадэ, которую молодой писатель представил на суд читателя. Публикация романа продолжается...

«Сонет или триолет, голоса перемешались... Верлибр или белый стих, стихи самые разные, но главный среди них, на мой взгляд, — шаири!». Это стихотворение поэта Тедо Бекишвили как нельзя лучше передает многообразие форм современной грузинской поэзии. Но главное — шаири, и это неудивительно, говорит поэт, ведь им писал Руставели. И мы понимаем, что в данном случае имеется в виду как раз не форма, а национальный дух стихотворения, красота родного слова.

И в этом поэт прав. Пожалуй, основной мотив поэзии — любовь к родине, ее прошлому и настоящему. Она может вылиться в посвящение Тбилиси — еще одно объяснение в любви древней грузинской столице (Дж. Чарквиани) или в описании Стамбула (Б. Арабули), откуда поэт возвращается, не отомстив, без десятицы врага — прошлое и настоящее тесно переплетено в его сознании; во встречу с авиаторами-новичками на берегу Риони (К. Каладзе), пронизанную любовью к

родному Кутаиси, олицетворяющему в данном контексте всю Грузию, и в оду оде — дому на сваях, который издревле возводили в западно-грузинских деревнях (А. Табатадзе).

Когда на Западную Грузию обрушилось стихийное бедствие, грузинские писатели вместе со всем народом пришли на помощь пострадавшим. Дж. Чарквиани откликнулся на это трагическое событие стихотворением «Дар выстоять». Оно проникнуто любовью к родине, верой в то, что она вынесет и это несчастье, как выносила многие другие, выпадавшие на ее долю. Этой же теме посвящено стихотворение Нодара Джалагония — «Все как один»: пришло время доказать свою любовь к родине на деле, разделить с народом беду и собственный кров. Но Грузия в пору постигшего ее несчастья не одинока («На карте Грузия имеет форму стяга» Н. Гурешидзе), ибо на сей раз ее поддерживают друзья...

Любовь к родине, родной земле, человеку — лейтмотив большинства стихотворений, опубликованных в литературной прессе (Л. Сулаберидзе, О. Шаламберидзе, Г. Каландия, Р. Чилачава, И. Кемертелидзе, Р. Джинджихадзе, А. Ахобадзе, М. Харитонашвили, М. Шалвашвили и многие другие); иногда это откровенно публицистические произведения, иногда — глубоко лирические, конечно же, разных художественных достоинств, но, как правило, одинаково искренние.

Поэзию не перескажешь, в противном случае она пе-

рестала бы быть поэзией. Медия Кахидзе проникновенно пишет о любви, о том, как тяжело терять любимого человека; «Август — женский месяц», «Розы на городской площади», «Гармония» открывают исполненный лиризма мир Лии Стурца; грустью об ушедших годах, ностальгией по прошлому пронизано стихотворение Романа Миминошвили «Тополя»; чеканная строка Бесика Харанаули — «Байрон уже никогда не проснется!» — будит тревогу в душе («Пограничная звезда»), и, напротив, умиротворяют лирические строки Гиви Чичинадзе («Старый камин», «Дождь», «Это скажут обо мне»)... Резо Амашукели одно из своих стихотворений («А поэт улыбался с царским достоинством») посвящает Пушкину. В нем лейтмотивом звучит мысль об избранности поэта, о том, что Пушкин в первую очередь — настоящий, мужественный человек, а потом уже великий поэт; эта мысль прямо перекликается с мыслью академика Д. С. Лихачева, высказанной в статье «В памяти народной»: «Он был верным другом и добрым товарищем... Он не боялся царей и презирал карьеристов - вельмож... Он был внимательным мужем, заботился о чести и покое жены до последней минуты. Наконец, он был просто здоровым, веселым, смелым и сильным человеком» («Огонек», № 6, 1987)... С «Вариациями на семейную тему» выступает Михаил Квливидзе, в которых подкупающе просто, с чувством говорит о любви к своим

близким... Стихотворение Давида Мчедлури «Нестан, моя Нестан» рождает ассоциацию с руставелевской героиней, которая, как считает поэт, была счастливее современной Нестан (своеобразный отклик на дегероизацию, деромантизацию нынешнего героя)... Вахтанг Горганели призывает людей «беречь землю, объединиться — во имя мира невозможное сделать возможным («Будем беречь землю!»)... Эмзар Квитаишвили ищет истоки жизни, основной ее источник («О чем следует вспомнить»)...

В марте состоялся XXXIII съезд ЛКСМ Грузии. Со страниц «Цискари» к моло-

дежи обратились писатели — лауреаты премии комсомола Грузии — Джансуг Чарквиани, Гурам Панджидзе, Мераб Элиозишвили, Морис Поцхишвили, Реваз Амашукели, Наргиза Мгеладзе, Дилар Ивардава, Натан Баазов, Энвер Нижарадзе, Вано Чхиквадзе, Гиви Чичинадзе, Далила Бедианидзе, Тенгиз Чалаури и лауреаты премии имени Маяковского — Багатэр Арабули, Вахтанг Харчилава, Манана Читишвили, Давид Мчедлури, Лаша Надарейшвили. Лейтмотив этих выступлений — любовь к родине, вера в молодежь, в ее завтрашний день.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

Сдано в набор 13.II.87. Подписано к печати 14.IV.87 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 10700. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5 000. Заказ 422. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Камилла КО-
РИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Марк ЗЛАТКИН,
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

87-270

26-87

ИНДЕКС 78117

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

